

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1906.

№ 17.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово, произнесенное 16-го августа 1906 года въ Спасскомъ мужскомъ монастырѣ, чѣмъ на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда. <i>Высокопреосвященнаго Арсенія, Архiepископа Харьковскаго и Ахтырскаго</i>	213—216
Русское сектантство. <i>И. Айвазова</i>	217—237
Русская духовная миссія въ Японіи. (Продолженіе). <i>Студента Императорскаго Харьковскаго Университета Ѳ. Прохоренка</i>	238—258
Распространеніе христіанства въ придворныхъ кружкахъ въ первые вѣка (по А. Гарнаку). <i>Дн. Спасскаго</i>	259—268
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Вл. С. Соловьевъ и его религіозно-нравственные идеалы. <i>А. Снегирева</i>	143—161
Религіозное мировоззрѣніе Гартмана. (Продолженіе). <i>И. Щеглова</i>	162—178
III. ИЗВѢСТІЯ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. I. Журналъ № 33 дневнаго засѣданія XX съѣзда духовенства Харьковской епархіи 12 сентября 1906 года.—Епархіальныя извѣщенія. II. Указъ 17-го апрѣля 1905 г. и свобода совѣсти, провозглашенная манифестомъ 17-го октября. М.—Къ газетнымъ толкамъ о второбрачій вдовныхъ священниковъ. П. К.—Въ защиту установленія суда чести для духовенства. <i>Сельскаго священника Л. Горашка</i> .—Изъ жизни расколо-сектантства. Изъ дневника миссіонера. Харьковскіе сектанты „ѳивисты“ (окончаніе). <i>И. Айвазова</i> .—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	



ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ вд. Присут. мѣстѣ.
1906.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ канонѣвъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и кружка извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчій лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавія, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСВѢДЫ Высокопреосвященнаго Архиепископа Харьковского и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

С Л О В О

Высокопреосвященнаго Арсенія,

Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго,

произнесенное 16-го августа 1906 года въ Спасскомъ мужскомъ монастырѣ, что на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда.

Нынѣ, братіе, совершается храмовой праздникъ этой святой обители,—праздникъ въ честь Нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя. Этотъ Образъ явился слѣдующимъ образомъ: Когда Господь Иисусъ Христосъ жилъ на землѣ и проповѣдывалъ свое Божественное ученіе, то свое ученіе Онъ сопровождалъ чудесами. Великое и разнообразное множество чудесъ сотворилъ Онъ и среди нихъ особенно часто исцѣлялъ больныхъ. Слава о чудесахъ Иисуса Христа распространилась далеко, даже за предѣлы земли іудейской. въ которой собственно Онъ жилъ и проповѣдывалъ. Тогда приходили къ нему многіе изъ далекихъ странъ, особенно большыя и бѣсноватыя. Слышалъ про чудеса Иисуса Христа и князь Едесскій Авгарь, и хотя онъ былъ язычникъ, но вѣровалъ въ божественную силу Иисуса Христа, вѣровалъ, что Онъ посланникъ Божій. Будучи боленъ и не имѣя возможности совершить далекое путешествіе, онъ послалъ въ землю іудейскую, въ то мѣсто, гдѣ былъ Иисусъ Христосъ, своихъ живописцевъ, чтобы они сняли образъ Иисуса Христа. Онъ вѣровалъ, что когда увидитъ этотъ образъ, то исцѣ-

лится отъ своей болѣзни. Много разъ, когда Іисусъ Христосъ становился для проповѣди на возвышенное мѣсто, едесскіе живописцы всячески приспособлялись, какъ бы снять съ Него портретъ, но это никакъ имъ не удавалось. Лицо Спасителя не было обыкновеннымъ человѣческимъ лицомъ, оно свѣтилось особеннымъ, божественнымъ свѣтомъ и измѣнялось, отображая на себѣ тонкія, неуловимыя божественныя черты, поэтому живописцы и не могли выполнить своей задачи—изобразить ликъ Спасителя. Но Господь—сердцевѣдецъ, Онъ провидѣлъ желаніе князя едесскаго и его живописцевъ. Приостановивъ свое ученіе, Онъ подозвалъ ихъ къ себѣ и Самъ удовольствовалъ ихъ желаніе: Онъ умылся и взявъ полотенце, вытеръ имъ свое лицо, послѣ чего на полотнцѣ отобразился Его образъ. „Теперь, сказалъ Онъ живописцамъ, несите изображеніе вашему князю, и онъ исцѣлится отъ своей болѣзни“. И дѣйствительно, какъ только князь получилъ и увидѣлъ образъ Іисуса Христа, тотчасъ сталъ здоровъ; онъ получилъ исцѣленіе, хотя и былъ язычникъ. Съ тѣхъ поръ началось распространеніе образа Нерукотвореннаго Спаса, и установленъ былъ особый день празднованія его происхожденія. Это событіе имѣетъ весьма важное значеніе, потому что оно положило начало употребленію св. иконъ у христіанъ. Слѣдуя примѣру Спасителя, св. евангелистъ Лука написалъ изображеніе Божіей матери. Эти, написанныя евангелистомъ Лукою, иконы стали распространяться въ христіанскомъ мірѣ. Потомъ стали распространяться иконы св. ангеловъ, изображенія которыхъ употреблялись еще въ ветхомъ завѣтѣ; затѣмъ явились и иконы апостоловъ, мучениковъ и святыхъ. Такимъ образомъ совершилось появленіе и распространеніе святыхъ иконъ среди христіанъ и установилось ихъ употребленіе и почитаніе. Господь Іисусъ Христосъ далъ

Свой Образъ съ тѣмъ, чтобы его чтили и съ вѣрою молились предъ нимъ. Съ тою же цѣлію употребляются у христіанъ и другія иконы. Взирая на иконы, христіане должны возноситься мыслями къ Богу, Божіей Матери и тѣмъ святымъ, которые на нихъ изображены,—должны молиться и воздавать имъ подобающую честь, относя свои молитвы и почитаніе къ тому, кто изображается на иконѣ.—Вотъ какое значеніе настоящаго праздника.

Какъ же мы должны употреблять св. иконы? Прежде всего нужно украшать иконами св. храмы, потомъ нужно украшать ими наши дома, потому что—это домашнія церкви. Такъ и было у христіанъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанства. Потомъ явилась необходимость украшать св. крестомъ и св. иконами и грудь христіанина послѣ крещенія; и нынѣ христіане, кромѣ креста, носятъ на груди и св. иконки.—Еще какъ мы должны чествовать св. иконы? Должны возжигать предъ ними елей и свѣчи (восковыя), при чемъ и елей и воскъ должны быть чистые, лучшаго качества. Наконецъ мы должны предъ иконами преклонять колѣна, лобызать ихъ и молиться, выражая этимъ свою любовь и усердіе, вознося умъ свой отъ нихъ къ тѣмъ лицамъ, которыя на нихъ изображены.

Все это—любовь и усердіе и молитвы предъ иконами иногда бываютъ на столько сильны, что подвигаютъ особенную милость и любовь Божію къ намъ: за любовь, усердіе и горячую молитву, Господь подаетъ молящимся просимое и иногда чудеснымъ образомъ. Отсюда явились иконы чудотворицы. Какъ много теперь чудотворныхъ иконъ! Но что содѣлало эти иконы чудотворными?... Любовь и усердное почитаніе ихъ христіанами. Долгое напр. время икона существовала въ храмѣ или домѣ, какъ обыкновенная, но затѣмъ любовь, усердіе и молитва вѣрующихъ дѣлаютъ ее чудотвор-

ной. Такова напр., и чтимая въ Харьковѣ Озерянская икона Божіей Матери сначала она была неизвѣстною; а потомъ прославилась. Одинъ крестьянинъ, косившій траву, нечаянно задѣлъ ее косою и разсѣкъ на двое. Но когда этотъ крестьянинъ съ особою любовью и вѣрою благоговѣнно перенесъ ее въ свою хижину, возжегъ предъ ней свѣчу и усердно помолился предъ ней, Господу угодно было исцѣлить икону и дать ей даръ подавать исцѣленіе съ усердіемъ помолившимся предъ ней,—она стала чудотворной. Такъ, вотъ какова польза отъ иконъ! Вотъ, что можетъ сдѣлать вѣра и молитва! Но можетъ быть и наоборотъ. Есть много примѣровъ, что за небрежное и кощунственное обращеніе съ иконами посылается тяжкое наказаніе Божіе. Одинъ невѣрующій человекъ хотѣлъ надругаться надъ иконою, сталъ ножомъ вырѣзывать на ней кощунственные слова, но тутъ же былъ пораженъ болѣзнію. И только, когда онъ обратился къ духовнику и раскаялся на исповѣди, и духовникъ разрѣшилъ его отъ грѣха, тогда онъ, пріобщившись Св. Таинъ, выздоровѣлъ.

Вотъ какое назиданіе для васъ, братіе: съ любовью почитайте св. иконы и съ усердіемъ молитесь предъ ними; вѣруйте и получите то, чего просите. Но если бы вы и не получилижелаемаго, то не смущайтесь: значить Богу не угодно, по непостижимымъ Его планамъ, даровать вамъ именно то, чего Вы желаете. Но молитва, усердіе и вѣра ваша никогда не останутся напрасными: они будутъ имѣть свое значеніе, если не въ этой жизни, то въ будущей. Вотъ вамъ значеніе настоящаго праздника и урокъ, изъ него для вашего спасенія.—Благословеніе Господне на васъ! Аминь.

РУССКОЕ СЕКТАНТСТВО.

(Публичное чтеніе, устроенное Харьковскимъ Епархіальнымъ Братствомъ Озерянской Божіей Матери 19 февраля 1906 г. въ залѣ Харьковской Городской Думы).

Предметомъ настоящаго чтенія мы избрали вопросъ о русскомъ сектантствѣ. Интересъ этого вопроса объясняется тѣмъ, что въ организмѣ Православной Церкви сектантство является серьезною болѣзью, которую, особенно со времени Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 года о вѣротерпимости, надо неотложно и усиленно лечить. Для успѣшнаго леченія тѣлесныхъ болѣзней врачи, обычно, прежде ставятъ діагнозъ болѣзни, т. е. распознаютъ ее. То же должно сказать и о болѣзняхъ души. У врачей духовныхъ также должна быть своя діагностика. И если мы, съ цѣлью предохранить себя отъ тѣлесныхъ болѣзней, стараемся изучать ихъ, пользуясь услугами популярной медицины, то и для огражденія себя отъ духовныхъ болѣзней мы также должны знакомиться съ ними. По этимъ причинамъ возможно большее знакомство съ сектантствомъ и является насущною потребностью особенно нашего времени. И мы будемъ считать себя много удовлетвореннымъ, если своимъ чтеніемъ хотя нѣсколько пойдемъ на встрѣчу этой потребности.

Какъ печальное проявленіе религіознаго сознанія русскаго народа, въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи неблагопріятно дѣйствующее и на его общественно-государственную жизнь, сектантство побуждаетъ насъ обратить свое вниманіе именно на религіозно-нравственный обликъ русскаго челоѣка и тамъ по-

искать корня ему. Здѣсь мы невольно переносимся мыслью въ глубокую старину, ко временамъ принятія Россіей христіанства. Исторія застаётъ русскій народъ съ весьма несложною формою язычества, безъ опредѣленныхъ религіозныхъ воззрѣній и строго выработаннаго культа. Вслѣдствіе этого русское язычество быстро падало подъ напоромъ сосѣднихъ религій и поддерживалось только искусственными мѣрами русскихъ князей, да представителями финско-славянскаго міросозерцанія—волхвами и кудесниками. Самъ-же русскій человѣкъ къ язычеству, какъ и къ другимъ религіямъ, относился довольно безразлично. И во времена Владиміра онъ, по одному только рѣшенію княжескаго совѣта, спокойно идетъ, за нѣкоторыми исключеніями, къ рѣкамъ креститься въ новую вѣру.

Правда, новая вѣра вскорѣ пришлась русскому человѣку по душѣ. Въ ней онъ нашелъ то, чего напрасно искалъ въ язычествѣ. Въ ней онъ нашелъ разгадку о себѣ, не только какъ вещи въ мірѣ физическомъ, но и какъ особой отъ вещественнаго міра личности. Но все-же усвоить сущность христіанскаго ученія ему было не подъ силу. И если онъ сталъ преобразовывать свою жизнь, то только согласно со своимъ слишкомъ узкимъ пониманіемъ христіанства. Да иначе и быть не могло. Обыкновенно въ грубомъ состояніи народа вся религія его сосредоточивается въ формахъ наружныхъ; существенное значеніе богослуженія и религіозныхъ обрядовъ не доступно его уму. Онъ увлекается только внѣшнею стороною религіи—потребностью религіозныхъ зрѣлищъ. Не получая должнаго воспитанія, онъ механически пріучается креститься въ извѣстныхъ случаяхъ и затверживаетъ нѣсколько священныхъ именъ, облакая ихъ духовное вліяніе на свою судьбу въ самыя грубыя формы.

Такъ отнесся и древне-русскій человѣкъ къ новой вѣрѣ—христіанской. Все свое вниманіе онъ сосредоточилъ на внѣшней ея сторонѣ и ею воспиталъ въ себѣ лишь расположеніе къ христіанской религіозности. Глубина-же христіанскаго вѣроученія и нравоученія была ему не подъ силу. Русскіе князья, бояре, поселяне часто ходили въ храмъ Божій, украшали свои дома святыми иконами, зажигали предъ ними

огромныя свѣчи, лампады, строго соблюдали посты, списывали церковно-богослужебныя книги и т. д...., но внутренній смыслъ этихъ дѣйствій оставался для нихъ непонятнымъ. Слѣдствіемъ этого было то, что христіанская внѣшне-обрядовая религіозность, проведенная русскимъ человѣкомъ чрезъ его національное горнило, смѣшалась съ его суевѣріями, обычаями и житейскою обстановкою, которымъ онъ придалъ религіозный смыслъ. Въ результатѣ получилась простодушная, своеобразная, древне-русская религіозность, бѣдная своимъ внутреннимъ содержаніемъ, но богатая самой причудливой и разнообразною внѣшностью. Будучи таковою, она не въ состояніи была преодолѣть даже глубокой тьмы языческихъ суевѣрій, а въ случаѣ прямого столкновенія съ какимъ-либо повѣтріемъ разсудочнаго невѣрія она была до того безпомощна, что бѣдныя русскіе книжники могли лишь отрещиваться отъ него, какъ отъ бѣсовскаго навожденія.

Между тѣмъ опасность отъ невѣрія появилась на Руси очень рано. Уже въ началѣ XI в. на Русь проникли изъ южно-славянскихъ земель *богомильскія мнѣнія*, съ ихъ рѣзкимъ отрицаніемъ Церкви во всемъ ея историческомъ развитіи, съ ихъ мечтами объ учрежденіи апостольской церкви на основаніи произвольно и тенденціозно взятыхъ изъ апостольскихъ писаній мѣстъ, якобы оправдывающихъ ихъ крайне демократическія воззрѣнія, и, наконецъ, съ ихъ грубымъ цинизмомъ подъ видомъ монашескаго аскетизма или скопчествомъ.

Брошенное богомилствомъ въ душу русскаго человѣка сѣмя религіознаго скептицизма не заглохло. Конечно, вольномысліе въ то время не могло быть теоретическимъ,—для этого требовалось пониманіе и сознательно-критическое отношеніе къ сущности христіанскаго ученія; но, въ силу склада религіозной жизни древне-русскаго человѣка, оно могло быть только практическимъ, какимъ и заявило себя въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія въ ереси *Стригольниковъ*. По существу своему эта ересь была протестомъ, главнымъ образомъ, противъ жизненной практики въ русской церкви, противъ тѣхъ или другихъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ въ ней злоупотребленій. Начавъ съ упрековъ духовенству, что оно поставляется на

мздѣ и дурно живетъ, стригольники кончили полнымъ отрицаніемъ іерархіи и таинствъ церкви, отрицаніемъ воскресенія мертвыхъ и молитвъ за умершихъ. Церковная обрядность была полностью ими отвергнута. Въ жизни они усвоили практическіе принципы богомиловъ: нищенство, постничество, аскетизмъ и трезвость, чѣмъ привлекали къ себѣ симпатіи простаго народа, обычно судящаго о людяхъ по наружности.

На почвѣ такого доморощенного раціонализма въ концѣ XV вѣка появляется у насъ новая ересь *Жидовствующихъ*. Она представляетъ собою смѣсь стригольничества съ еврействомъ и частью съ отрицательными мыслями, бродившими въ то время на западѣ и проникавшими на Русь черезъ Литву.

Спустя полстолѣтія послѣ появленія жидовствующихъ русскій раціонализмъ вновь проявляется, но уже въ духѣ критическаго отношенія къ сущности христіанскаго ученія—это въ ересяхъ *Бакшина и Косога*. Здѣсь несомнѣнно сказалось вліяніе уже сложившагося въ то время въ опредѣленную форму западнаго раціонализма. Такъ, Бакшинъ училъ, что Іисусъ Христосъ не равенъ Богу Отцу; отрицалъ воплощеніе Христа и актъ искупленія, говоря, что какъ Богъ словомъ создалъ, такъ словомъ могъ и возстановить міръ. Человѣкъ, по мнѣнію Бакшина, и послѣ смерти Христа остался прежнимъ: также рождается, болѣетъ, умираетъ и истлѣваетъ. Въ то-же время Бакшинъ отвергалъ: св. Преданіе, пресуществленіе въ таинствѣ евхаристіи, почитаніе св. креста, иконъ, храма, молитву за умершихъ и т. д... Такъ же училъ и Косой.

Доселѣ мы видѣли, что, съ принятіемъ христіанства, древнерусскій человѣкъ сохранилъ свои языческія суевѣрія, обычаи и житейскую обстановку и только прикрылъ ихъ христіанскимъ обличьемъ. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ христіанствомъ онъ воспринялъ и пришлыя еретическія мнѣнія, придавъ имъ свою окраску.

На почвѣ смѣси языческихъ воззрѣній съ христіанствомъ и съ еретическими мнѣніями возникаетъ въ 30-хъ годахъ XVII ст. ересь христовщинская, или, какъ позднѣе ее называли *ересь хлыстовъ*.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ко времени появ-

ленія на Руси хлыстовщины въ русскомъ народѣ сохранялись слѣды древне-языческихъ религіозныхъ воззрѣній. По замѣчанію историковъ: „кудесники, какъ представители финско-славянскаго міросозерцанія, всегда поддерживали въ народѣ національно-языческую антипатію къ церковно-византійскому христіанству. До XIII вѣка они на сѣверо-востокѣ русской земли производили открытыя народныя возстанія противъ проповѣдниковъ церковно-византійскаго міросозерцанія. А по украинамъ, гдѣ чудь преобладала надъ русскимъ населеніемъ, чудскіе кебуны и кудесники возставали противъ проповѣдниковъ христіанства и въ XII в. и послѣ (проф. Щаповъ)“. Роль кудесниковъ въ жизни древне-русскаго человѣка приближалась къ служенію священниковъ и въ такой роли застаютъ ихъ исторія и въ XVII стол. Въ одномъ указѣ Алексѣя Михайловича говорится: „многіе люди, забывъ Бога и православную вѣру, въ городахъ и уѣздахъ бывають со многими чародѣйствомъ и волхвованіемъ: волхвовъ, чародѣевъ и богомерзкихъ бабъ въ дома къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтямъ и тѣ волхвы надъ больными и младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ православія всѣхъ православныхъ христіанъ отлучаютъ“. Эти древне-русскіе, чудско-славянскіе волхвы и кудесники поддерживали въ массѣ народной и тѣ элементы языческаго богослуженія, какіе потомъ вошли въ составъ „моленій“ и „радѣній“ хлыстовъ. Это такъ называемыя церковными учителями идольскія „сборища“, или старыя религіозно-увеселительныя народныя собранія. На этихъ собраніяхъ, по словамъ писателей: „быша радость бѣсовская“, происходили плесканья и плясанья мужчинъ и женщинъ; жены и дѣвы пѣли „пѣсни бѣсовскія, мірскія и пріяныя“, плескали и плясали и главами качали, кликали коляды, овсеня и плуга и тутъ-же совершалось „мужамъ и женамъ и отрокамъ великое прелщеніе и паденіе, женамъ замушнимъ незаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе“. Такимъ образомъ, въ народной массѣ искони поддерживалась привычка къ сборищамъ и оргіямъ, сопровождавшимся пѣснями, пиршествами и даже тѣмъ, что у хлыстовъ именуется „свальнымъ грѣхомъ“. Сектѣ хлыстовъ оставалось только дать всѣмъ этимъ языческимъ сборищамъ

санкцію своихъ моленій и радѣній. Потребность въ этомъ особенно сильна была въ XVII вѣкѣ. „Съ распространеніемъ церковной грамотности въ народѣ, говоритъ проф. Щаповъ, въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ великорусское, чудско-славянское кудесничество и шаманство стало все болѣе и болѣе преобразовываться въ секту волшебнораскольническую, шаманско-пророческую... Старое языческое, финско-кудесническое міросозерцаніе грамотные волхвы и чародѣи облекли въ формы церковно-книжнаго ученія. Когда возникъ расколъ, волхвы и чародѣи, шаманы и кудесники стали обращаться въ пророковъ и расколо-учителей. Такъ какъ повсюду въ великорусскихъ областяхъ и селахъ населеніе большею частью было смѣшанное чудско-славянское, состояло изъ обрусѣлой и крещеной чуди, веси, мери, мордвы, чухонцевъ, чуваши, черемисъ, зырянъ и другихъ финскихъ племенъ, крайне преданныхъ шаманству, то повсюду въ этихъ областяхъ и селахъ чудско-славянскіе волхвы, шаманы, кудесники и кудесницы, подъ вліяніемъ церковно-книжнаго ученія, прикрывали свое шаманство и кудесничество христіанскимъ обличемъ пророковъ и пророчицъ и старому кудесническому шаманству придали видъ христіанско-пророческій“.

Такимъ образомъ, въ чудско-славянскомъ кудесничествѣ мы находимъ болѣшую и главнѣйшую часть тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась и которыми доселѣ живетъ едва ли не самая распространенная на Руси секта хлыстовъ. Хлыстовскіе „боги“, „христы“, „богородицы“, „пророки и пророчицы“—это тѣ-же древне-языческіе кудесники, шаманы и кудесницы, только прикрывшіеся христіанскимъ обличемъ. Хлыстовскія „моленія“ и „радѣнія“ съ „свальнымъ грѣхомъ“—это древне-языческія идольскія „сборища съ плесканіями, плясаніями и великимъ прельщеніемъ“. Все здѣсь тщательно наряжено въ христіанскій плащъ и оправдывается ухищреннымъ толкованіемъ Св. Писанія.

Богъ у хлыстовъ, хотя и существуетъ внѣ міра, но извѣстенъ имъ только по Своимъ многократнымъ воплощеніямъ въ избранныхъ хлыстахъ. Последніе, при воплощеніи въ нихъ Бога, перестаютъ быть простыми людьми и становятся „богами“.

Получается обожествленіе человѣка, или человѣкообожаніе. Троичности Лицъ въ Богѣ хлысты не признаютъ. Первыя два Лица Св. Троицы у нихъ въ ученіи о воплощеніи совершенно сливаются и отождествляются, разнясь между собою только въ названіяхъ. Духъ Святой также является только особою духовною силою Бога Отца, обитающею на седьмомъ небѣ, откуда эта сила по молитвѣ хлыстовъ „накатываетъ“ на нихъ и проявляетъ себя чрезъ нихъ въ пророчествахъ, нечленораздѣльныхъ звукахъ и разныхъ тѣлодвиженіяхъ. Воплощеніе Христа въ людей происходитъ у хлыстовъ двояко: или чрезъ естественное рожденіе отъ хлыста—Христа и его жены—Богородицы младенца—христосика, или же чрезъ особые подвиги хлыста, какъ-то: усиленную молитву, постъ и т. под.... Въ одно и то же время можетъ быть много Христовъ. Евангельскаго Иисуса Христа, какъ второго Лица Св. Троицы, воплотившагося отъ Духа Святого и Дѣвы Маріи, Своею смертію искупившаго грѣхи всего міра и основавшаго на землѣ Свою церковь, хлысты не признаютъ. У нихъ Иисусъ—это сынъ Іосифа и Маріи, простой человѣкъ, но только воплотившій или вмѣстившій въ себя Христа, какъ вмѣщаютъ Его и избранные хлысты. Посему законъ Христа, данный чрезъ Иисуса, имѣлъ цѣну только для современниковъ Иисуса, какъ и откровеніе Христа чрезъ хлыстовъ имѣетъ значеніе только для современниковъ этихъ хлыстовъ. Такое откровеніе Христа въ хлыстовскомъ обществѣ никогда не прекращается. Отсюда понятно, что и къ источникамъ христіанскаго ученія—къ Св. Писанію и Св. Преданію хлысты относятся отрицательно, признавая за ними значеніе только для времени Иисуса. На мѣсто ихъ они ставятъ заповѣди своихъ „живыхъ“ христовъ и пророковъ. Изъ ученія объ Иисусѣ Христѣ у хлыстовъ вытекастъ и отрицательное отношеніе къ основанной Имъ видимой новозавѣтной Церкви. Эта Церковь, по ихъ мнѣнію, плотская, душевная, потребная только для людей, не познавшихъ истины. У познавшихъ истину есть другая Церковь, духовная, обладающая всѣми чрезвычайными дарами Св. Духа: даромъ языковъ, пророчества и др.... Выходя изъ чисто дуалистическихъ возрѣній на матерію, хлысты признаютъ въ че-

ловѣкѣ тѣло злымъ началомъ, а духъ добрымъ. Злое начало подлежитъ умерщвленію или погашенію, а доброе возгрѣванію. Посему они отрицаютъ бракъ и дѣторожденіе, какъ скверну; изнуряютъ тѣло особыми „радѣніями“, иногда завершаемыми „свальнымъ грѣхомъ“; не ѣдятъ мяса и т. п. По той-же причинѣ они отрицаютъ воскресеніе тѣла. Тѣло—это темница души. Душа существовала до сотворенія видимаго міра и за содѣянный грѣхъ заключена въ тѣло. По смерти тѣла, душа хлыста переселяется въ сообщество ангеловъ, а не-хлыста входитъ въ животное, гдѣ очищается и снова вселяется въ тѣло человѣка, пока послѣдній не станетъ хлыстомъ.

Нравственная распущенность хлыстовскихъ общинъ или „кораблей“, достигшая своего апогея во 2-й половины 18-го стол., вызываетъ рѣзкій протестъ. Во главѣ недовольныхъ становится Кондратій Селивановъ. Онъ старается возродить хлыстовщину. Средствомъ для этого избираетъ *оскопленіе*. Скопческія идеи давно уже проникли на Русь вмѣстѣ съ христіанскимъ аскетизмомъ. Положивъ въ основу своего ученія дикое изуверство, Селивановъ постарался и догматически оправдать его отъ Св. Писанія. Въ остальномъ секта скопцовъ мало чѣмъ разнится по существу отъ хлыстовства.

Страннымъ казалось-бы, какъ это такая секта могла возникнуть и даже широко распространиться на Руси въ то время, какъ уже болѣе полсотни лѣтъ Русь жила съ прорубленнымъ на западъ окномъ. Между тѣмъ на дѣлѣ страннымъ было-бы отсутствіе подобныхъ сектъ. По свидѣтельству историковъ и въ концѣ 18-го стол. толпы народа жадно слушали пророчества ложныхъ пророковъ; по деревнямъ и селамъ бродили: юродивые, пророки, колдуны, кликуши, странники и странницы съ нелѣпыми роказнями; суевѣрные обычаи сохранялись въ полной силѣ: русскіе люди не работали въ пятокъ, постились 12 пятницъ, въ Стародубскомъ полку въ церковномъ ходѣ водили жонку простоволосую подъ именемъ Пятницы, молебствовали подъ дубомъ и пр... Страстью къ диковинкамъ, юродамъ и блаженнымъ заражены были и знатные люди того времени. Въ барскихъ домахъ живали приживалки, которыя толковали сны и примѣты, гадали по картамъ и на

кофейной гущѣ, лечили заговорами и снадобьями болѣзни, унимали домовыхъ, спасали отъ порчи. Насколько поразительно было невѣжество и суевѣріе видно изъ слѣдующаго факта: въ 1770 году въ Яренскомъ уѣздѣ три бабы кликали на четверыхъ мужиковъ въ порчѣ посредствомъ напусканія по вѣтру какихъ-то дьявольскихъ червяковъ. Оговоренныхъ долго истязали: сначала сельскія власти, потомъ Яренская воеводская канцелярія, затѣмъ Устюжская консисторія и провіціальная канцелярія. Наконецъ, отправили въ Сенатъ вмѣстѣ съ полчянымъ — съ червяками. Сенатъ нашелъ ихъ невинными и отправилъ домой; въ дьявольскихъ червякахъ увидѣлъ простыхъ сушеныхъ мухъ и опубликовалъ длинный обличительный указъ противъ глупыхъ судей.

И основатель скопчества Селивановъ является ни кѣмъ инымъ, какъ „великимъ волхвомъ и пророкомъ надъ пророками“. Его внѣшній видъ, его подвигъ молчаливоства служили ему блестящей рекомендаціей на Руси. За тридцать лѣтъ до него маску юродства, молчаливоства и пророчества надѣлъ знаменитый хлыстъ Андреянъ Петровъ и повліялъ даже на знатнѣйшихъ баръ. И къ жившему одно время подъ колокольнею въ селѣ Быковѣ Селиванову приходили крестьяне съ великимъ благоговѣніемъ и просили его, чтобы онъ „открылся имъ языкомъ: Илія-ли онъ пророкъ, или Енохъ, или Иванъ Богословъ“? Но Селивановъ „съ огорченіемъ сталъ молиться Богу рѣчью другимъ языкомъ, что было имъ непонятно“. Таковъ былъ основатель скопчества и такова среда, въ которой онъ дѣйствовалъ. Здѣсь, именно въ этой смѣси въ религіозно-нравственномъ обликѣ русскаго человѣка финско-славянскаго язычества съ христіанствомъ и кроется разгадка появленія и роста у насъ подобныхъ сектъ.

Мы уже видѣли, что въ ереси Бакшина и Косого русскій раціонализмъ подпалъ подъ сильное вліяніе раціонализма западнаго. Въ началѣ же 18 стол. въ лицѣ лекаря *Дмитрія Тверитинова* онъ почти сливается съ протестантствомъ. Ученикъ нѣмцевъ — протестантовъ, вызванныхъ въ Россію для пассаж-

денія къ ней новой матеріальной культуры, Тверитиновъ усвоилъ и религіозныя воззрѣнія своихъ учителей и образовалъ въ Москвѣ кружокъ русскихъ вольнодумцевъ. Они отвергали авторитетъ церкви со всею ея іерархіею, соборами, св. предавіемъ и ученіемъ святыхъ отцовъ, не признавали таинствъ, св. мощей, иконъ, креста, постовъ и всей вообще обрядовой стороны религіи, не почитали святыхъ, не молились за умершихъ. Вмѣсто иконъ въ переднемъ углу ихъ квартиръ висѣли листы съ начертаніемъ на нихъ двухъ первыхъ заповѣдей, а на стѣнахъ другіе листы съ текстами въ защиту ихъ ученія. Должно, впрочемъ, замѣтить, что основной догматъ протестантства объ оправданіи человѣка одною вѣрою безъ дѣлъ закона не былъ принятъ кружкомъ Тверитинова. Тверитиновцы съ особенною силою выдвигали необходимость для спасенія собственныхъ дѣлъ и заслугъ. Въ то же время они отличались и поразительнымъ фанатизмомъ. Такъ, извѣстно, что родственникъ Тверитинова цирюльникъ Оома Ивановъ, придя однажды въ церковь Чудова монастыря, бросился съ косаремъ на рѣзной образъ чудотворца Алексія и изрубилъ его. Ученіе Тверитинова разошлось по разнымъ краямъ Россіи.

Но наилучшимъ мѣстомъ для распространенія религіознаго вольнодумства были Украина и Новороссія. Въ Азовскую крѣпость ссылали разнаго рода преступниковъ. Въ Украину бѣжали массы недовольныхъ порядками государственной, общественной и церковной жизни въ Россіи. Да и сама Украина издавна сносилась съ южными и западными славянами. Изъ Болгаріи въ Украину проникла ересь Богомильская и отразилась на южно-русской народной словесности. По словамъ изслѣдователей: „малорусскія пѣсни представляютъ то оригинальное явленіе, что въ нихъ встрѣчаются вмѣстѣ всѣ варианты, какіе въ Сербіи и Болгаріи, въ Германіи, Чехіи, Моравіи, Польшѣ и Великороссіи попадаются порозь“. Словомъ, въ Малороссію текли обильно съ сѣверныхъ, южныхъ и западныхъ славянскихъ земель, а также и чрезъ многочисленныхъ выходцевъ изъ тѣсной и скученной Германіи разныя религіозныя мнѣнія. Все это давало богатую пищу пытливому, скептическому и неустановившемуся въ своихъ религіозныхъ воз-

зрѣніяхъ малороссу. А ненормальныя условія его общественнаго и церковнаго быта усиливали въ немъ стремленіе къ поискамъ лучшаго. Когда въ 50-хъ годахъ 18 стол. въ предѣлахъ Харьковской губ. раздалась громкая проповѣдь одного иностранца—квакера, запечатлѣнная протестомъ противъ тогдашняго общественнаго положенія крестьянъ, то народныя массы сердцемъ потянули къ ней. Въ самомъ дѣлѣ, народъ былъ въ крѣпостничествѣ, а ему твердили о равенствѣ всѣхъ людей; помѣщики по своему капризу отдавали своихъ крѣпостныхъ въ рекруты на всю жизнь, а тутъ раздается проповѣдь о незаконности самой войны и присяги; крестьянъ притѣсняли всякаго рода мелкіе чиновники, а имъ возвѣщали, что для чадъ Божіихъ никакихъ властей не нужно. Кажется, чего лучше?!... И все выходило по божественному—отъ св. Писанія!... Понятно, что, открывъ сердца народа чрезъ удары по ихъ больнымъ струнамъ, квакеръ не замедлилъ посѣять на такой благодарной почвѣ сѣмена своего религіознаго ученія, мистицизмъ котораго уже достаточно былъ знакомъ малороссу.

Всѣ эти религіозныя и соціальныя вѣянія вскорѣ привесли обильный плодъ. Къ нимъ чутко прислушался и ихъ воспринялъ, хотя и по своему, казакъ Екатеринославской губ. Силуанъ Колесниковъ, извѣстный основатель *секты духоборцевъ*.

Въ задачу нашего ученія не входитъ подробный историческій очеркъ секты, а только абрисъ духовной атмосферы, которая породила ту или иную секту и ученія этихъ сектъ. Посему мы вкратко очертимъ сущность духоборческаго ученія.

Какъ возникшее подъ вліяніемъ мистическихъ идей протестантизма, духоборчество и само рѣзко запечатлѣно—мистицизмомъ. Выходя изъ мысли о непосредственномъ общеніи человека съ Богомъ, чрезъ что каждый духоборецъ становится Сыномъ Божіимъ, духоборцы отвергли видимую Церковь, съ ея іерархіей, таинствами и обрядами. „Наша Церковь, говорятъ они, построена въ душахъ, въ сердцахъ человѣческихъ“, она невидима. Все свое ученіе духоборцы черпаютъ не изъ Библіи, которую почти совсѣмъ отметають, а изъ собственнаго разума, озаряемаго, по ихъ словамъ, божественнымъ разумомъ, обитающимъ внутри каждаго духоборца. Другимъ источникомъ

ученія у духоворцевъ является преданіе ихъ отцовъ, именуемое „Животною Книгою“. Последняя состоитъ изъ многочисленныхъ псалмовъ, часть которыхъ духоворческаго сочиненія, а остальные взяты изъ книгъ св. Писанія и изъ молитвъ и пѣснопѣній Православной Церкви. Полагаясь въ дѣлѣ вѣры исключительно на свое внутреннее озареніе, духоворцы не имѣютъ опредѣленной догматики и въ дѣлахъ вѣры у нихъ царитъ произволь. Такой-же произволь сказывается и въ ихъ отношеніяхъ къ Библии, въ которой они многое отрицаютъ, а многое объясняютъ по вдохновенію живущаго-де въ ихъ сердцахъ Христа, Который якобы еще отцамъ ихъ повелѣлъ: „вы, мои голуби, выбирайте изъ мякины одно чистое зерно и насыщайтесь имъ“.

Но при всемъ хаосѣ вѣроученія духоворцевъ, все-же возможно выяснитъ нѣкоторые пункты его. Такъ, Богъ, по ученію духоворцевъ, не есть самостоятельное, внѣмірное и личное Существо. Онъ неотдѣлимъ отъ духоворческаго рода и видимаго міра. Божественная Троица—это не три отдѣльныхъ Лица, а три различныхъ дѣйствія, проявленія или видоизмѣненія одного и того-же Существа. Въ человѣкѣ: Богъ Отецъ—это память, Богъ Сынъ—разумъ, Богъ Духъ Святой—воля. Въ природѣ: Отецъ—свѣтъ, Сынъ—животъ, Духъ Святой—покой. Здѣсь мы встрѣчаемся уже съ чистымъ пантеизмомъ. При такомъ ученіи о воплощеніи, или, точнѣе, перевоплощеніи Божества, Христосъ перестаетъ быть личностью и притомъ историческою. Онъ—божественный разумъ, переселяющійся изъ однихъ избранниковъ въ другихъ. Такъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ. Онъ обиталъ въ патріархахъ и пророкахъ, а въ Новомъ—переселился въ простого человѣка Іисуса, по смерти и истлѣніи Котораго перешелъ въ Апостоловъ, затѣмъ въ ихъ преемниковъ, и наконецъ, въ духоворческую родъ. Здѣсь Онъ пребываетъ, постоянно рождаясь въ духоворцахъ, особенно въ руководителяхъ духоворчества, которые посему и называютъ себя Сынами Божиими, Христами и требуютъ себѣ божескаго поклоненія, такъ что у духоворцевъ происходитъ поклоненіе „живому“ Христу. Извѣстно, что уже ученикъ Колесникова Побирохинъ, насадитель духоворчества въ Тамбовской г., объ-

явилъ себя Сыномъ Божиимъ и избралъ себѣ 12 Апостоловъ. Сынъ Побирохина, бѣжавшій подъ фамиліей Капустина отъ военной службы на Молочныя воды, также назвалъ себя Христомъ—Богомъ и требовалъ себѣ божескаго почитанія. Божеское достоинство затѣмъ надолго закрѣпилось за родомъ Капустина, сынъ котораго принялъ новую фамилію Калмыковыхъ, пресѣкшюся въ 1886 году, послѣ чего въ духоборчествѣ пошли неурядицы и дробленіе на партіи или толки. При такомъ взглядѣ на Христа, понятно, что за Его воплощеніемъ и смертью духоборцы отрицаютъ искупительное значеніе и смотрятъ на нихъ, только какъ на наглядное выраженіе того, что происходитъ въ душѣ каждаго духоборца, совершающаго свое спасеніе.

Въ ученіи о человѣкѣ духоборцы повторяютъ возрѣнія дуалистическаго пантеизма, запечатлѣнныя рѣзкимъ отдѣленіемъ души отъ тѣла. По ихъ мнѣнію, душа человѣка существовала до сотворенія міра и тогда же пала. Въ наказаніе за грѣхъ она и заключена въ тѣло. По смерти тѣла, души добрыхъ людей переселяются въ тѣла другихъ людей, отъ 6 ти до 15 лѣтняго возраста, изучившихъ хотя нѣсколько псалмовъ изъ „Животной Книги“, а злыхъ—въ животныхъ. Евангельскаго ученія о воскресеніи мертвыхъ, будущей жизни и мздовоздаяніи духоборцы не признаютъ. Міръ, учатъ они, не кончится, но останется вѣчно такимъ-же, какимъ мы видимъ его нынѣ. Но когда Богъ, явившись въ образѣ человѣка, произведетъ Свой судъ, то на землѣ останутся жить вѣчно со Христомъ только праведники, а грѣшники будутъ заключены въ адъ на вѣчныя мученія. Божій судъ будетъ такъ строгъ, что и изъ духоборцевъ спасутся не всѣ: изъ тысячи душъ одна душа мужскаго пола и изъ тмы тысячъ одна душа женскаго пола, по причинѣ природной умственной ограниченности женщинъ.

Провозглашенный духоборцами принципъ чисто-духовнаго поклоненія Богу, однако, не проведенъ ими полностью въ жизнь. У нихъ есть свои видимыя молитвенныя собранія, свой богослужебный ритуаль, хотя и несложный, особый обрядъ религіознаго цѣлованія и взаимваго поклоненія, причемъ считается, что цѣлованіе и поклоненіе воздаются Богу, такъ-какъ

человѣкъ—образъ Божій. Что касается нравственнаго ученія духоборцевъ, то оно всецѣло запечатлѣно ихъ взглядомъ на матерію, какъ на зло, на тѣло человѣка и на весь внѣшній міръ, какъ на темницу и узы души. Отсюда у нихъ строгое воздержаніе въ брачной жизни, неяденіе мяса, нелюбовь къ разнымъ благамъ матеріальной культуры, порицаніе всего, что услаждаетъ внѣшняго человѣка, даже порицаніе наслажденія пѣніемъ птицъ, которое де отвлекаетъ людей отъ заботы о внутреннемъ совершенствованіи. Всѣ земныя блага, въ томъ числѣ имущество, по мнѣнію духоборцевъ должны быть общія. Отрицая въ принципѣ для себя, какъ для сыновъ божіихъ, всякое начальство и судъ, духоборцы, за исключеніемъ тѣхъ, которые подпали подъ вліяніе стороннихъ имъ идей, въ практикѣ не противились властямъ и даже почитали ихъ. Впрочемъ, монархическое управленіе они считали противнымъ своему образу мыслей, хотя сами-же въ своихъ общинахъ завели его и передали роду Калмыковыхъ. Въ семейномъ быту духоборцевъ дѣти зовутъ родителей собственными именами: Иванъ, Марія и проч., нерѣдко въ уменьшительномъ видѣ. Названія: отецъ и мать не употребительны. Мужъ зоветъ жену сестрой, жена мужа братомъ. И все это на томъ основаніи, что Христосъ сказалъ-де: „всѣ вы братья; отцемъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо Одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ“. Такъ, начавъ съ поклоненія Богу духомъ, духоборцы, какъ и другіе сектанты, кончили мертвымъ служеніемъ буквѣ.

Мы уже видѣли, что рьянымъ насадителемъ духоборчества въ Тамбовской губ. былъ крестьянинъ села Горѣлаго, той-же губерніи, Побирохинъ. Тамъ раздался и первый громкій протестъ противъ основныхъ началъ духоборчества. Протестъ шелъ отъ лица крестьянина Семена Уклеина. Человѣкъ бывшій, грамотный, краснорѣчивый, по ремеслу портвой, Уклеинъ женился на дочери Побирохина и вступилъ въ секту духоборцевъ. Но, знакомясь ближе съ духоборами, онъ видѣлъ, что они рѣзко отрицаютъ библію, что самъ Побирохинъ глумливо называетъ ее „хлопотницею“ и на ея мѣсто поставляетъ свой вымыселъ, подъ именемъ „животной книги“. Видѣлъ Уклеинъ

и недобросовѣстность Побирохина, когда онъ, запрещая другимъ читать библію, самъ тайкомъ почитывалъ ее и ея слова выдавалъ за свои наставленія. Когда же Побирохинъ объявилъ въ селѣ, что будетъ судить вселенную, какъ Сынъ Божій, какъ Богъ, то Уклеинъ не выдержалъ и открыто выступилъ противъ него. Посланные Побирохинымъ „смертоносные ангелы“ съ цѣлью умертвить Уклеина не могли исполнить своей миссіи и Уклеинъ бѣжалъ въ село Рыбное, Моршанскаго уѣзда, гдѣ избралъ изъ своихъ послѣдователей 70 учениковъ и съ ними торжественно съ пѣніемъ псалмовъ вошелъ въ Тамбовъ для проповѣди своего ученія и истребленія православныхъ иконъ. Конечно, замыслы Уклеина въ корнѣ были пресѣчены. Послѣ Уклеинъ скитался по разнымъ селамъ, женился въ четвертый разъ, бросивъ первыхъ женъ, и дѣятельно пропагандировалъ свое ученіе. Посѣщая съ пропагандою сосѣднія и отдаленныя губерніи, даже Кавказъ, онъ для бодьшаго успѣха своей проповѣди возилъ съ собою хоръ пѣвчихъ изъ молодыхъ дѣвиць, которыя распѣвали псалмы по старымъ престонароднымъ распѣвамъ. Проповѣдь или ученіе Уклеина получило названіе *молоканства*, потому что уклеинцы ѣли въ посты молоко. Сами-же уклеинцы называли себя *молоканами* на томъ основаніи, что были вапитаны „словеснымъ молокомъ“, т. е. Словомъ Божіимъ.

Въ чемъ-же заключалась проповѣдь Уклеина?

Выродившись изъ духоборчества и въ противовѣсъ ему, *молоканство*, въ лицѣ Семёпа Уклеина, прежде всего заявило, что оно не признаетъ „животной книги“, что „вѣровать должно такъ, какъ учить Библия“ и притомъ буквальный смыслъ Библии; что Богъ существуетъ самостоятельно и отдѣльно отъ человѣка, Онъ троиченъ въ лицахъ; что второе лицо—Сынъ Божій жилъ на землѣ не съ обыкновеннымъ тѣломъ человѣка, а принесъ его съ неба, какъ и прежде являлись людямъ во плоти ангелы. Христось, по ученію *молоканъ*, и умеръ особымъ образомъ. Его ученіе хранится только въ Библии. Другихъ писаній или священныхъ преданій нельзя признавать, такъ какъ въ нихъ извращено ученіе Христа. Настоящая Христова Церковь существовала только при апостолахъ и до IV-го вѣка,

когда она смѣшалась съ языческими вымыслами. Теперь истинную церковь составляютъ только молокане, они одни и спасутся при послѣднемъ судѣ. Воскресеніе людей будетъ духовное; плоть-же человѣка не возстанетъ изъ праха. Обосновавшись на буквальномъ смыслѣ словъ Евангелія: „Богъ есть Духъ и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ“, молокане отвергли все видимое въ религіи: внѣшнюю сторону въ таинствахъ, іерархію и всѣ обряды православной Церкви. Тѣ-же мѣста въ Св. Писаніи, которыя ясно говорятъ о водѣ въ таинствѣ крещенія, о хлѣбѣ и винѣ въ евхаристіи, объ елеѣ въ елеопомазаніи и т. д..., они, вопреки своему принципу буквальнаго пониманія текста Св. Писанія, истолковали въ духовномъ смыслѣ, или иносказательно, разумѣя подъ водою ученіе, подъ хлѣбомъ и виномъ глаголы Христа, подъ елеемъ благодатный невидимый даръ, испрашиваемый молитвою и т. д... Конечно, молоканамъ, какъ малоразвитымъ людямъ, не видно было, какъ они сами ниспровергаютъ свои принципы. Ниспровергнуть былъ ими и принципъ духовнаго поклоненія Богу, когда, на смѣну православной обрядности, они завели у себя свою и притомъ довольно сложную обрядность. Постепенное умноженіе обрядовъ послужило поводомъ къ дробленію молоканъ на толки, враждебные другъ другу. Не устояли молокане и предъ соблазномъ мистицизма, воспроизводя его въ духоборческой и даже въ хлыстовской формѣ въ своихъ общинахъ. Уже Уклеинъ считалъ себя за богопросвѣщеннаго пророка, призваннаго возстановить истинное христіанство. Въ роли пророка выступалъ и его преемникъ Андреевъ, бѣглый солдатъ. Но особенно рѣзко мистицизмъ проявился среди молоканъ въ 1830 хъ годахъ. Нѣкто Никита Ивановъ, молоканскій наставникъ, проживая на молочныхъ водахъ, объявлялъ, что въ 1836 г. должно открыться 1000-лѣтнее царство Христа. Мѣстомъ царства назывался Кавказъ. И вотъ за Ивановымъ съ пѣніемъ псалмовъ потянулись на Кавказъ большими толпами молокане, а съ ними и смущенные православные. Появились и предтечи второго пришествія Христа на землю. Терентій Бѣлозеровъ объявилъ себя за Ілію пророка, посланнаго съ неба на землю возвѣстити людямъ о необходимости

приготовиться постомъ и молитвою къ встрѣчѣ Христа. А Енохъ, по его словамъ, посланъ на западъ съ тою-же вѣстью. Вскорѣ Бѣлозеровъ заявилъ, что ему пора уже и на небо вознестись. Въ назначенный день молокане собрались смотрѣть на его вознесеніе. Приказавши толпѣ пасть на землю, Бѣлозеровъ сталъ махать руками, чтобы подняться на небо. Опытъ не удался и молокане, связавъ его, отдали властямъ. Послѣ, кончая 1836 годомъ, у молоканъ еще появлялись лжехристы и лжепророки, пока молокане окончательно не увѣрились въ ихъ самозванствѣ.

Считая себя людьми „не отъ міра“, молокане учили, что имъ надобна совершенная свобода отъ всякихъ человѣческихъ законовъ и ограниченій. Власти, законы и т. под.—все это нужно для сыновъ міра, или людей грѣшныхъ, нравственно несовершенныхъ. По отношенію къ пользованію земными благами молокане проповѣдывали общность земли и всѣхъ ея богатствъ. Но иное дѣло проповѣдь, иное жизнь. Въ жизни молокане никогда не осуществили своихъ коммунистическихъ чаяній. Правда, крестьянинъ Самарской губ. Михаилъ Поповъ, на основаніи словъ: „всѣ-же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее“ (Дѣян. Апост.), потребовалъ было, чтобы у молоканъ было общее имущество. И дѣйствительно молокане снесли свое достояніе къ ногамъ общаго особаго казначея. Но скорѣ среди нихъ появились желающіе жить на счетъ другихъ. Тогда они ограничили общеніе въ имуществѣ отчисленіемъ въ общую кассу только десятой части имѣнія каждаго члена общины. Привимались, впрочемъ, въ кассу и добровольныя жертвы. Отсюда и выдавались пособія нуждающимся, причемъ послѣдніе должны были или возвратить пособіе, или понести постъ по одному двю за каждый рубль. Такъ общность имущества у молоканъ потерпѣла полное фіаско.

Мы уже говорили, что введеніе обрядовъ подало поводъ къ дроблевію молоканъ на толки. Особенную смуту породило среди молоканъ привнесеніе къ нимъ религіозныхъ элементовъ еврейства. Секта *жидовствующихъ* уже имѣла мѣсто въ религіозной жизни русскаго народа. Ея остатки продолжали бродить по Руси. Съ ними и столкнулся извѣстный намъ Уклеинъ. Желая привлечь жидовствующихъ въ молоканство, онъ съ этою цѣлію

дѣлаетъ имъ уступку, принимая нѣкоторыя еврейскія правила, на примѣръ, запрещеніе ѣсть свинину или рыбу безъ чешуи. Но такая уступка подала поводъ къ преніямъ о значеніи Моисеева закона и многіе молокане, во главѣ съ Сундуковымъ, признали превосходство Моисея предъ Христомъ, затѣмъ стали праздновать субботу, завели у себя обрѣзаніе и постепенно сблизились съ еврействомъ. Нѣкоторые даже признали талмудъ, усвоили обрядность еврейскихъ моленій и завели у себя раввина изъ природныхъ евреевъ. Другіе примкнули къ караимамъ. Въ настоящее время выдѣлившаяся изъ молоканства секта жидовствующихъ гнѣздится, главнымъ образомъ, въ епархіяхъ: Ставропольской, Астраханской, Оренбургской, Тамбовской и другихъ. Она раздѣляется на три сравнительно большихъ толка: талмудистовъ или шапошниковъ, староіудеевъ или безшапошниковъ и караимовъ. Эти толки разнятся между собою тѣмъ, что шапошники во всемъ подражаютъ евреямъ—талмудистамъ; безшапошники отвергаютъ Талмудъ и обосновываются на книгахъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта, а караимы пользуются только пятокнижіемъ Моисея. Всѣ вообще жидовствующіе пересаживаютъ въ русскую народность вѣроученіе, мораль, надежды и чаянія коренныхъ евреевъ. Свою судьбу они сливаютъ съ судьбою евреевъ и вмѣстѣ съ ними признаютъ себя разсѣянными по лицу земли и плѣнниками русскаго царя. На православныхъ они усвоили взглядъ отъ евреевъ и считаютъ ихъ челоуѣкообожателями. Троичности Лицъ въ Богѣ жидовствующіе не признаютъ. Иисусъ Христосъ, по ихъ мнѣнію,—это простой челоуѣкъ, сынъ Іосифа и Маріи, распятый за богохульство и противленіе кесарю. На своихъ религіозныхъ собраніяхъ жидовствующіе, изъ которыхъ талмудисты одѣты въ тридиціонныя еврейскія „талисы“, возносятъ горячія молитвы о собраніи ихъ въ Палестинѣ, о возсозданіи Іерусалима и Храма, о наступленіи въ обѣтованной землѣ вѣчнаго царства ихъ съ царемъ—Мессіею во главѣ, когда они будутъ владѣть всѣми народами. Впрочемъ, нѣкоторые смотрятъ на Мессію, какъ на великаго—философа—моралиста, царство котораго будетъ торжествомъ разума и правды на землѣ. Другіе вовсе не ожидаютъ Мессіи. Празднованіе субботы, обрѣзаніе и другіе еврейскіе обряды и установленія соблюдаются жидов-

ствующими строго съ тою только разницею, что у талмудистовъ эта обрядность сложнѣе, у безшапошниковъ она черпается только изъ ветхозавѣтной Библии, а у караимовъ изъ пятокнижія Моисея.

Обиліе и крайнее разнообразіе религіозныхъ сектъ и исповѣданій привело отставного капитана Николая Ильина къ мысли объединить все человѣчество одною вѣрою. Съ этою цѣлію Ильинъ и выступилъ въ 1840-хъ годахъ въ Пермской губ. съ проповѣдью „новозавѣтнаго іудейства или „Ѣговизма“, т. е. ученія, якобы открытаго ему Богомъ—„Ѣговою“. По своему содержанію „Ѣговизмъ“ является собственно смѣсью іудейства съ матеріализмомъ и вымыслами Ильина, въ духѣ ученія хиліастовъ и имъ подобныхъ. Онъ совершенно порываетъ связь съ христіанствомъ и отъ послѣдняго сохраняетъ только нѣсколько именъ, однако, съ новымъ, чуждымъ христіанству смысломъ. Изъ источниковъ христіанскаго вѣроученія „Ѣговисты“ признаютъ отчасти ветхозавѣтное Св. Писаніе и Апокалипсисъ или „Книгу съ неба“, истолковывая ихъ по своему. Евангеліе-же и посланія Апостоловъ они не только отрицаютъ, но и кощунствуютъ надъ ними.

Отринувъ христіанское ученіе о Богѣ Троичномъ въ Лицахъ, о воплощеніи и искупительной смерти Іисуса Христа, іеговисты не признали и самой духовности существа Божія. Боги, по ихъ ученію,—это люди же, только бессмертные и просвѣщенные таинствами натуры, музыкою и разными языками, мудрецы и маги. Богъ Отецъ—это „простой человѣкъ“, только предвѣчный, т. е. прежде вѣковъ одаренный въ избыткѣ бессмертіемъ и имѣющій силу и власть воскрешать другихъ людей, почему Онъ и называется „Творцомъ бессмертія“. Онъ говорилъ лицомъ къ лицу съ нашими предками, ходилъ, ѣлъ и пилъ съ ними и даже боролся съ Яковомъ, имѣлъ не только всѣ члены человѣческаго тѣла, но и душу. Имя Его Егова, что значитъ наимудрѣйшій мудрецъ изъ всѣхъ мудрецовъ. Іисусъ Христосъ—тотъ же Егова, человѣкобогъ, только распятый. „Открытіе величайшей истины Божіей для всѣхъ людей въ томъ, учатъ іеговисты, что подъ именемъ Іисуса Христа былъ распятъ тотъ-же самый Богъ—еврей, который обѣдалъ у Авраама, ходилъ и стоялъ съ нимъ у Содома и т. д... От-

сюда у іеговистовъ отрицаніе Бога, какъ Творца и Промыслителя міра въ христіанскомъ смыслѣ. „Неопровержимо доказано, учитъ Ильинъ, что такимъ безчисленнымъ множествомъ солнцевъ, планетъ и кометъ, вращающихся на разстояніи квадраліоновъ, окталіоновъ, билліоновъ—верстныхъ миль не можетъ владѣть одно такое существо, которое, подобно человѣку, ограничено въ два аршина семь вершковъ, какъ Богъ—еврей, Егова, или Богъ Авраамовъ, а тѣмъ болѣе Онъ не могъ не только создать ихъ не въ шесть дней, но даже и въ 6666666 окталіоновъ тысячелѣтій“. Свое ученіе о происхожденіи міра іеговисты черпаютъ у матеріалистовъ. Въ мірѣ, учитъ Ильинъ, происходитъ отъ вѣка борьба двухъ началъ: Творца безсмертія или „Ѣговы“ съ Творцомъ смерти или Сатаною. Творецъ безсмертія избыткомъ безсмертной силы побѣждаетъ Творца смерти. Сатана, какъ Творецъ смерти, былъ раньше ея; а такъ какъ смерть въ мірѣ отъ вѣка, то и сатана предвѣченъ. По самой своей природѣ онъ врагъ безсмертія и борется съ „Ѣговою“ и его рабами—людьми посредствомъ „разныхъ вѣръ, патріотическихкихъ и житейскихкихъ законовъ“. Посему-то Ильинъ является рьянымъ врагомъ всякихъ вѣръ, патріотическихкихъ или національныхъ чувствъ и законовъ, регулирующихъ индивидуальную, общественную и государственную жизнь людей. „Слышите-ли, взываетъ онъ, цари, вельможи и богачи, папы трехъ Римовъ, патріархи, далай-ламы, брамы и шейхъ-уль-исламы, и чудотворные рабыни, и великіе богословы: караимскіе и іерусалимскіе, православные и лѣвославные, протестантскіе и сбокустантскіе, дониконіанскіе и дубинопетровскіе, окружные и противокружные, уніатскіе и единовѣрческіе, мормонскіе и малокаянскіе, штундистскіе и духоборческіе.., что всякая вѣра бесполезна человѣку“, болѣе того—вредна, такъ-какъ „сущность всякой отдѣльной вѣры состоитъ въ угожденіи Богу и мамонѣ или сатанѣ“ и исходитъ она отъ сатаны, въ рукахъ котораго является сильнымъ орудіемъ въ его борьбѣ съ „Ѣговою“. Одно только нужно человѣку,—это безсмертіе или „религія безсмертія“ и къ ней-то Ильинъ зоветъ всѣхъ людей. Но „безсмертіе“ наступитъ, по мнѣнію Ильина, только съ упраздненіемъ на землѣ всѣхъ вѣръ, начальствъ, законовъ, различій въ языкѣ, патріотическихкихъ чувствъ

и т. под... Тогда и только тогда настанетъ „братолюбное единеніе“ между всѣми людьми и равномерное распределеніе земныхъ благъ. Полная анархія и социалистическая утопія—вотъ девизъ „Ѣговистовъ“, для осуществленія котораго они не брезгаютъ даже терроромъ, наводя его на своихъ обличителей посредствомъ адскихъ машинокъ. Конечныя судьбы міра рисуются взору іеговистовъ въ такихъ чертахъ: „Ѣгова силою своего безсмертія обновляетъ землю и посредствомъ землетрясенія даетъ ей новый видъ, проваливаетъ Америку въ океанъ, истребляетъ сатанистовъ, т. е. держащихся какой-либо вѣры, заключаетъ сатану въ глубокой провалъ и воцаряется съ іеговистами на обновленной землѣ, гдѣ водворяетъ миръ и благоденствіе. Царство „Ѣговы“, или что тоже Іисуса—Мессіи, объявится въ Іерусалимѣ, на горѣ Сіонѣ и продолжится 1000 лѣтъ. Тамъ будутъ рощи, сады, обиліе плодовъ, золота, серебра; не будетъ мѣста тамъ наукамъ, школамъ, властямъ, полиціи, судьямъ, но всѣ тамъ будутъ равны и святы. Все царство будетъ раздѣлено на двѣнадцать частей, начиная отъ Средиземнаго моря до рѣки Іордана и Мертваго моря, и надъ всѣми частями возвысится царство Іерусалимское. Отъ Сіона до китайскаго города Кантона будетъ желѣзная дорога съ роскошными станціями и садами.

Какъ и каждая секта, „Ѣговизмъ“ скоро, уже при Ильинѣ, самъ рушилъ свои принципы. Отрицая всякую религію и всякую въ ней обрядность, Ильинъ, однако, облекъ свое ученіе въ религіозную систему и съ опредѣленнымъ культомъ. Онъ училъ соблюдать Моисеевъ законъ, признавать субботу, обрѣзываться, не ѣсть свинины и т. под... Онъ-же составилъ особый чинъ „вечерни“ и „обѣдни“; установилъ „молитву предъ обѣдомъ и послѣ обѣда“. Пѣніе гимновъ, музыка, колѣнопреклоненіе, поклоны, взаимныя благословенія—вотъ составныя части іеговистскихъ моленій. Гимны поются на голосъ народныхъ пѣсенъ и носятъ странныя названія: „бомба божественной артиллеріи“, „маршъ лаодикійскихъ побѣдителей“ и т. п.

(Окончаніе будетъ).

И. Айвазовъ.

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССІЯ ВЪ ЯПОНИИ.

(Продолженіе *).

V.

Отношеніе японскаго правительства и общества къ христіанской религіи. Вопросъ о внутренней силѣ христіанства въ Японіи. Историческое разсмотрѣніе этого вопроса. Причины гоненій на христіанство въ Японіи въ XVII вѣкѣ и возможное его, христіанства, тамъ будущее.

Приступая къ вопросу о христіанствѣ въ Японіи въ будущемъ (безъ различія вѣроисповѣданій, такъ какъ отъ христіанства вообще зависитъ и положеніе православія), мы должны разсмотрѣть тѣ *внѣшнія* условія, въ которыхъ находится тамъ христіанство: отношеніе къ нему правительства и общества, и *внутреннюю* силу христіанства; должны свои выводы такъ или иначе подтвердить и доказать потомъ *исторически*; это—непремѣнное условіе, когда данное сужденіе можетъ имѣть прочную силу и вѣсь.

Изъ всего предшествующаго изложенія видно, что японское правительство и общество относятся къ христіанству съ рѣдкой терпимостью, и что со времени конституціи всѣ тормазы и преграды по пути къ распространенію ученія Христа сняты съ японскихъ христіанскихъ миссій. По словамъ преосв. Николая, уваженіе японскаго общества къ чужимъ вѣрованіямъ выразилось между прочимъ въ томъ знаменательномъ фактѣ, что „городская дума города Сякаи, близъ Хаматера, состоящая изъ *нехристіанъ*, сдѣлала пожертвованія изъ городскихъ средствъ на постройку во дворахъ военноплѣнныхъ въ Хаматера трехъ часовенъ, открытыхъ съ трехъ сторонъ, чтобы

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 10 за 1906 г.

совершаемое въ нихъ богослуженіе было видно для великаго множества стоящихъ внѣ богомольцевъ!“¹⁾ Такимъ образомъ вопросъ объ отношеніяхъ къ христіанству японскаго правительства и общества разрѣшается для новой религіи въ самомъ желательномъ и благопріятномъ смыслѣ²⁾.

Величіе и твердость любой ассоціаціи и наоборотъ шаткость и слабость ея могутъ быть вѣрно и легко обнаружены при наличности какихъ нибудь особенныхъ бѣдствій и потрясеній судьбы, обрушившихся на ея организмъ и функціи,—опытъ всѣхъ временъ и народовъ, историческій, поэтому, законъ.—Измѣряя этимъ масштабomъ жизнеспособность православной церкви въ Японіи, преосв. Николай, воздавая должную благодарность высокой гуманности японскаго правительства за его заботы и попеченіе о русской православной миссіи, добавляетъ, что если бы внутреннею жизнью сама церковь была бы бѣдна, то и правительство бессильно было бы удержать ее отъ крушенія и гибели. „И отъ самаго малаго волненія“, поясняетъ передъ представителями японской церкви свою мысль преосвященный (на соборѣ 1904 г.): „гнилое судно гибнетъ и отъ легкаго вѣтра извѣденное внутри червями дерево падаетъ. А для нашей церкви если и нѣтъ нынѣ урагана, то, какъ сами знаете, есть не мало неспривязанныхъ мнѣній со стороны всѣхъ

¹⁾ Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1905, № 21, стр. 888.

²⁾ Сожженіе и разгромъ нѣкоторыхъ токійскихъ христіанскихъ храмовъ во время безпорядковъ по поводу Портсмутскаго мира нѣкоимъ образомъ, думается намъ, не могутъ быть истолкованы, какъ демонстрація противъ христіанства. Движеніе имѣло чисто политическій характеръ, направлено было противъ правительства исключительно за то, что оно яко бы продало въ Портсмутѣ интересы японскаго народа. Народъ японскій не повиненъ въ уничтоженіи храмовъ; предпочтительнѣе думать, что вина лежитъ исключительно на его подонкахъ и отбросахъ. У каждаго народа, въ каждомъ обществѣ, какъ бы высококультурно оно ни было, всегда найдутся недовольные существующимъ положеніемъ вещей люди, дѣятельность которыхъ направлена къ слѣдому, бессмысленному разрушенію и ломкѣ всего окружающаго. Они пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы удовлетворить своимъ инстинктамъ, прогремѣть по міру геростратовскими подвигами. Что мудренаго, если эти господа, разгромляя полицейскіе участки, подожгли и христіанскіе храмы? Если бы японскій народъ имѣлъ что нибудь противъ христіанства, то, какъ хозяинъ страны, давно бы уже выселилъ отъ себя и всѣхъ христіанскихъ миссіонеровъ и христіанскіе храмы превратилъ бы въ буддійскіе или далъ бы имъ какое нибудь другое подходящее назначеніе. И для этого вовсе не надобно было прибѣгать къ разбойничьимъ разгромамъ и поджогамъ!

не понимающихъ ея чистаго служенія Божьей истинѣ“¹⁾. Предшествующая глава настоящей работы—достаточная и яркая иллюстрація словъ незабвеннаго архипастыря.

Принявъ во вниманіе какъ это положеніе, такъ и вообще все сказанное о миссіи, мы имѣемъ право заключить, что процвѣтаніе христіанства въ Японіи можно считать почти обезпеченнымъ.

Преосвященный Николай—а онъ безусловный авторитетъ въ данной области—тоже въ радужномъ свѣтѣ представляетъ будущее христіанства въ странѣ „Восходящаго Солнца“.

Здѣсь прежде всего любопытно отмѣтить впечатлѣнія лицъ во время ихъ бесѣдъ съ преосв. Николасмъ въ бытность послѣдняго въ Москвѣ въ 1880 году. Рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ о сердечной привязанности миссіонера къ Японіи и японцамъ, привязанности, граничащей чуть ли не съ равнодушіемъ къ своему отечеству—Россіи. Это даетъ справедливый поводъ утверждать, какъ прочно въ Японіи дѣло миссіи. „Трудно было бы ожидать отъ человѣка“, читаемъ въ статьѣ „Нѣсколько словъ по поводу японской миссіи“²⁾: „трудно было бы ожидать отъ человѣка, родившагося въ Россіи и проведшаго въ ней золотые дни юности, такого сердечнаго, можно сказать, задушевнаго отношенія къ народу совершенно чужой расы, чуждыхъ понятій, вѣрованій и обычаевъ. Намъ казалось, что человѣкъ, оторванный отъ своего народа и брошенный въ чужую страну, невольно, въ какихъ-нибудь сокровенныхъ тайникахъ души, будетъ хранить щемящее чувство тоски по покинутой родинѣ, по друзьямъ дѣтства и т. д. Конечно, представленіе о величій и возвышенности дѣла можетъ не допустить разростись этому чувству, будетъ смягчать его, мирить съ разлукою, но все же думалось намъ—нѣтъ-нѣтъ и проскользнетъ это затаеваемое чувство и скажется въ иномъ словѣ, въ иномъ выраженіи: все же чужая сторона будетъ для него чужбиною, какъ бы долго онъ въ ней не прожилъ. Но не таковъ преосв. Николай. Онъ говорилъ о Японіи и японцахъ съ такою безыскусственностью, неподдѣльною любовію, что какъ

¹⁾ Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1904, № 39, стр. 1532.

²⁾ Православ. Обозрѣн., 1880, № 8 стр. 714—715.

то невольно чувствуется, что Японія для него не чужбина, а какъ бы родная сторона. Такъ можетъ говорить только патриотъ, любящій искренно свою родину... Воображеніе рисуетъ ему картину, съ какимъ нетерпѣніемъ его ждуть православные японцы, съ какимъ восторгомъ они встрѣтятъ его, когда онъ пріѣдетъ. Такое настроеніе въ насадителѣ и распространителѣ православія въ отдаленныхъ предѣлахъ—дорогое качество и вѣрное ручательство за успѣхъ... Любопытна легенда, которая по словамъ о. Николая ходитъ о немъ въ Японіи: будто бы онъ сынъ японца, бѣжавшаго нѣкогда въ Россію изъ Японіи отъ преслѣдованій своего правительства, принявшаго въ Россіи христіанство, жевившагося тамъ: отъ этого будто брака и родился о. Николай!...

И въ теченіе всего пребыванія въ Японіи владыка никогда не измѣнялъ своего взгляда, что въ его новомъ отечествѣ христіанство ожидаетъ самое свѣтлое будущее. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ не перестаетъ повторять объ удивительной религіозности японцевъ, о ихъ пылкости и самоотверженности при исканіи истины. Все они не атеисты и не индифференты къ отвлеченнымъ теоріямъ, отнюдь не материалисты, не люди узкой практики, ничего дальше пара и машинъ не видящіе.

Атеизмъ высшихъ слоевъ японскаго общества и индифферентизмъ низшихъ по категорическому заявленію преосв. Николая только *видимый* и „*происходитъ прямо и положительно отъ недостаточности религіозныхъ ученій, отъ того, что народъ исчерпалъ ихъ до дна и они больше не удовлетворяютъ его*“¹⁾. По его наблюденіямъ японцы достаточно развиты и образованы, чтобы самостоятельно и критически разбираться въ своихъ вѣрованіяхъ. „Здѣсь такое множество общественныхъ библиотекъ и такъ баснословно дешево берутъ за чтеніе книгъ, причемъ даже не нужно трудиться ходить въ бібліотеки, потому что книги разносятся по всѣмъ улицамъ и закоулкамъ... Вы не найдете книги въ дѣвственной чистотѣ; напротивъ, онѣ истрепаны, такъ что въ иномъ мѣстѣ невозможно и прочитать написанное,—несомнѣнный признакъ, что японскій народъ чи-

¹⁾ Русскій Вѣстникъ т. 83 (за 1869 г.) стр. 222.

таеть. Да, число грамотныхъ и читающихъ въ Японіи не уступитъ количеству таковыхъ въ любомъ изъ западныхъ государствъ Европы (о Россіи я и не говорю!) и это не смотря на то, что самыя простыя японскія книги написаны наполовину китайскими знаками. Вѣдь чтобы обладѣть процессомъ чтенія ихъ, нужно употребить три—четыре года! И при всемъ томъ японцы прилежно учатся читать“ ¹⁾. Въ результатѣ: „образованіе разлито въ Японіи почти равномерно по всѣмъ слоямъ народа!“ ²⁾.

Вотъ почему японцы и не могутъ удовлетвориться своими національными религіями: „японскій народъ слишкомъ уменъ, развитъ, и свѣжъ, а его религіи слишкомъ отстали и нелѣпы!“ ³⁾. Извѣстное выраженіе синтоизма: „пожелай микадо, и небесный огонь попалятъ всѣхъ иностранцевъ“ „въ устахъ японцевъ“, говоритъ преосвященный Николай, „имѣетъ самый ироническій смыслъ“ ⁴⁾... Поэтому „двери Японіи открыты для протестантовъ христіанства, сердца японцевъ для воспріятія ихъ слова. Прошло уже болѣе 40 лѣтъ“, обосновываетъ свою мысль преосвященный Николай, „съ открытія Японіи для иностранцевъ и вмѣстѣ съ начала для открытія миссіонерскаго дѣла здѣсь. Христіанскія миссіи имѣли достаточно времени, чтобы вполне освоиться на новомъ полѣ дѣйствій, опредѣлить свои отношенія къ народу, развить свои системы и обнаружить плоды своей дѣятельности“ ⁵⁾. И эти десятки лѣтъ миссіонерствованія привели апостола Японіи къ выводу, что „въ глубинѣ духа японцевъ несомнѣнно живетъ удивительная религіозность“ ⁶⁾... и что „живой и добрый японскій духъ ищетъ Божественной истины“ ⁷⁾.—Итакъ, національныя религіи не въ состояніи удовлетворить запросамъ духа японскаго общества; пытливый духъ этотъ, напротивъ того, страстно жаждетъ чистой, возвышенной истины, совершеннѣйшаго союза человека со сво-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Русскій Вѣстникъ, т. 83 (за 1869 г.), стр. 221.

³⁾ Ibid., стр. 246 (слова преосв. Николая).

⁴⁾ Ibid., стр. 236.

⁵⁾ Прибавленіе къ Церков. Вѣдом., 1897, № 28 стр. 307.

⁶⁾ Ibid. 1903, № 18, стр. 517.

⁷⁾ Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1897 № 28, стр. 307.

имъ Творцомъ: двери Японіи поэтому—повторимъ еще разъ слова ея апостола—открыты для проповѣдниковъ христіанства, сердца японцевъ для воспріятія ихъ слова ..

Всею этою аргументаціи противорѣчитъ представленная у насъ выше статистическая таблица миссіи за разные годы. Цыфры краснорѣчиво говорятъ, что ходъ христіанства въ Японіи—начиная съ 90-хъ годовъ—идеть скорѣе внизъ, чѣмъ вверхъ. Число воспитанниковъ токійской семинаріи 90 годовъ также меньше, чѣмъ это было раньше. А К. П. Побѣдоносцевъ такъ говоритъ объ этомъ въ своемъ отчетѣ за 1896—97 г.г. „Въ высшихъ, такъ называемыхъ интеллигентныхъ классахъ японскаго населенія господствуетъ полное равнодушіе и индифферентизмъ по отношенію къ религіознымъ вопросамъ, низшіе же классы народонаселенія такъ подавлены нуждой и тяжкими заботами о хлѣбѣ насущномъ, что остаются невоспріимчивы и глухи ко всѣмъ другимъ воздѣйствіямъ, выходящимъ за предѣлы матеріальныхъ интересовъ. Если присоединить сюда охватившее въ послѣднее время всю страну націоналистическое движеніе, побуждающее держаться своего во всѣхъ сферахъ жизни, не исключая и религіозной, а равно ту лихорадочную поспѣшность, съ которой японцы, въ цѣляхъ усиленія и обогащенія своего государства, стараются заимствовать отъ иностранцевъ единственно виѣшніе плоды цивилизаціи и культуры, то станетъ понятнымъ, что притокъ учащихся въ миссіонерскихъ школахъ въ послѣднее время оскудѣлъ: нынѣ (въ 1897 г.) въ пяти классахъ семинаріи всего 58 воспитанниковъ, а въ катихизаторскомъ училищѣ, въ старшемъ и младшемъ классахъ, только 7 человекъ“ ¹⁾.

Что сказать на это? Какъ примирить выписку изъ отчета К. П. Побѣдоносцева и статистическія выкладки миссіи съ выводами преосвященнаго Николая (тутъ же слѣдуетъ отмѣтить, что та часть цитаты г. оберъ-прокурора, гдѣ рѣчь идетъ объ атеизмѣ японцевъ и о томъ, будто они вообще глухи и невоспріимчивы ко всему, что выходитъ за матеріальныя рамки, не соотвѣтствуетъ истинѣ—это мы видѣли какъ изъ предыдущаго изложенія, такъ равнымъ образомъ попытаемся

¹⁾ Стр. 167—168.

защитить свое положеніе и ниже, на основаніи *историческихъ* свидѣтельствъ о христіанствѣ въ Японіи)?—За разрѣшеніемъ вопроса надежнѣе всего обратиться къ тому же преосвященному Николаю. А этотъ послѣдній „упадокъ“ христіанства въ Японіи за послѣдніе годы объясняетъ *временной* реакціей противъ новой религіи со стороны различныхъ слоевъ общества. По убѣжденію апостола Японіи реакція эта — дѣло неизбежное въ культурной жизни народовъ и вызывается самимъ ходомъ вещей: Японія, окунувшись съ головой въ европейскую цивилизацію, начинаетъ теперь осматриваться на свое прошлое, призадумываться надъ своимъ настоящимъ. Вотъ и почва для реакціи. Тутъ и агитація синтоизма и буддизма, и европейское ренегатство съ его задорными выкриками о пустотѣ и непригодности для образованныхъ людей какой бы то ни было религіи. Упадокъ проповѣди обусловленъ по мнѣнію преосвященнаго Николая и конституціей, когда у всѣхъ на умѣ только одна политика ¹⁾, а также и войнами, которыя Японіи пришлось почти непрерывно вести съ самой половины 90-хъ годовъ ²⁾. Вотъ какими факторами объясняетъ епископъ Николай нѣкоторый застой въ проповѣди за послѣдніе годы, будучи въ то же время убѣжденъ, —сейчасъ увидимъ это,—что реакція бессильна повредить христіанству и что она фактъ лишь временный и преходящій.

На соборѣ 1902 года ощущался особенный дефектъ въ катихизаторахъ. Причина тому—необезпеченное матеріальное положеніе проповѣдника. Преосвященный Николай категорически заявилъ, что хотя бы у миссіи и были бы средства при-

¹⁾ Слѣдимъ отмѣтить, что апостоль Японіи высказываетъ здѣсь только ту мысль, что введеніе конституціи нѣсколько охладило вниманіе японскаго общества къ религіи только на *известный, определенный* промежутокъ времени, промежутокъ, въ который совершался самый процессъ превращенія Японіи въ конституціонную державу и когда всѣ естественно были поглощены исключительно злобой дня, а отнюдь не то, будто конституція, какъ таковая, охладила общество къ христіанству, будто для проповѣди лучше было бы, если бы конституціи не было вовсе. Напротивъ, именно благодаря конституціи христіанство въ Японіи получило полнѣйшее право гражданства, право своего свободнаго и безпрепятственнаго развитія.

²⁾ Црѣбав. къ Церковн. Вѣдом. 1890, № 19, стр. 631; № 19, стр. 212 (часть оффиціальная).

бавить жалоганье, то этого сдѣлано бы не было, такъ какъ катихизаторъ за деньги только бы позорилъ и оскорблялъ дѣло церкви. Въ своей дальнѣйшей рѣчи апостоль Япониі высказываетъ убѣжденіе, что среди японцевъ, безъ сомнѣнія, найдутся люди, которые будутъ служить истинѣ безкорыстно и самоотверженно. „...Для церковной службы“, говорилъ преосвященный, „ищите (однихъ) только благочестивыхъ и самоотверженныхъ людей. Неужели нѣтъ такихъ людей въ Японіи? Только крайне малосвѣдущіе въ исторіи Японіи пессимисты, смотрящіе на все со своей односторонней точки зрѣнія, могутъ клеветать японскій народъ позорнымъ отзывомъ, что нѣтъ въ немъ такихъ людей. Смѣло могу сказать, что и теперь, какъ прежде, въ такъ называемомъ „Ямато-дамасія“ (японская душа или духъ японцевъ) живетъ самоотверженное мужество. Силою этого духа японцы выдержали непрерывную борьбу со всѣми затрудненіями и невзгодами въ своемъ государственномъ ростѣ. Другою замѣчательной чертой „Ямато-дамасія“ нужно считать непоколебимую вѣру въ себя, заставляющую японскій народъ неуклонно стремиться къ разъ намѣченной имъ цѣли, пока не достигнетъ ея.—Итакъ, и вы почерпните же изъ этого источника полезныя силы для церкви, дабы утвердить и распространить Царство Божіе въ вашемъ отечествѣ.—Этого мало. Въ глубинѣ національнаго духа японцевъ живетъ удивительная религіозность и самоотверженность въ дѣлѣ служенія религіи.. И вы возбудите въ себѣ этотъ общій духъ вашей націи и направьте его на ваше служеніе истинному Богу“ ¹⁾).

Въ рѣчи на соборѣ 1900 г. преосвященный Николай тоже ярко и недвусмысленно высказывается, что никакая реакція не въ силахъ заглушить дѣла христіанской проповѣди. Проповѣдники теперь въ уничиженіи; ихъ считаютъ за пустыхъ фразеровъ и мечтателей. „Но васъ потомъ вспомнятъ, какъ благодѣтелей своего народа,—не только потому, что вы указываете ему путь въ царство небесное, но и потому, что вы совидаете благо вашего народа земное. Противники ваши уважаютъ только земное, учатъ только обогащенію благами міра

¹⁾ Прибав. къ Церков. Вѣдом., 1908, № 13, стр. 517.

сего. Конечно, японскій народъ сдѣлается богатымъ; это выше всякаго сомнѣнія: онъ слишкомъ способенъ для того. Но если онъ въ то же время не сдѣлается и добродѣтельнымъ, то погибнетъ отъ своего богатства, какъ погибли когда-то Финикія, Греція, Римъ и проч. Итакъ вы, созидаая среди вашего народа царство небесное, въ то же время утверждаете и царство его земное... Всѣ, и не вѣрующіе въ Бога, жаждутъ счастья и признають, что человѣкъ долженъ стремиться къ достиженію его. Но вѣтъ и никогда не будетъ счастья на землѣ безъ вѣры и основанной на ней добродѣтели. Безъ сего могло бы быть счастье тѣлесное, скотское, но и его не будетъ, ибо безъ вѣры люди превратятся въ звѣрей и поѣдятъ другъ друга... Итакъ, ваша служба—самая необходимая и для спасенія людей небеснаго и для счастья ихъ земного. Несите же ее бодро и неустанно! *Японскій народъ усталъ отъ лжи, отъ поклоненія идоламъ, жаждетъ душа его истинной вѣры.* А тутъ еще стараются убить въ немъ самую жажду истины,—стараніе тщетное: эта жажда прирождена душѣ, ее нельзя истребить, можно развѣ на время заглушить. И вотъ вы—для того, чтобы противостоять этому, идите защищать жаждущихъ истины и самую истину, напоить жаждущихъ живой водой... Посмотрите, какъ васъ привимаегъ японскій народъ! Вездѣ васъ желаютъ, вездѣ васъ ждуть, вездѣ васъ мало, такъ что истинное мученіе при распредѣленіи служащихъ видѣть, какъ васъ крайне недостаточно для удовлетворенія всѣхъ, жаждущихъ вашего прибытія. Не поощреніе, не одобреніе ли это вамъ ¹⁾?!...

Какъ ни отрадны и упоительны всѣ эти строки, но... вѣдь *egregie humanum est*. Гдѣ доказательство, что епископъ Николай не ошибается? Есть ли какія-нибудь несомнѣнныя данныя, что японцы дѣйствительно страстно жаждутъ истины, что они вовсе не атеисты, не индифферентны къ религіи,—данныя, лежащія внѣ поля *личныхъ* наблюдений епископа Николая?—Есть!! Это—свидѣтельства исторіи, на которыхъ—сейчасъ же это скажемъ ²⁾—обосновываетъ свои взгляды и самъ апостоль

¹⁾ Прибав. къ Церков. Вѣдом, 1901, № 4, стр. 134—135.

²⁾ Объ этомъ впрочемъ мимоходомъ уже упоминалось.

Японіи. Ссылаясь на исторію, онъ и заявляетъ, что неспособными и враждебными къ христіанству могутъ считать японцевъ именно тѣ только (конечно искренно), которые не имѣютъ и представленія объ японской исторіи (стр. 258).

Въ этомъ отношеніи кромѣ сообщеній преосвященнаго Николая, мы имѣемъ еще и другой драгоцѣнный источникъ—переводныя статьи г. Тихомировой: „Первый періодъ христіанства въ Японіи“ (16 и 17 в.в.—Изложеніе по Фрессинэ ¹). Въ обоихъ изслѣдованіяхъ подробно очерченъ ходъ и развитіе христіанства въ Японіи въ 16 вѣкѣ, дана характеристика японскихъ христіанъ во время гоненія (въ 17 в.) и указаны наконецъ самыя причины гоненія. Между прочимъ, достовѣрности сообщеній Фрессинэ г. Тихомирова посвящаетъ слѣдующія строки. „Въ отношеніи всего, что касается сношеній Японіи съ европейцами—въ томъ числѣ и по исторіи распространенія и уничтоженія въ этой странѣ католицизма—рассказъ Фрессинэ представляется драгоцѣннымъ по своей документальности. Авторъ рассказываетъ исторію сношеній Японіи съ европейцами по первоисточникамъ, цитируя ихъ нерѣдко въ буквальномъ переводѣ, а излагая—не мудрствуетъ лукаво, и даетъ намъ такимъ образомъ чисто документальное знакомство съ ходомъ дѣла португальскихъ миссіонеровъ. За отсутствіемъ у насъ собственныхъ переводовъ, донесеній миссіонеровъ—едва ли возможно дать нашей литературѣ что-либо болѣе документально—цѣнное въ этомъ отношеніи, какъ обстоятельный очеркъ Фрессинэ...—Само собою разумѣется, это не значитъ, чтобы рассказы португальскихъ миссіонеровъ о своей дѣятельности не подлежали никакой критикѣ, но это должно сказать о всѣхъ историческихъ документахъ“ ²).

Какъ по изложенію Фрессинэ, такъ и—преосв. Николая (замѣчательно, что оба автора не только нигдѣ не противорѣчатъ другъ другу, но сходятся чужь ли не во всѣхъ деталяхъ) положеніе дѣла представляется въ общемъ въ слѣдующемъ свѣтѣ.

¹) Богословскій Вѣстникъ за октябрь и ноябрь 1904 г и за январь и февраль 1905 года.

²) Богосл. Вѣст., 1904, № 10, стр. 265—266.

Начало христіанской проповѣди въ Японіи въ XVI вѣкѣ положено было апостоломъ Индіи миссіонеромъ Ксаверіемъ (родомъ португалець). Фрессина рассказываетъ, что когда Ксаверій отправлялся на проповѣдь Христа въ Японію, то друзья удерживали его, говоря, „что нѣтъ никакой видимой возможности, чтобы одинокій, лишенный всякой земной помощи, человѣкъ могъ испровергнуть царство сатаны, освободить отъ закоренѣлыхъ заблужденій и заставить переимѣнить религію народъ, въ высокой степени привязанный къ культу ложныхъ боговъ, побудивъ его обожать человѣка, умершаго на крестѣ, т. е. претерпѣвшаго казнь, которой подвергаются въ Японіи величайшіе изъ преступниковъ ¹⁾).

Каковы же были результаты?

„Черезъ 36 лѣтъ послѣ появленія св. Франциска Ксаверія въ Японію“, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Фрессина: „въ ней насчитывалось *двѣсти тысячъ* христіанъ, въ томъ числѣ много князей, полководцевъ и знатныхъ вельможъ. Число прозелитовъ было такъ велико, что миссіонеры не имѣли покою ни днемъ, ни ночью: непрестанно они должны были проповѣдывать, крестить, исповѣдывать и наставлять всѣхъ желавшихъ принять христіанскую вѣру. Въ ихъ числѣ находился и наследный принцъ имперіи“ ²⁾

Всѣхъ японскихъ христіанъ XVI и XVII вв. Фрессина характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. „Спѣшимъ замѣтить, что японцы, принимавшіе христіанскую вѣру, исповѣдывали ее во всей строгости ея... морали. Они изслѣдовали ее болѣе или менѣе долго, въ зависимости отъ тѣхъ своихъ страстей, которыя она предписываетъ искоренять: но, омытые водами крещенія, они становились уже готовы претерпѣть умерщвленіе духовной или тѣлесной страсти по примѣру святыхъ первевствующей церкви“ ³⁾. *Нидъ, можетъ быть, христіанская религія не исповѣдывалась съ такимъ жаромъ, какъ среди вѣрныхъ въ Японіи“* ⁴⁾.

Всякіе комментаріи излишни.

¹⁾ Богосл. Вѣстникъ, стр. 272.

²⁾ Ibid., 1905, № 1, стр. 139—140.

³⁾ Ibid. 1904, № 11, стр. 512.

⁴⁾ Ibid., стр. 529.

Рядъ слѣдующихъ отрывковъ изъ Фрессина даетъ характеристику японскихъ христіанъ во время гоненій.

„Въ то время подвергся опалѣ Укондоно, одинъ изъ первыхъ вельможъ имперіи, состоявшихъ при дворѣ (императорскомъ), и съ нимъ его друзья и родные. Все его имущество было конфисковано. Онъ владѣлъ нѣсколькими областями, его годовой доходъ былъ выше трехъ милліоновъ, и вдругъ онъ былъ ввергнутъ въ нищету. Но этотъ вѣрный и преданный служитель Иисуса Христа гораздо болѣе скорбѣлъ о жестокой участи своихъ христіанскихъ вассаловъ, попавшихъ теперь подъ власть язычника, о горѣ своего отца, жены, дѣтей и всѣхъ родныхъ, чѣмъ о своемъ собственномъ несчастіи“.

Собравъ всѣхъ офицеровъ своей арміи, изъ которыхъ большинство были христіане, Укондоно сказалъ имъ: „Я не жалѣю нисколько о потерѣ своего имущества; изгнаніе, на которое я осужденъ, нисколько не страшитъ меня. Напротивъ, я чувствую въ сердцѣ своемъ неизъяснимую радость оттого, что представляется случай доказать мою вѣру. Но мнѣ больно, что я не могу вознаградить васъ, какъ желалъ бы. Я надѣюсь, что Богъ, которому мы служимъ, исполнитъ это лучше меня, если вы останетесь ему вѣрны. Какое благо намъ могутъ даровать всѣ государи Японіи, которое бы сравнилось съ вѣчнымъ блаженствомъ? Теряя меня, вы ничего не теряете; но если вѣра васъ покинетъ, то что будетъ съ вами послѣ смерти? Кто спасетъ ваши души, если вы обречете ихъ на гибель? Какой выкупъ дадите вы за нихъ?“ ¹⁾

Какъ только разнесся слухъ объ изгнаніи Укондоно, къ нему поспѣшили явиться знатнѣйшіе князья и вельможи, утѣшая его и предлагая суммы золота и серебра. Но исповѣдникъ отказался отъ денегъ и отправился къ своему отцу въ провинцію (въ сопровожденіи своихъ домашнихъ, которые вмѣстѣ съ Укондоно были тоже осуждены на изгнаніе). „Его отецъ, почтенный старецъ, несмотря на нависшія надъ ними безчисленные и безконечныя бѣдствія, воздѣлъ руки къ небу и возблагодарилъ Бога, избравшаго ихъ на то, чтобы дать японскимъ христіанамъ первый примѣръ вѣрности и постоянства.“

¹⁾ Богослов. Вѣстникъ, 1905, № 1, стр. 141.

Счастливымъ тѣмъ, что его сынъ подвергся немилости за столь святое дѣло—а ничѣмъ не нарушилъ закона чести—онъ нѣжно обнялъ его со словами: „Сынъ мой! Намъ остается пожелать только одного: чтобы, потерявъ наше имущество за вѣру, отдать за нее и кровь и жизнь“¹⁾.

...„Примѣру Укондоно послѣдовала его жена, дѣти и всѣ родственники „вмѣстѣ съ нимъ павшіе съ высокаго положенія въ бездну нищеты“... „Всѣ эти христіане, достойные по своей твердости послѣдователи Христа и Его апостоловъ, нисколько не огорчаясь происшедшимъ, были исполнены святой радости. Проливъ слезы умиленія и любви, они отправились въ церковь возблагодарить Господа за столь явное счастье. Затѣмъ они всѣ: мужчины, женщины, старики, дѣти, господа и слуги тронулись въ путь, воспѣвая Богу хвалу; питаясь милостыней, странствуя изъ страны въ страну, они чувствовали себя болѣе счастливыми, чѣмъ прежде, когда жили при дворѣ въ изобиліи и благополучіи“.

„Таковы были христіане въ Японіи“²⁾.

При преемникѣ Таико императорскій уполномоченный потребовалъ отъ христіанъ города Міако (тогдашняя столица Японіи) отречься отъ Христа. „Онъ“, говоритъ Фрессинэ, „велѣлъ объявить повсюду при звукахъ трубъ, что христіане, не пожелавшіе отречься отъ вѣры, будутъ сожжены живыми и имъ остается только приготовить столбы, къ которымъ ихъ привяжутъ. Вмѣсто всякаго отвѣта большинство христіанъ поставили на другой день по столбу передъ своими дверьми, показывая, что они скорѣе погибнутъ въ пламени, чѣмъ отрекутся отъ христіанства. Соревнованіе было такъ велико, что одинъ бѣднякъ продалъ свое единственное платье, а одна женщина свой поясъ для того, чтобы купить себѣ столбъ“³⁾.

Одинъ 63-хъ лѣтній старикъ—японецъ по имени Фулонога претерпѣлъ за Христа слѣдующее. Выкопана была яма въ видѣ колодца глубиною въ нѣсколько футовъ. На днѣ былъ вбитъ столбъ. Къ этому столбу головою внизъ и былъ привязанъ мученикъ (земли его голова не касалась). „Боясь какъ

¹⁾ Богослов. Вѣстникъ, стр. 142.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., 1905, № 2, стр. 349.

бы кровь не задушила его, палачи крѣпко забинтовали ему все тѣло, потомъ закрыли яму тремя досками, не пропускавшими туда свѣта, и оставили Фулоногу такимъ образомъ повѣшеннымъ. Кровь хлынула у него изъ глазъ, рта, носа и ушей“.

„Кажется нѣкоторые могли вытерпѣть это мученіе восемь дней, прежде чѣмъ оно убивало ихъ“.

„Фулонога пробылъ въ такомъ положеніи три дня, когда сторожа прибыли спросить, не имѣетъ ли онъ чего-нибудь сказать. Осужденный отвѣчалъ, что ничего не желаетъ, кромѣ того, чтобы императоръ и вся страна обратились ко Христу. Онъ умеръ на четвертый день“¹⁾.

Вотъ описаніе такъ называемой *водяной* казни.

„Несчастливаго осужденнаго привязываютъ на закрученной веревкѣ къ какой-нибудь высокой точкѣ, съ ногами, растянутыми съ помощью веревокъ. Потомъ, головою внизъ его опускаютъ по подбородокъ въ сосудъ съ водою. Когда онъ достаточно проглотитъ воды, т. е. сколько можетъ вмѣстить, его приподымаютъ; веревка раскручивается со страшной быстротой, препятствующей дыханію, и это вызываетъ рвоту. Легко повѣрить, что причиняемое этимъ страданіе ужасно и скоро приводитъ къ немедленной смерти“.

„...Была и другая мука водой. Осужденнаго связывали, оставляя свободной только лѣвую руку, чтобы онъ могъ подать знакъ отречься отъ вѣры. Ему вкладывали въ ротъ воронку, или даже безъ помощи этого инструмента вливали безъ остановки, и не давая ему вздохнуть, воду. Затѣмъ его клали на землю, а на животъ двѣ доски, и ходили по нимъ. Несчастливаго сдавливали перевязками такъ тѣсно, что онъ принужденъ былъ извергать воду, смѣшанную съ кровью черезъ ротъ, глаза, ноздри и всѣ выходы тѣла“²⁾!

Но довольно. Тема не позволяетъ намъ подробнѣе обозрѣть интересныя сообщенія Фрессина. Добавимъ только, что за Христа въ Японіи умирали и молодыя дѣвушки и дѣти, что японскіе христіане обращали ко Христу своихъ сторожей и тюремщиковъ!...³⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 354.

²⁾ Ibid., стр. 358—359.

³⁾ Богослов. Вѣстникъ, 1905, № 2, стр. 354.—Проф. Г. А. Броковичъ въ

Итакъ, преосв. Николай въ своихъ выводахъ и наблюденіяхъ о христіанствѣ въ Японіи въ будущемъ—не увлекшійся оптимистъ, потерявшій въ своихъ мечтаніяхъ реальную почву, а серьезный и вдумчивый психологъ и историкъ: за еп. Николая—вся исторія японскаго народа. Значитъ идея истинной религіи глубоко заложена въ духъ и организацію японцевъ, она имъ сродни, имъ она не безразлична: кровь десятковъ тысячъ мучениковъ за Христову вѣру говоритъ объ этомъ громче и нагляднѣе всякихъ словъ и фразъ!

Но если—спросятъ насъ—японцы такой ужъ высокоидейный народъ, то чѣмъ объяснить изгнаніе въ XVII вѣкѣ изъ Японіи христіанскихъ миссіонеровъ и наличность самого гоненія? Вѣдь палачами являлись сами же японцы. Какъ это понять?

Вопросъ этотъ въ свое время въ высшей степени интересовалъ и преосв. Николая. „Уже“, говоритъ онъ, „европейскіе проповѣдники стали вести себя какъ дома, уже прелаты съ пышностью являлись среди народа, уже они отправили японскихъ князей къ Его Святѣйшеству въ качествѣ смиренныхъ поклонниковъ ¹⁾ и рассчитывали, когда вся Японія будетъ у подножія намѣстника Христова. Вдругъ страшное гоненіе—и въ Японіи ни души христіанской. Что за причина“ ²⁾?

своей статьѣ „Христіанство въ Японіи“ (Харьковъ, 1904), говоря о гоненіи на христіанъ, между прочимъ приводитъ сообщеніе на этотъ счетъ европейца Кокса, посѣтившаго Японію въ 1619 году. Вотъ оно. „Христіане претерпѣвали такіе же разнообразныя муки и смерть, какія переносили вѣрующіе въ первыя гоненія христіанской эры. Ихъ стойкость была такъ велика, что скорѣе враги переставали опредѣлять наказанія, чѣмъ тѣ выносить дѣйствія ихъ ильва. Очень немногіе отрекались отъ своей вѣры. Мерзвѣйшія формы, въ которыхъ являлась смерть (вслѣдствіе изобрѣтательности ихъ враговъ), не могли привести ихъ къ унынію, равно всѣ ужасы торжественной экзекуціи не могли сломить силы духа, съ какою, казалось, они проходили чрезъ свои страданія. Они даже дѣтей своихъ дѣлали мучениками вмѣстѣ съ собою и несли ихъ на рукахъ на востры, предпочитая лучше отдать ихъ пламени, чѣмъ оставить бонзамъ, чтобы они были воспитаны въ язычествѣ“... (Стр. 13—14).

¹⁾ Посольство это отправлено было въ Римъ въ 1582 году просить папу Григорія XIII образовать изъ японской церкви особую епископію. „Никогда за всѣ прошедшія вѣка не было выдано“, замѣчаетъ Фрессине, „чтобы послы какого-нибудь великаго государя предпринимали подобную миссію по чисто религіознымъ мотивамъ, безъ всякой примѣси земныхъ интересовъ“. (Богослов. Вѣстн., 1906, № 1, стр. 131—132.

²⁾ Русск. Вѣстникъ, т. 83 (1869 г.) стр. 247.

Роясь въ архивахъ и изучая сочиненія японскихъ писателей XVII вѣка, еп. Николай пришелъ къ выводу, что вся вина за гоненія падаетъ исключительно на самихъ же „христіанъ“ — европейцевъ, поставившихъ японское правительство въ условія, при которыхъ ему не оставалось иного выхода, какъ только лишь истреблять своихъ невинныхъ подданныхъ. Такихъ же взглядовъ держится и Фрессинэ.

Сеогунъ Нобунага, при которомъ европейцы впервые показались въ Японіи, не только не препятствовалъ ихъ проповѣди, но даже въ своей столицѣ Міако построилъ для послѣдователей новой религіи христіанскій храмъ (1574 г.) ¹⁾. „Его преемникъ Хидееси (Таико)“, говоритъ преосв. Николай, „также на первый разъ казался покровительствующимъ христіанству; между тѣмъ зорко слѣдилъ за миссіонерами и изучалъ ихъ. А послѣдніе уже успѣли проявить всѣ качества, которыя были причиною изгнанія католическихъ миссіонеровъ въ различныя времена и изъ многихъ странъ“ ²⁾. Миссіонеры заводили политическія интриги, смѣялись надъ бонзами, называя ихъ не иначе, какъ діаволами, и проповѣдуя противъ нихъ насилія, вырубывали священныя рощи буддистовъ и т. д., вполне вообще дискредитировали христіанство въ глазахъ японцевъ. „У нищенствующихъ монаховъ“, замѣчаетъ проф. І. А. Бродовичъ, „принадлежащихъ къ разнымъ орденамъ (августинскому, доминиканскому и францисканскому), на почвѣ соперничества происходили ссоры между собою и съ іезуитами, и они стали отлучать другъ друга отъ Церкви. Многіе изъ іезуитовъ, которые въ первыя времена были достойными духовными пастырями, теперь жили въ роскоши и отличались высокоуміемъ. Японцы говаривали: „христіане имѣютъ двухъ боговъ: богатаго, живущаго пышно и въ радостяхъ, это—богъ іезуитовъ, и неимущаго, голоднаго и бѣднаго, которому поклоняются монахи“. А главное—іезуиты принесли съ собою духъ инквизиціи и пользовались мѣрами грубаго насилія. Такъ, они преслѣдовали буддійскихъ бонзъ, подстрекали новообращенныхъ къ поруганію туземныхъ боговъ, уничтоженію языческихъ идоловъ, сожженію старыхъ часовенъ. По ихъ же

¹⁾ Ibid., стр. 248.

²⁾ Ibid.

наущенію, принявшіе христіанство князья принуждали своихъ подданныхъ къ принятію христіанства, подвергали изгнанію или даже предавали смерти бонзъ“ 1)!

Громадный вредъ новой религіи принесли и европейцы—коммерсанты: португальцы, испанцы, англичане и голландцы. Они наживали себѣ на счетъ туземцевъ огромнѣйшія богатства и въ то же время относились къ населенію съ презрѣніемъ и высокомеріемъ. Жизнь вели самую невоздержанную и крайне соблазнительную для новообращенныхъ. Безстыдство этихъ „христіанъ“ доходило до того, что они открыто похищали къ себѣ женщинъ на корабль, а португальцы даже продавали японцевъ въ рабство въ Индію! Японія сдѣлалась мѣстомъ нравственныхъ отбросовъ европейскихъ націй...—Эти безобразія чрезвычайно дѣйствовали на вдумчивыхъ и впечатлительныхъ японцевъ. У правительства зарождалось подозрѣніе въ искренности исповѣдниковъ Христовой вѣры. Подозрѣніе мало-помалу стало переходить въ боязнь, не думаютъ ли всѣ эти господа поработить Японію и подчинить ее какому-нибудь христіанскому государю 2).

А тогдашняя жизнь уже успѣла дать тому примѣры. Для Европы XVI вѣкъ былъ между прочимъ временемъ открытій новыхъ странъ и вмѣстѣ вѣкомъ политическихъ неправдъ. Самое могущественное изъ государствъ тогдашней эпохи, Испанія—была положительно какимъ-то бичемъ для новооткрытыхъ народовъ. Вспомнимъ подвиги Картеса и Пизарро! Въ 1522 году пала Мексиканская имперія, а въ 1533—Перуанская. „Объ эти имперіи“, говоритъ еп. Николай, „въ цивилизаціи и силѣ малымъ чѣмъ уступали Японіи и съ гостепріимствомъ приняла испанскихъ рыцарей, за что эти рыцари отплатили имъ безсовѣстнѣйшимъ коварствомъ, поправіемъ всѣхъ правъ туземцевъ, подчиненіемъ ихъ иноземному владѣчеству и обращеніемъ всѣхъ гражданъ въ самыхъ несчастныхъ рабовъ. Не забудемъ при этомъ, что съ завоевателями всегда были неразлучно миссіонеры, и сами завоеватели яко-бы

1) Бродовичъ, „Христіанство въ Японіи“, стр. 9.

2) Богослов. Вѣстникъ, 1905, № 1, стр. 140.

дѣйствовали во имя Христа" ¹⁾). Развѣ отъ умнаго и проницательнаго Таико могъ скрыться этотъ лицемѣрный духъ европейской политики, развѣ не долженъ онъ былъ принять рѣшительныхъ мѣръ къ огражденію своего отечества и подданныхъ отъ жадной участи покоренныхъ народовъ? Все было пущено въ ходъ къ искорененію новой религіи и удаленію миссіонеровъ изъ страны, а затѣмъ и строжайшее запрещеніе вообще европейцамъ вступать съ японцами въ какія бы то ни было сношенія ²⁾).

Замѣчательно то, что японскіе правители тщательно сами изучали христіанство, находили его хорошей, разумной религіей и въ то же время силою вещей принуждены были стать ему въ оппозицію. „Христіанская религія хороша, но она не годится для моей страны“, былъ отвѣтъ Таико одному епископу, протестовавшему противъ эдиктовъ правительства ³⁾). „Пожаловаться на безрезонность и самодурство японскихъ гонителей христіанства нельзя“, говоритъ преосв. Николай, „это не были взбалмошные Нероны, Галеріи; они считали обязанностью сами знакомиться съ христіанствомъ и изучали его такъ безпристрастно, что прямо находили его хорошимъ и не стѣснялись говорить это самимъ врагамъ. Чья вина, что христіанство являлось имъ на половину политической интригой самаго опаснаго свойства?“ ⁴⁾).

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, т. 83 (1869 г.), стр. 249.

²⁾ Вотъ текстъ эдикта Таико по поводу изгнанія изъ Японіи католическихъ миссіонеровъ (переданный Фрессиэ). „Мы были извѣщены вашими вѣрными слугами, членами нашего совѣта, что чужестранные монахи прибыли въ наше государство, гдѣ они проповѣдуютъ законъ, противный японскому ученію, и что они имѣли смѣлость разрушить храмы Коми и Хотоко. Хотя это преступленіе заслуживало бы крайняго наказанія, однако мы, милуя ихъ, повелѣваемъ, подъ страхомъ смерти, въ двадцать дней выѣхать изъ Японіи и за это время имъ не сдѣлаютъ никакого вреда и убытка. Но если по истеченіи этого срока еще останется кто-либо изъ нихъ въ нашемъ государствѣ, мы повелѣваемъ хватать ихъ и наказывать какъ величайшихъ преступниковъ“. (Богослов. Вѣстн., 1905, № 1, стр. 142). Иностранцамъ-мірянамъ пока позволялось еще пріѣзжать въ Японію съ коммерческими цѣлями; запрещалось только привозить съ собою монаховъ. Немного позже и относительно ихъ было восстановлено, что „доколѣ солнце восходитъ на востокъ и заходитъ на западъ, ни одна нога иностранца подъ страхомъ смертной казни не должна вступать на японскую территорію“ (Ibid).

³⁾ Ibid., стр. 249.

⁴⁾ Русскій Вѣстникъ т. 83 (1869 г.) стр. 250.

Существуютъ факты, вполне оправдывающіе подозрѣнія японскаго правительства. Вотъ наиболѣе достовѣрный изъ нихъ, переданный тѣмъ же преосв. Николаемъ. Послѣ смерти одного японскаго князя имѣніе его за нѣкоторые неблаговидные поступки было конфисковано и опечатывалось агентами Таико. Совершенно неожиданно найденъ былъ сундукъ съ различными заграничными драгоценностями, и здѣсь же между прочимъ находилась корреспонденція съ папой. Оказалось если умершій, подъ вліяніемъ конечно г.г. миссіонеровъ, собирался предать свое отечество иноземцамъ!¹⁾ Что мудренаго, если правительство усиливало репрессіи все больше и больше и своихъ подданныхъ христіанъ считало измѣнниками отечества? Что непонятнаго, если подъ вліяніемъ всего этого и японцы, не христіане, тоже стали за одно съ правительствомъ, направивъ свои силы къ изгнанію ненавистныхъ иностранцевъ и искорененію въ свой странѣ ихъ религіи. *Дѣло въдѣ по ихъ мнѣнію шло о спасеніи отечества отъ гибели.*

Въ 1637 году, двадцать пять лѣтъ спустя послѣ изгнанія европейцевъ, нѣсколько лицъ, спасаясь отъ политическихъ преслѣдованій, бѣжали на югъ Японіи, гдѣ проживали уцѣлѣвшіе отъ гоненій туземцы—христіане. Съ помощью пущеннаго въ ходъ яко бы пророчества, по которому для христіанства пришелъ моментъ сдѣлаться въ Японіи господствующей религіей, эти господа возбудили христіанъ противъ правительства за его запретительные эдикты. Движеніе получило характеръ религіозной войны. Наконецъ возставшіе были побѣждены и всѣ, числомъ до 35000 умершвлены. Съ этихъ поръ на христіанство легло новое нареканіе—будто оно возбуждаетъ своихъ исповѣдниковъ къ мятежамъ и беспорядкамъ. Издавъ былъ даже такой указъ, что „хотя бы самъ богъ христіанскій пришелъ въ Японію,—я ему голова долой“²⁾.

Изъ изложеннаго мы видимъ, кто истинный виновникъ гоненій на христіанство въ странѣ „Восходящаго Солнца“. вполне поэтому гармонируютъ съ дѣйствительностью и оправдываются ходомъ вещей слова еп. Николая. „Напуганнымъ католическими

¹⁾ Ibid.

²⁾ Русскій Вѣстникъ, т. 83 (1869 г.), стр. 251.

пропагандистами XVI столѣтія японцамъ, глубоко запала въ душу мысль, что европейцы непременно имѣютъ намѣреніе завоевать ихъ страну, и въ каждомъ китобоѣ, случайно попадавшемся у ихъ береговъ, имъ безпрестанно мерещился шпионъ, подглядывающій, что дѣлается у нихъ“¹⁾... „Наконецъ, чему я не хотѣлъ вѣрить, пока самъ не прочиталъ въ очень серьезной японской книгѣ, были японцы, до того боявшіеся иностранцевъ, что предлагали проектъ провести по всѣмъ прибрежьямъ Японіи каналы, чтобы избѣжать плаванія по морю, гдѣ ходятъ иностранныя суда, и правительство уже приступало къ исполненію этого проекта, по крайней мѣрѣ посылало инженероу осматривать мѣста, удобныя для проведенія каналовъ“²⁾.

Въ настоящее время, по окончаніи русско-японской войны, когда жизнь Японіи начинаетъ мало по малу входить въ нормальное русло, когда острота политическихъ вопросовъ уляжется, можно вполне надѣяться и на свѣтлое тамъ будущее христіанства. Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что буддизмъ и конфуціанство, на которыхъ воспитался духъ японцевъ, будетъ только способствовать развитію христіанства въ ихъ странѣ. Въ самомъ дѣлѣ, буддизмъ съ его нѣкоторыми возвышеннѣйшими и чистыми нравственными правилами развѣ не расчищаетъ пути къ принятію нравственныхъ *христіанскихъ* воззрѣній и понятій? Конфуціанство, это ученіе разсудка, побуждающее своихъ послѣдователей относиться къ окружающему критически и тщательно все сперва анализировать, и потомъ только принимать или отвергать, развѣ это не гарантія, что христіанство въ Японіи является и явится плодомъ тщательнаго изученія японцами его вѣроученія, его морали, будетъ дѣлать японскихъ христіанъ сознательными, твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ: это не то, что наши „христіане“, способные увлекаться любымъ противорелигіознымъ сочиненіемъ или статьей. Въ Японіи подобнымъ „христіанамъ“ мѣста нѣтъ и вѣроятно не будетъ никогда.

Нечего, конечно, добавлять, что повторенія ужасныхъ

¹⁾ Русскій Вѣстникъ, стр. 223.

²⁾ Ibid., т. 83 (1869 г.), стр. 228.

гоненій въ Японіи на христіанство больше уже не предвидится. Если и въ XVII вѣкѣ воздвигались репрессіи на христіанство исключительно изъ желанія правительства предохранить Японію отъ алчности европейцевъ, то теперь эту алчность можно предотвращать и не касаясь христіанства вовсе, что и было сдѣлано токійскимъ правительствомъ въ только что минувшую войну.

„Въ западной Европѣ“, говоритъ преосв. Николай, „въ средѣ людей современной науки и современнаго знанія, начинаетъ входить въ моду мнѣніе, будто христіанство есть одна изъ переходящихъ формъ религіознаго сознанія, будто она старѣетъ и близится къ умиранію.—Нестарѣемый и безсмертный духъ христіанства безконечно далекъ отъ того, что сулить ему и чего желаетъ ему враждующая... мысль. Остарѣли, ветшаютъ, близки, можетъ быть, къ разрушенію тѣ сосуды, въ которыхъ обиталъ доселѣ этотъ безсмертный духъ, и становятся они неспособными вмѣщать себѣ на вѣки его неизживаемое содержаніе. Вѣчно живой, онъ открываетъ и избираетъ себѣ новые сосуды по той мѣрѣ, какъ доселѣ обитаемые имъ утрачиваютъ въ себѣ способность быть его хранителями.. Приводя себѣ на мысль этотъ какъ бы законъ исторіи, и имѣя въ виду съ одной стороны готовность и стремленіе японской націи къ воспріятію началъ христіанской жизни, съ другой—постепенно возрастающее стремленіе образованной Европы отчуждаться отъ религіозно-христіанскихъ доктринъ, невольно можно подумать, не утрачиваютъ ли теперешніе сосуды христіанскаго духа способности быть его хранителями и носителями и не вынуждаютъ ли его тѣмъ самымъ покинуть ветшающія одежды, отлетѣть отъ все болѣе мертвѣющихъ организмовъ и переселиться въ отдаленный Востокъ, чтобы тамъ начать ту свойственную этому духу жизнь, къ которой становятся неспособны культурные народы Европы“ 1)?

Студентъ Императорскаго Харьковскаго Университета

Ө. Прохоренко.

(Окончаніе будетъ).

1) Православное Обозрѣніе, 1880, № 8, стр. 719—720.

Распространеніе христіанства въ придворныхъ кружкахъ въ первые вѣка (по А. Гарнаку).

Въ качествѣ введенія къ этому отдѣлу мы предположимъ краткое указаніе на іудеевъ при императорскомъ дворѣ ¹⁾. Они находились уже при дворѣ Августа. Надписи учатъ насъ, что они были тамъ даже многочисленны и владѣли своими синагогами ²⁾. Имена, встрѣчающіяся на надписяхъ, такія какъ Флавія Антонина, Аврелія, Фаустина—изъ женскихъ, и Аврелій, Клавдій, Юліанъ изъ мужскихъ раждаютъ догадку, что нѣкоторые изъ нихъ были рабами и вольноотпущенниками или потомками ихъ ³⁾. Они пользовались здѣсь также и большимъ вліяніемъ. При помощи іудея Алитура, придворнаго начальника игръ, пользовавшагося большою благосклонностью Нерона, Іосифъ Флавій добился аудіенціи у императрицы Поппеи въ ПUTEOLĀ и достигъ съ ея помощью освобожденія нѣсколькихъ іудейскихъ священниковъ ⁴⁾. Да и сама императрица, повидимому, принадлежала къ числу іудейскихъ прозелитокъ ⁵⁾. Что іудеи, по всей вѣроятности, были главными виновниками Неровскаго преслѣдованія христіанъ, объ этомъ

¹⁾ Ср. Eugeström, Om Iudarne i Rom undre äldre tider och deras katakomber. Upsala, 1876.

²⁾ Συναγωγή Αιουουστρηίου. Cigr. 9902. 9903; ср. Fiorelli, Catalogo del Museo Nazionale, Inscrir. Lat. 1956. 1960. Orelli 8222=Garucci, Dissert. II, 162, 12; Eugeström №3. 4 s. 31. Συναγωγή Αιουουστρηίου. Cigr. 9907. Eugeström № 2, s. 31. Въ послѣднемъ случаѣ, вѣроятно, разумѣется Агриппа, другъ Августа. О другихъ іудейскихъ синагогахъ въ Римѣ см. Eugeström.

³⁾ Флавія Антонина; Eugeström, Nr. 3. Квинтъ Клавдій Синезій, № 8; Аннианъ, сынъ Юліана, № 9; Юліанъ, сынъ Юліана, № 10; Люцина, № 16; Люцилла, № 44; Александръ, сынъ Александра, № 18; Валерій, мужъ Лукреціи Фаустины, № 19; Гай, № 24; Юлія, № 27; Александръ, № 84; Аврелія Камерина, № 85; Аврелій Іосифъ, супругъ Аврелии Авгурія, № 86; Эліа Александрія, дочь Эліа Септима, № 36; Флавія Дашива, № 38; Марцелла, № 41.

⁴⁾ Iosephus, Vita 3.

⁵⁾ Iosephus, Antiqu. XX, 8, 11.

мы уже говорили. Самаританецъ Фаллъ, вольноотпущенникъ Тиверіа, могъ одолжить королю Ироду Агриппѣ милліонъ динаріевъ ¹⁾. До великой войны между палестинскими іудеями и императорскимъ дворомъ продолжались постоянныя и многочисленныя связи. Позднѣе, въ теченіе двухъ столѣтій, эти связи становились рѣже и затѣмъ совсѣмъ уничтожались. Для положенія христіанъ при императорскомъ дворѣ ни тогда, ни позднѣе они не имѣли никакого прямого значенія.

Легенды и романы окружаютъ собой первоначальныя отношенія между императорскимъ дворомъ и древнѣйшими христіанами. Апостолы Петръ и Павелъ должны были стоять предъ Нерономъ ²⁾, Домиціанъ лично осудилъ ап. Іоанна. Десятки

¹⁾ Joseph. Antiqu., XVIII, 6, 4; о придворныхъ интригахъ іудейскихъ рабынь Ливіи, Акме см. Antiqu. XVII, 5, 7 sq., Bell. Iud. 1, 32, 6 sq.

²⁾ Такъ говорятъ Acta Petri et Pauli (Repan, Antichrist, deutz. Übers. S., 9); ср. особенно с. 31. 36 sq. 84. Разсказъ варьируется у многихъ писателей,—см. псевдоклиментову литературу, которая въ подлежащемъ намъ видѣ относится къ началу 4-го вѣка,—и въ 6-мъ столѣтіи получилъ свою окончательную обработку въ актахъ псевдо—Лина и актахъ Нерей и Ахилея. Въ первой книгѣ псевдо—Лина Неронъ упомянутъ только между прочимъ, но многи знатныя женщины были обращены: четыре конкубины префекта Агриппы (Агриппа, Евхарія, Евфимія, Діонисъ), а также и Ксандиппа, супруга Альбина, „любезнѣйшаго Цезарю. По второй книгѣ псевдо—Лина проповѣдь дѣйствуетъ гораздо шире: „наблюдалось (siebat) большое стеченіе вѣрующихъ въ Господа Іисуса Христа отъ дома Цезаря къ Павлу..., но и наставникъ императора (Сенека) былъ связанъ съ нимъ дружбой, видя въ немъ божественную мудрость“. Однѣ учитель Цезаря предложилъ ему посланія Павла и многіе изъ ближайшаго круга Цезаря послѣдовали Апостолу. Мальчикъ, прежде служившій для любовныхъ утѣхъ Цезаря, Патрокъ сдѣлался христіаниномъ. Варнава, Юстусъ, Аріонъ Каппадоксъ, Фестусъ Галата, христіанскій слуга Нерона, знатная дама Плавтила, стоявшая въ дружескихъ отношеніяхъ къ Павлу. Часть двора Нерона представляется, такимъ образомъ, христіанской. У псевдо—Лина и еще болѣе въ актахъ Нерей и Ахил., которые лучше назвать актами Домитиллы, использованы имена древнихъ христіанъ 2 и 3 вѣковъ (римскія и другія), но всѣ изображаемыя тамъ отношенія ихъ къ императорскому двору вставлены позднѣе, такъ какъ древніе мартирологи ничего о томъ не знаютъ (ср. Achelis, Texte und Unters., Bd. XI. Heft 2). Фантазія была возбуждена, благодаря историческому факту, что Климентъ и Домитилла были родственниками Цезаря и начали свою работу, насколько мы знаемъ, съ конца 2-го вѣка. Съ этого времени всѣ родственники царской фамиліи мало-по-малу вносятся въ акты (ср. также Acta Varnabae auctore Marco, с. 28: „Уевуссей, родственникъ Нерона“). Даже супруга Нерона, Ливія, обращается въ христіанство. Возможно, однако, что нѣкоторые, названныя въ древнѣйшихъ актахъ Павла (Vergell) римскіе христіане являются историческими

придворныхъ лицъ сдѣлались христіанами. Но всѣ эти рассказы вызываютъ малое довѣріе къ себѣ. Быть можетъ большаго вниманія заслуживаетъ извѣстіе Тертуліана о Тиверіи ¹⁾, но и здѣсь, очевидно, мы встрѣчаемся съ позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ.

Посланіе ап. Павла къ филипійцамъ заканчивается такими словами: „привѣтствуютъ васъ всѣ святые, а наипаче изъ Кесарева дома (IV, 22)“. Значитъ, въ римской христіанской общинѣ существовала особая придворная группа членовъ и эта группа или уже ранѣе стояла въ сношеніяхъ съ филипійской общиной, или эти сношенія начались только теперь при посредствѣ посланника общины Епафродита ²⁾.

Нѣсколькими годами ранѣе посланія въ Филиппы было написано посланіе къ римлянамъ. Въ ряду многочисленныхъ привѣтствій 16 главы Павелъ сопоставляетъ двѣ группы: христіанъ въ домѣ Аристовула и христіанъ въ домѣ Нарциса (ст. 10, 11). Намъ извѣстно, что въ правленіе императора Клавдія никто не былъ столь могущественнымъ въ Римѣ, не стоялъ такъ близко къ императору, какъ Нарциссъ, и что Аристовуль, внукъ Ирода Великаго, жилъ въ то время въ столицѣ и пользовался довѣріемъ Клавдія, какъ его ближайшій другъ. Вѣроятно поэтому, что и ап. Павелъ имѣетъ въ виду этихъ обоихъ лицъ, или, точнѣе, служащихъ у нихъ ³⁾.

личностями. Въ гл. 3 значится: „Діонисій и Валъ изъ Азіи, римскіе всадники, знаменитые мужи, и сенаторъ, по имени Дмитрій, близкій Павлу..., также изъ дома Кесаря Клеобій, Ифитъ Лизимахъ и Аристей и двѣ матроны, Вереника и Филострата съ пресвитеромъ Нарциссомъ“ гл. 8: „Маркеллъ сенаторъ“.

1) Тертуліанъ (Апол., гл. 5), а на основаніи его и Евсевій (Ц. И., II, 2) сообщаютъ, будто бы императоръ Тиверій получилъ донесеніе изъ Палестины о вознѣшемъ тѣмъ ученіи, предложилъ сенату принять Христа въ число римскихъ боговъ. Дѣйствительно, право признавать кого-либо богомъ въ Римѣ принадлежало сенату, но самый фактъ, рассказываемый Тертуліаномъ, не заслуживаетъ никакого вѣроятія. (*Прим. перев.*)

2) Филиппы были почти латинскимъ (римскимъ) городомъ и стояли въ постоянномъ, живомъ общеніи съ Римомъ (ср. Дѣян. 16, 21).

3) Нарцисъ умеръ въ 54 или 55 году. Посланіе къ римлянамъ, по моему мнѣнію, написано въ 53—54 гг. (большинство изслѣдователей отмѣчаетъ его годами 4—5 позднѣе). О Нарциссѣ вольноотпущенникѣ и частномъ секретарѣ Клавдія, см. Prosenogh. II, p. 397; Lightfoot, Philippi, 3 Aufl p. 173: какъ это бывало обычно, весь домъ Нарцисса вѣроятно попалъ въ руки императора и при

Въ заключеніе посланія римской общины въ Коринѣ (такъ наз. первое посланіе Климента) около 95 или 96 года, римскіе христіане заявляютъ, что они поручили доставить посланіе двумъ мужамъ, отличавшимся безпорочнымъ поведеніемъ отъ юности до старческаго возраста; значить, посланцы по крайней мѣрѣ въ теченіе 50 лѣтъ были христіанами. Одинъ изъ нихъ назывался *Клавдій Ефебъ*, другой—*Валерій Витонъ*. Справедливо думаетъ *Лайтфутъ*, что они принадлежали къ числу служившихъ при дворѣ, потому что супруга Клавдія Мелалина была изъ рода Валеріевъ. Они, вѣроятно, посылали свое привѣтствіе филиппійцамъ, когда ап. Павелъ писалъ туда посланіе ¹⁾.

Несомнѣнно, христіанами были консулъ Титъ Флавій Климентъ и его супруга Домитила, близкая родственница Домициана и, какъ христіане ²⁾, были наказаны въ 95—96 году.

этомъ удержалъ имя Нарцисса. Одинъ членъ этого дома ясно упомянутъ въ существующей надписи: TI. CLAVDIO. SP. F. NARCISSIANO (Murat. p. 1150. 4)³⁾. Ср. еще Hirschfeld'a „Beitragen zur alten Geschichte“ Bd. 2, H. 2, S. 294: „сдѣлавши императорскимъ прѣтеромъ Нарциссоу οὐσία (прежнее имѣніе Нарцисса, Wilcken, Ostraca, 1 s. 392 f.) справедливо относится къ тайному секретарю Клавдіа“. Упомянутые въ посланіи къ филиппійцамъ христіанамъ изъ дома Цезари могли быть, слѣдовательно, нарциссіанами посланія къ римлянамъ. Аристовуль, по Іосифу (Antiqu XX, 12) во всякомъ случаѣ былъ живъ еще въ 45 г, годъ его смерти неизвѣстенъ. Также в люди его могли быть взяты къ царскому двору (Lightfoot, cit., loc.).

¹⁾ Мы оставляемъ въ сторонѣ извѣстный вопросъ объ отношеніяхъ Сенекы къ ап. Павлу и подложной перепискѣ между ними. Фактъ, что позднѣйшіе члены дома Анневъ, были христіанами, ничего не доказываетъ. Неосновательно также считается христіанскій и любимая невольница Неропа Акте. Правда въ кругу ея встрѣчаются лица, носившія имена, извѣстныя изъ Новаго Завета (Онисимъ, Стефанъ, Феба, Крескентъ, Артема), но отсюда еще ничего не слѣдуетъ. Напротивъ, слѣдуетъ вспомнить, что въ древнихъ актахъ Павла (=акты Θεκλυ), разукрашенныхъ позднѣйшей фантазіей, упоминается королева Трифена въ малоазійской Агтіохіи, принявшая къ себѣ Θεκλυ, какъ дочь. Она называется родственницей императора, и это вѣрно; Трифена, супруга малоазійскаго короля Полемона (середина перваго вѣка) находилась въ родствѣ съ императоромъ Клавдіемъ (Gretschmid; Rhein. Mus., 1864, s. 176).

²⁾ „Какъ христіане“—это выраженіе требуетъ ограиченія. Свидѣтельство Евсевія (Ц. И. III, 17. 88) и новѣйшія изслѣдованія катакомбъ, установившія два факта, что жена Климента Домитилла была собственницей имѣнія, на которомъ расположены древнѣйшія христіанскія усыпальницы въ Римѣ, и что семья Главриана, пострадавшаго вмѣстѣ съ Климентомъ, похоронена въ криптѣ, группирующейся около гробницъ мучениковъ, даютъ право предполагать, что Климентъ

Предназначенные Домиціаномъ, наслѣдники трона, сыновья Климента были воспитаны христіанской матерью. Одновременный римскій пресвитеръ епископъ Климентъ, по всей вѣроятности, не тождественъ съ консуломъ, но все же могъ принадлежать къ придворному служебному кружку.

Въ „Пастырѣ“ Ерма не встрѣчается ясныхъ извѣстій о придворныхъ христіанахъ. Императоръ Адріанъ, этотъ „страстный любитель всякихъ рѣдкостей“, могъ ознакомиться съ христіанствомъ изъ судебныхъ дознаній, но его письмо къ Северіану, вѣроятно, искажено ¹⁾, и извѣстіе, что онъ хотѣлъ строить храмы Христу, недостоверно ²⁾. Его вольноотпущенникъ Флегонтъ, составившій всемірную хронику, въ которой быть можетъ сотрудничалъ ему самъ Адріанъ, упоминаетъ, но очень поверхностно, о жизни Христа и Его чудесахъ и смѣшиваетъ Христа съ Петромъ ³⁾.

Домицианъ и Главріанъ были дѣйствительно христіанами, но обвинены были они и наказаны не за христіанство. По Светонію Климентъ былъ привлеченъ къ суду по самому ничтожному подозрѣнію (*ex tenuissima suspicione*), за то, что относился небрежно къ своей должности. Діонъ Кассій сообщаетъ, что виной Климента и пострадавшихъ вмѣстѣ съ нимъ было безбожіе (*αθεατης* или *sacrilegium*), состоящее въ уклоненіи къ іудейскимъ обычаямъ. Въ эпоху Домиціана римское правительство еще не умѣло отличать христіанство отъ іудейства, и обвиненіе въ христіанствѣ само собой понималось, какъ обвиненіе въ уклоненіи къ іудейскимъ обрядамъ. Для Климента, какъ лица высшаго сословія, іудейство было запретнымъ плодомъ и такимъ образомъ Климентъ, будучи христіаниномъ, подвергся казни не какъ сакрилегъ во имя христіанства, но какъ сакрилегъ во имя іудейства.

(Прим. перев.).

¹⁾ Письмо это любопытно: оно написано изъ Александріи въ 131 г.: „теперь я познакомился съ Египтомъ, который вы такъ расхваливаете; я нашелъ людей тщеславными, непостоянными и невѣрными. Тѣ, которые поклоняются Серапису, на самомъ дѣлѣ христіане; также тѣ, которые называютъ себя епископами Христа, поклоняются Серапису. Нѣтъ здѣсь такого начальника синагоги, самарянина или христіанскаго епископа, который не былъ бы астрологомъ, гадателемъ или заклинателемъ. Самого Тиверіадскаго патріарха (глава іудейства послѣ разрушенія Іерусалима), когда онъ приходитъ въ Египетъ, одни тянутъ на поклоненіе Серапису, другіе на поклоненіе Христу, но здѣсь есть одинъ богъ (= деньги), которому одинаково служатъ іудеи, христіане и лзычники“. (Прим. пер.).

²⁾ Въ виду опредѣленнаго свидѣтельства Лампріди (Alexander, 48: „существуютъ и до сего дня“) существованіе такъ наз. „Адріановскихъ храмовъ“ несомнѣнно. Они обращали на себя вниманіе отсутствіемъ всякихъ изображеній боговъ. У позднѣйшихъ христіанъ, недоумѣвавшихъ о назначеніи этихъ храмовъ, они в вызвали легенду, что Адріанъ хотѣлъ ихъ посвятить Христу. (Прим. пер.).

³⁾ Оригенъ, прот. Цельса, II, 14.

Въ процессѣ Іустина Философа, въ первые годы Марка Аврелія, выступаетъ въ качествѣ обвиняемаго его ученикъ, по имени Евелпистъ; онъ называетъ себя царскимъ рабомъ ¹⁾. Слѣдовательно, христіанство среди придворныхъ служащихъ еще продолжало существовать. Быть можетъ, этому же времени принадлежитъ и насмѣшливое изображеніе распятаго, найденное въ Палатинѣ. Оно также свидѣтельствуетъ, что среди императорской прислуги значились христіане.

Въ правленіе Коммода мы слышимъ о христіанинѣ Карнофорѣ „изъ дома императорскаго“, рабъ котораго Каллистъ въ послѣдствіи сталъ римскимъ епископомъ, а Иринеи пишетъ: „и вѣрующіе, находящіеся при царскомъ дворѣ, не пользуются ли изъ имущества Кесаря припасами и каждый изъ нихъ по своей возможности не доставляетъ ли неимущимъ“ ²⁾. Значитъ, при дворѣ императора жила цѣлая группа христіанъ, находившихся притомъ въ хорошемъ положеніи. Въ теченіе многихъ годовъ могущественнымъ лицомъ при дворѣ была Марція, конкубина императора („боголюбезная подруга“,—какъ выражается Ипполитъ ³⁾); тогдашній римскій еп. Викторъ при по-

¹⁾ Acta Iustini 4.

²⁾ Иринеи, прот. ер. IV, 30. 1.

³⁾ Hippol., Phil. XI, 12. Марція Аврелія Цейлонія принадлежала къ выдающимся женщинамъ своего времени. Она была дочерью Аврелія Сабіана, вольноотпущенника Марка Аврелія и его соправителя Люція и своимъ именемъ напоминала того и другого, такъ какъ Люцій по происхожденію былъ Цейлонецъ. Отецъ ея обладалъ солиднымъ имуществомъ; на свои средства онъ возстановилъ въ своемъ родномъ городѣ Анагніи бани; Марціи закончила ихъ и посвятила городу, за что граждане воздвигли обоимъ статуи. Сначала она была конкубиной Квадрата, племянника Марка, но когда Квадратъ былъ казненъ за измѣлу, весь домъ его съ Марціей и имуществомъ перешелъ въ къ Коммоду, вступившему на престолъ 180 г., и Марція сдѣлалась конкубиной Коммода. Скоро прекрасная женщина овладѣла императоромъ: „она была всемогуща у Цезаря“,—говоритъ Діонъ Кассій; на монетахъ она изображается рядомъ съ Коммодомъ въ костюмѣ амазонки; ея положеніе при дворѣ почти ни чѣмъ не отличалось отъ законной супруги, въ надписи въ Анагніи она обозначается, какъ *femina stolata*, какъ матрона. Марція была христіанкой и своимъ вліяніемъ на императора пользовалась для того, чтобы улучшить положеніе христіанъ въ имперіи. Ея воздѣйствію на Коммода христіане прежде всего были обязаны тому, что преслѣдованіе, начавшееся при Маркѣ Авреліи, уже въ первые годы правленія Коммода ослабѣло и, затѣмъ, совсѣмъ прекратилось. Ничто не говоритъ за то, чтобы Марціи предпринимала какую либо попытку совершенно узаконить христіанство въ имперіи

средствѣ ея выпросилъ у императора дозволеніе освободить римскихъ христіанъ, сосланныхъ въ предшествовавшее царствованіе (Марка Аврелія) въ рудокопни въ Сардинію.

О времени Септимія Севера Тертуліанъ ¹⁾ свидѣтельствуетъ, что и тогда также въ царскихъ палатахъ находились христіане. Къ Скапулѣ онъ пишетъ ²⁾: самъ Северъ, отецъ Антониновъ, долженъ былъ помнить о христіанахъ, такъ какъ онъ Прокла христіанина, называвшагося Торнаціономъ, исцѣлившаго его нѣкогда масломъ, призвалъ къ себѣ и поселилъ во дворцѣ до конца жизни..., будучи знакомъ съ знатными женщинами и знатными мужчинами этой секты, Северъ не только не оскорблялъ ихъ, но взялъ ихъ подъ свою защиту и открыто препятствовалъ народу, свирѣпствовавшему противъ насъ“ ³⁾. Также и его сынъ Каракалла стоялъ на близкой ногѣ съ христіанами ⁴⁾. Тертуліанъ называетъ его даже, „съ колыбели воспитаннымъ христіаниномъ“ ⁵⁾. При немъ, въ 217 году, умеръ императорскій оберъ-камергеръ Прозенъ. Что онъ скончался христіаниномъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ надпись, посвященная ему рабомъ его ⁶⁾. Начиная съ 3-го столѣтія, придворныя должности получали все болѣе важное значеніе ⁷⁾. Первоначально придворныя и государственныя должности были строго отграничены. Въ то время какъ послѣдніе обыкновенно занимались свободными лицами всадническаго и сенаторскаго ранга, придворныя и хозяйственныя должности замѣщались императорскими вольноотпущенниками и рабами. Но постепенно всадники стали переходить на придворныя должности, вольноотпущенники же и рабы, наоборотъ, возводились въ

но ея авторитетъ при дворѣ и вліяніе на императора, хорошо всѣмъ извѣстное, должно располагать городскихъ и областныхъ правителей такъ, что считали за лучшее воздерживаться отъ процессовъ противъ христіанъ. (*Прим. перев.*)

¹⁾ Аполлог., гл. 37.

²⁾ Къ Скапулѣ, гл. 4.

³⁾ Тертуліанъ въ *de corona* (12), повидимому, намекаетъ, что христіане служили и въ императорской лейбъ-гвардіи.

⁴⁾ „Optime poterat (прекрасно зналъ)“—выражается о немъ Тертуліанъ.

⁵⁾ Въ актахъ Харалампа (*Bolland.*, 10 февр., р. 382) сестра Севера названа христіанкой.

⁶⁾ *Inscr. Christ.* 1, пр. 5; р. 9.

⁷⁾ Но уже въ первомъ столѣтіи нѣкоторые императорскіе вольноотпущенники приобрѣтали сильнѣйшее вліяніе на государственныя дѣла.

знатное достоинство и принимались на высшую государственную службу. Обыкновенно, однако, бывало такъ, что императорскіе вольноотпущенники, *Caesariani*, занимавшіе придворныя должности, были самыми вліятельнѣйшими людьми. Такимъ образомъ христіанинъ, если онъ пользовался довѣріемъ монарха, могъ сдѣлаться очень важнымъ человекомъ въ государствѣ.

Сирійскія придворныя дамы были дружественно расположены къ христіанству. О Юліи Мамсѣ извѣстно, что она призывала Оригена въ Антиохію для бесѣды, и Ипполитъ посвятилъ ей особое сочиненіе ¹⁾. Поэтому, Оррозій называетъ ее христіанкой ²⁾. Дворъ ея сына, императора Александра, наполненъ былъ христіанами ³⁾. Самъ онъ былъ настолько благосклоненъ къ христіанамъ, что они послѣ смерти причислили его къ своимъ единовѣрцамъ. Отзвы о немъ показываютъ, что онъ, „сирійскій архисингагогъ“ ⁴⁾, дѣйствительно занимался христіанскими дѣлами ⁵⁾.

При Филиппѣ Аравитянинѣ христіане продолжали оставаться въ томъ же положеніи. Филиппъ также считался тайнымъ христіаниномъ ⁶⁾. Оглядываясь на это время, Киприанъ

1) Евс. Ц. И., VI, 21: „слава Оригена, разнесшаяся повсюду, дошла и до уха матери императора, по имени Маммен, женщины благочестивѣйшей... она сильно желала посмотрѣть на этого мужа и послушать его ученія о предметахъ божественныхъ“—Объ Ипполитѣ и Маммѣ см. Нагпакъ (Lit.—g. I, 605 сл.). Кто была Северина, названная на статуѣ Ипполита, неизвѣстно, но можно вспомнить о Северинѣ, супругѣ Гелиогабала.

2) VII, 18.

3) Евс. Ц. И. VI, 28: „дворъ Александра большею частію состоялъ изъ вѣрныхъ“.

4) Lamprid, Alex. 28.

5) Александръ Северъ на своемъ домашнемъ алтарѣ на ряду съ бюстами Орфея и Моисея имѣлъ изображеніе Христа. Біографъ его передаетъ, что онъ въ особенности любилъ повторять общее іудейской и христіанской религіи изреченіе: „чего не желаешь себѣ, того не дѣлай другимъ“. Этотъ девизъ онъ приказывалъ выставить на фронтонахъ многихъ общественныхъ зданій. Его благосклонность къ христіанамъ была такъ велика, что онъ рекомендовалъ римлянамъ избирать христіанъ на общественныя должности, какъ людей болѣе достойныхъ. Когда въ его царствованіе въ Римѣ поднялся споръ между христіанами и представителями общественныхъ харчевенъ о правѣ владѣть какимъ-то участкомъ земли, онъ рѣшилъ споръ въ пользу христіанъ, сказавъ, что пусть это мѣсто лучше служитъ для почитанія бога, чѣмъ для продажи литей. (Прим. пер.).

6) Евс. Ц. И., VI, 34. Евсевій рассказываетъ легенду, ходившую среди христіанъ о Филиппѣ. Говорятъ, что Филиппъ однажды захотѣлъ выѣхать съ народомъ

разражается гнѣвомъ ¹⁾: „многіе епископы, презрѣвши божественное управленіе (procuratio) сдѣлались управителями (procuratores) смертныхъ царей“. Значитъ, не только христіанскіе міряне, но и епископы домогались вліятельныхъ и доходныхъ придворныхъ должностей ²⁾.

Максимъ Оракійскій, Децій и Валеріанъ очистили дворъ отъ христіанъ. Впрочемъ, въ началѣ царствованія послѣдняго они снова наполнили собой дворецъ: „ни одинъ изъ предшествовавшихъ государей, не исключая и тѣхъ, которые явно вазывались христіанами, не былъ къ нимъ столь благосклоненъ и снисходителенъ, сколь милостиво и ласково принималъ ихъ вначалѣ какъ Валеріанъ; весь домъ его наполненъ былъ людьми благочестивыми и былъ церковью Божіей“ ³⁾. Но къ концу царствованія все измѣнилось. Во второмъ рескриптѣ противъ христіанъ 258 года относительно „Цезаріанъ“ повелѣвается: цезаріане, кто изъ нихъ прежде исповѣдалъ христіанство и теперь окажется такимъ, лишается имущества и въ узахъ отправляются въ императорскія имѣнія ⁴⁾.

Преслѣдованіе было кратковременно. Но уже при его сынѣ Галліенѣ христіане опять проникли во дворецъ и достигли

участвовать въ молитвословіяхъ церкви во время послѣдняго пасхальнаго все-нощнаго бдѣнія, но не прежде былъ допущенъ къ этому тогдашнимъ предстоятелемъ, какъ послѣ исповѣди и присоединенія къ числу грѣшниковъ, стоявшихъ въ отдѣленіи кающихся. Не сдѣлавъ этого, онъ не могъ быть принятъ епископомъ по причинѣ множества своихъ грѣховъ. Впрочемъ, императоръ, говорятъ, охотно послушался... Какъ ни благосклонно относился къ христіанамъ Филиппъ, онъ все-же далекъ былъ отъ того, чтобы самому сдѣлаться христіаниномъ, да еще встать въ ряды кающихся. (Прим. перев.).

¹⁾ О падшпхъ, гл. 6.

²⁾ Между императорскими придворными должностными лицами и находящимися въ императорскихъ имѣніяхъ въ провинціи происходилъ постоянный обмѣвъ. О земельныхъ владѣніяхъ римскихъ императоровъ въ первые три вѣка см. изслѣдованіе Hirschfeld'a въ „Beitragen zur alten Geschichte“, Bd. 2, H. 1, s. 45; H. 2, s. 284 сл. „Несравненно значительнѣе, чѣмъ въ Италіи,—говоритъ Hirschfeld,—были царскія помѣстья въ провинціяхъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдавался Египетъ, гдѣ Августъ, какъ наследникъ египетскихъ царей, завладѣлъ всѣми имѣніями ихъ (292 г.)... среди всѣхъ провинцій имперіи нельзя указать ни одной, которая вмѣщала бы въ себѣ столь необъятныя императорскія владѣнія, какъ Африка (стр. 295).“

³⁾ Діонисій александрійскій у Евс. Ц. И., VII, 10.

⁴⁾ Кипріанъ, п. 66.

здѣсь такого вліятельнаго положенія ¹⁾, что при Діоклитіанѣ его жена и дочь стали христіанками и дворъ въ Никомидіи въ большей своей части состоялъ изъ христіанъ ²⁾. Первый рескриптъ Діоклитіана и направился главнымъ образомъ ³⁾ противъ придворныхъ христіанъ ⁴⁾. Евсевій свидѣтельствуетъ, что и при дворѣ Констанція Хлора жило много христіанъ ⁵⁾, то же наблюдалось и у Лицинія ⁶⁾.

Эти эскизы, совсѣмъ не претендующіе на полноту, достаточны для того, чтобы видѣть, какъ христіане еще съ ранней поры проникли ко двору и долгое время здѣсь составляли значительную часть его.

Ан. Спасскій.

¹⁾ Мы слышимъ, напр. объ антиохійскомъ пресвитерѣ Дороеѣ, занимавшемъ должность директора императорской пурпуровой фабрики въ Тирѣ (Евс. Ц. И., VII, 82). Множествомъ Евсевій замѣчаетъ о христіанинѣ—сенаторѣ Астеріи, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ у императоровъ (VII, 16)^а.

²⁾ Евс., Ц. И., VIII, 1: „Доказательствомъ того (торжества и силы христіанства въ первые 20 лѣтъ царствованія Діоклитіана) можетъ служить благосклонность къ намъ державныхъ лицъ, которыя поручали нашимъ управленіе народомъ... и избавляли ихъ совѣсть отъ жертвоприношеній. А что сказать о царскихъ придворныхъ? о начальствовавшихъ надъ всѣми правителяхъ? Домашнимъ, женамъ, дѣтямъ и слугамъ они попускали открыто и свободно слѣдовать божественному слову и христіанской жизни, едва не дозволяли имъ хвалиться дерзновеніемъ въ вѣрѣ и считали ихъ достойными любви больше, чѣмъ прочихъ сослуживцевъ. Таковъ былъ Дороей за свою глубокую преданность и вѣрность отличенный ими предпочтительно предъ лицами, занимавшими самыя высокія правительственныя должности. Таковъ славный Горгоній и другіе, устоявшіеся подобной честью“.

(Прим. пер.).

³⁾ Евс. тамъ же; ср. Лактанцій, О смерти гонителей, 15.

⁴⁾ Письмо Θεоны, рассказывающее о христіанскомъ бібліотечарѣ Діоклитіана, по моему мнѣнію, подложно.

⁵⁾ Евсевій, Жизнь Константина, I, 16.

⁶⁾ Иеронимъ, Хроника, г. 2887; Лициній прогналъ христіанъ изъ своего дворца.

Вл. С. Соловьевъ и его религіозно-нравствен- ные идеалы *).

Въ наши смутные дни, когда въ извѣстныхъ частяхъ общества колеблются устои религіозно-нравственной жизни, невольно хочется успокоиться на образахъ чего либо лучшаго, на такихъ явленіяхъ ея, которыя дѣйствовали бы ободряюще. И они, эти отрадные явленія, вселяющія надежду на свѣтлое будущее въ этой области, недалеки отъ насъ, можно сказать современны намъ. Памятно еще намъ недавнее пробужденіе въ лучшихъ представителяхъ нашего общества умственной дѣятельности и интереса къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ и того подъема ихъ на небывалую высоту, которымъ ознаменовалась послѣдняя четверть только что минувшаго вѣка. Въ оживленномъ движеніи въ наукѣ и литературѣ по этимъ вопросамъ ясно обнаружилось, какая нравственная мощь, какія могучія нравственныя силы кроются въ нѣдрахъ этого общества, съ которыми могутъ проявляться въ немъ самыя интенсивныя религіозно-нравственныя стремленія. Живымъ воплощеніемъ такихъ силъ и стремленій былъ, недавно оставившій свое земное поприще, знаменитый Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ.

Съ этимъ обаятельнымъ именемъ намъ представляется величавый образъ необыкновенно талантливаго дѣятеля русскаго просвѣщенія, вдохновеннаго философа—богослова, энергичнаго поборника религіозно-нравственныхъ идеаловъ, одушевленнаго и продуктивнаго публициста, мыслителя—поэта и подвижника. Это личность во всѣхъ отношеніяхъ несравненная, оригиналь-

*) Чтеніе въ Харьковскомъ религіозно-просвѣтительномъ Братствѣ Озерянской Божіей Матери.

ная въ лучшемъ смыслѣ этого слова и, по качествамъ своей благороднѣйшей души, высоко-идеальная.

При неутомимой жаждѣ знанія и пытливости, Вл. С. Соловьевъ всю свою трудовую, можно сказать, подвижническую жизнь посвятилъ исканію истины и добра, самоотверженному служенію имъ. Обладая колоссальною эрудиціею и творческимъ созерцательно-философскимъ умомъ, будучи философомъ по призванію, онъ создалъ свою обширную и стройную, хотя не совсѣмъ законченную систему философскихъ воззрѣній, по которой сталъ первымъ самостоятельнымъ русскимъ философомъ, преимущественно моралистомъ.

Какъ человѣкъ искренно и глубоко вѣрующій, проникнутый живыми религіозными стремленіями, основной задачей своей философіи онъ ставилъ—уясненіе религіозной области философскимъ путемъ. Вслѣдствіе этого философская мысль у него соприкасается съ богословскою, можно даже сказать, совпадаетъ съ нею, и вся его философія имѣетъ религіозно-нравственное направленіе, какъ и всѣ его идеалы, органически связанные со всѣмъ его живымъ философско-богословскимъ міровоззрѣніемъ.

При этомъ, нашъ философъ—богословъ не былъ только творцомъ, носителемъ и выразителемъ своего міровоззрѣнія и идеаловъ,—вѣтъ,—какъ убѣжденный мыслитель, онъ старался быть живымъ осуществленіемъ правды своей философіи: философія для него, какъ для древнихъ мудрецовъ, была вмѣстѣ и дѣломъ жизни. И на жизнь онъ смотрѣлъ, именно, какъ на осуществленіе „правды живой“, какъ на подвигъ, почему вся эта безпорядочная смѣна поверхностныхъ впечатлѣній житейскихъ, не связанныхъ съ правдой ея, вся эта житейская суета ему казалась не болѣе какъ дѣтскимъ, бессознательнымъ отношеніемъ къ жизни. Въ переводѣ на поэтическій языкъ, у нашего мыслителя-поэта это выражается въ слѣдующемъ прекрасномъ стихотвореніи:

Если желанья бѣгутъ словно тѣни,
 Если обѣты—пустыя слова,—
 Стоитъ-ли жить въ этой тьмѣ заблужденій,
 Стоитъ-ли жить, если правда мертва?

Вѣчность нужна ли для праздныхъ стремленій?
 Вѣчность нужна ль для обманчивыхъ словъ?
 Что жить достойно, живетъ безъ сомнѣній,
 Высшая сила не знаетъ оковъ.
 Высшую силу въ себѣ сознавая,
 Что жь тосковать о ребяческихъ снахъ?
 Жизнь только подвигъ,—и правда живая
 Свѣтитъ безсмертьемъ въ истлѣвшихъ гробахъ.

И дѣйствительно, нашъ проникновенный мыслитель былъ постояннымъ и неустаннымъ подвижникомъ мысли, слова и дѣла правды. Конечно, онъ далекъ былъ отъ подвижничества пустынножительскаго; напротивъ, онъ жилъ общеою жизнью, насущными интересами и потребностями общества окружавшихъ его людей, отдаваясь съ крайнимъ напряженіемъ своихъ могучихъ силъ общественному, иногда мучительно тревожному труду. Онъ находился въ самыхъ близкихъ и живыхъ отношеніяхъ съ своими друзьями (Серг. Н. Трубецкимъ, Величко и др.), которыхъ умѣлъ такъ привлекать къ себѣ; между ними онъ являлся живымъ, часто веселымъ, остроумнымъ юмористомъ... И все таки, по общему строю своей внутренней и внѣшней жизни, Влад. Серг. былъ отшельникомъ и аскетомъ, скитальцемъ, вообще „человѣкомъ не отъ міра сего“, не имѣющимъ „здѣ пребывающаго града“ и ищущимъ „градащаго“. Эта идеальная настроенность, всегда одушевлявшая нашего мыслителя—поэта, въ связи съ высшими стремленіями его, вдохновенно выскзалась въ слѣдующемъ его стихотвореніи:

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
 Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
 Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
 Еще летали сны—и, схваченная снами,
 Душа молилася невѣдомымъ богамъ.
 Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
 Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
 Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
 Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко,
 Далеко все, что грезилось мнѣ.
 И до полуночи неробкими шагами

Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами
Весь пламенѣющій побѣдными огнями,
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

Поэтическая исповѣдь эта явилась въ 1885 году, когда Владимиръ Сергѣевичъ былъ уже на своемъ трудномъ „горномъ пути“ къ истинѣ и правдѣ, не на „утрѣ“, а „въ бѣлый день“ своей жизни, въ пору сознательныхъ стремленій къ идеаламъ, которыми пламенѣло его „Святое—святыхъ“. Ими-то, этими лучезарными свѣточами озарилась полная живого назиданія жизнь столь необыкновеннаго дѣятеля литературы и науки, этого дивнаго учителя, водителя нашего; ими свѣтятся многочисленныя глубоко-назидательныя его творенія.

При настоящихъ біографическихъ данныхъ, слишкомъ мало еще проливающихъ свѣта на многія стороны внутренней жизни Вл. С. Соловьева, вѣрнѣе еще, конечно, мечтать о сколько-нибудь полной, цѣльной оцѣнкѣ личности и дѣятельности его; въ нихъ еще такъ много невыясненнаго, подвергающагося сбивчивымъ толкованіямъ, превратнымъ отзывамъ, на основаніи одностороннихъ взглядовъ, по которымъ во многихъ сторонахъ своей дѣятельности послѣдняго времени жизни, нашъ поборникъ истины является жертвою увлеченія и даже заблужденія. Но, прислушавшись къ общему голосу цѣнителей Вл. Сергѣевича, близко знавшихъ истинную его жизнь и имѣвшихъ возможность видѣть его въ истинномъ свѣтѣ, мы можемъ, кажется, не считать слишкомъ смѣлой попытку представить по его жизнедѣятельности обликъ его, какъ мыслителя, въ связи съ выраженными имъ религіозно-нравственными идеалами.

Говорятъ, необыкновенные дѣятели подготовляются поколѣніями. По отношенію къ В. С. Соловьеву, это нашло себѣ оправданіе не только въ смыслѣ нѣкоторыхъ элементовъ, матеріала для его творческой производительности, но даже, кажется, въ генеалогическомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, въ родословной его между предками встрѣчается лицо, которое само собой напрашивается на сближеніе съ В. С., по складу своей исключительной, оригинальной натуры, по силѣ самород-

наго таланта и по значенію и характеру дѣятельности. Этимъ какъ бы предтечею, прототипомъ В. С—ча, былъ двоюродный прадѣдъ его по матери—достопамятный Григорій Саввичъ Сковорода, благодушный странствующій, бездомный украинскій учитель—философъ конца XVIII вѣка.

Съ глубокимъ философскимъ умомъ, всесторонне, по своему времени, образованный, этотъ, полный энтузіазма дѣятель религіозно нравственнаго просвѣщенія, неизмѣримо возвышался надъ окружающимъ его обществомъ по своему міросозерданію и богатству знаній, которыми готовъ былъ дѣлиться всюду: въ коллегіумѣ, на базарахъ, на кладбищахъ и на церковной паперти. Недаромъ его называли „странствующимъ университетомъ, академіей“. Какъ религіозный мыслитель, моралистъ, по преимуществу, онъ стремился преобразовать маловѣрующее и суевѣрное общество, одушевить его общечеловѣческими религіозно-нравственными идеалами, содѣйствовать выработкѣ сознательныхъ и крѣпкихъ убѣжденій, относящихся къ области религіи и нравственности. На все въ мірѣ смотря съ религіозной точки зрѣнія, онъ пытался религіозно-нравственную дѣятельность обосновать на началахъ философскихъ и ими освѣтить библейское ученіе. Онъ не оставилъ своей цѣльной философской системы, хотя по своему самостоятельному философствованію, справедливо называется первымъ русскимъ самороднымъ философомъ. Онъ только мечталъ о нарожденіи русской философіи: „И кто будетъ, говорилъ онъ, по нашемъ Сократѣ (т. е. по немъ) нашимъ Платономъ? Само придетъ, когда придетъ пора!“

И вотъ, можетъ быть, эти вѣщія слова сбылись черезъ три поколѣнія на его правнукѣ. Болѣе очевидное вліяніе, даже непосредственное благотворное воздѣйствіе могло быть оказано на В. С. другимъ, ближайшимъ предкомъ: роднымъ дѣдушкой по отцу—крестьянскаго рода—священникомъ, вдохнувшимъ въ него пламенную вѣру и посвятившимъ даже своего внука еще въ дѣтскомъ возрастѣ предъ престоломъ на служеніе Богу. Съ другой стороны, должно было соотвѣтствующимъ образомъ отразиться на Влад. Серг. и то, что бабка его по матери—малороссіанка, Бжевская, была изъ извѣстной поль-

ской фамиліи, чѣмъ, можетъ быть, объясняются симпатіи къ католичеству, которыя, къ соблазну православныхъ почитателей, онъ сталъ явно обнаруживать въ послѣдній періодъ научно-литературной дѣятельности. Но главное родовое духовное наслѣдство, которымъ обогатился нашъ знаменитый мыслитель, получилъ, конечно, отъ своего отца, знаменитаго историка, Сергѣя Михайловича Соловьева, профессора Московскаго университета.

Родившись (16 января 1853 г.) въ такой интеллигентной семьѣ, В. С., естественно, окруженъ былъ всѣми возможными воспитательными средствами къ правильному развитію его силъ. При этомъ, въ необычайно даровитомъ ребенкѣ, при самомъ первомъ пробужденіи самосознанія, обнаружилась та счастливая особенность, которая съ дѣтскаго возраста всегда отличала великихъ людей: это самодѣятельность, которая въ немъ стала внутреннею воспитательною силою и съ которою онъ началъ заниматься самовоспитаніемъ. Какъ только любознательному ребенку стала доступна книга, онъ сразу облюбовалъ родъ чтенія, который неотразимо сильно и живо дѣйствовалъ на всѣ стороны его душевной жизни—это то чтеніе, на которомъ воспитывались, въ которомъ почерпали духовную силу для будущей дѣятельности великіе дѣятели духовнаго просвѣщенія многихъ и многихъ поколѣній православнаго русскаго народа—чтеніе житій святыхъ. Въ живыхъ образахъ героев христіанскихъ добродѣтелей, облеченныхъ ореоломъ святости, онъ видѣлъ лучшихъ людей, съ высшими цѣлями и стремленіями; его не могла не увлекать въ нихъ необыкновенная сила духа, съ которой они отдавались подвигамъ благочестія, сообщавшимъ ихъ жизни высшій, идеальный смыслъ. Подъ вліяніемъ этихъ идеальныхъ образовъ, въ немъ самомъ являлась жажда нравственнаго подвига, которая выразилась, конечно, по дѣтски. Чтобы подвергнуть себя лишеніямъ, ребенокъ—подвижникъ, сбрасывалъ съ себя зимними ночами теплое одѣяло, скрывая это отъ матери, проникшей однакожь въ эту дѣтскую тайну. Нужно ли говорить, что съ такою настроенностью, своеобразный мальчикъ не могъ раздѣлять игръ и забавъ своихъ сверстниковъ, которыхъ онъ переросъ по своему духовному разви-

тію. Серьезный и вдумчивый, онъ, будучи ребенкомъ 8-ми лѣтъ, удовлетворялъ своей любознательности изученіемъ географіи и исторіи, по которымъ поражалъ основательными знаніями. Поступивъ 11-ти лѣтъ въ гимназію, Вл. Соловьевъ сталъ обнаруживать проблески самостоятельности мышленія, стараясь доискиваться основаній, въ приобретаемыхъ знаніяхъ, не довольствуясь полужнаніемъ. Вмѣстѣ съ этимъ новыя впечатлѣнія товарищества такъ оживили его, что изъ замкнутаго мальчика, онъ сдѣлался общительнымъ, веселымъ. Въ то же время внутренняя работа мысли постоянно держала его на высотѣ умственныхъ интересовъ. Только въ старшихъ классахъ пытливаго юношу, передоваго ученика, ожидалъ наплывъ такихъ умственныхъ впечатлѣній, отъ которыхъ поколебался на время его только что установившійся строй возрѣній. Восприимчиваго къ такимъ впечатлѣніямъ юношу охватило броженіе, вызванное среди общества и учащейся молодежи матеріализмомъ, нигилизмомъ и другими отрицательными ученіями. Увлекаясь теоріями, направленными къ подрыву христіанскаго ученія, онъ зачитывался Писаревымъ, и, сразу порѣшивъ со всѣми вопросами вѣры, съ какимъ-то изступленіемъ подвергалъ отрицанію и, даже поруганію святыни, которымъ такъ недавно поклонялся съ теплою вѣрою. Въ то время онъ впервые вступилъ въ область, въ которой призванъ былъ дѣйствовать— началъ основательно изучать философію Спинозы, и это отрезвило его, заставило углубляться въ то, что такъ легко было отвергнуто имъ. Тутъ наступило для мыслящаго юноши горькое разочарованіе: онъ сталъ мучиться тоскою по утраченной вѣрѣ и искать способовъ примиренія вѣры съ разумомъ. Вскорѣ права вѣры ему удалось возстановить въ своемъ сознаніи посредствомъ внимательнаго изученія исторіи религій, опредѣлить же ея значеніе по отношенію къ разуму ему помогло знакомство съ Шопенгауеромъ и Гартманомъ. Для того, чтобы оцѣнить этотъ, столь сильно пробудившійся въ Вл. С. интересъ къ философіи и къ рѣшенію философскихъ проблемъ, нужно имѣть въ виду, что ему было всего только 16 лѣтъ (передъ блестящимъ окончаніемъ курса гимназіи). Подъ вліяніемъ философіи съ элементами мистицизма, благодаря само-

углубленію, или тому и другому вмѣстѣ, Вл. С. на 17 году поступилъ въ Московскій университетъ глубоко и искренно вѣрующимъ. Здѣсь онъ въ продолженіе 2-хъ лѣтъ съ живымъ интересомъ и успѣхомъ занимался на математическомъ факультетѣ естествознаніемъ, но только не для перерыва экзамена, котораго онъ, по какой-то случайности, даже не выдержалъ, послѣ чего и перешелъ на 3-й курсъ филологическаго факультета. Здѣсь студентъ-любитель философіи нашелъ обильную пищу своему философскому уму въ лекціяхъ авторитетнаго профессора Юркевича, которыя какъ нельзя болѣе отвѣчали на его умственные запросы. Но еще болѣе способствовало философскому развитію студента-философа одновременное слушанье лекцій въ Московскомъ университетѣ и Московской духовной академіи, въ особенности знаменитаго профессора философіи Кудрявцева. Подъ вліяніемъ такихъ лекцій окрѣпла философская мысль его и получила, такъ сказать, философскій закалъ, и, что особенно важно, сроднилась съ богословскимъ мышленіемъ. О такомъ благотворномъ вліяніи съ благодарностью вспоминалъ впоследствии самъ Вл. С.

Вліяніе это сказалось очень рано—на первой самостоятельной работѣ—студенческомъ его сочиненіи, подъ заглавіемъ: „Миеологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ“. Затѣмъ вскорѣ опредѣленно и характерно выразилось самостоятельное философское мышленіе и міросозерцаніе В. С. въ первомъ капитальномъ трудѣ—философскомъ сочиненіи его, написанномъ, прямо по окончаніи университета, на степень магистра философіи, подъ заглавіемъ: „Кризисъ западной философіи (противъ позитивистовъ)“. Трудъ этотъ—явленіе замѣчательное—какъ въ отношеніи къ двадцатилѣтнему автору-философу, такъ и по значенію его въ исторіи развитія философской мысли у насъ. Въ немъ юный философъ выступилъ съ своимъ самостоятельнымъ философскимъ воззрѣніемъ противъ доминировавшихъ въ то время въ наукѣ позитивистовъ, которымъ онъ сдѣлалъ смѣлый, рѣшительный вызовъ, какъ противъ безплоднаго и, въ сущности, нефилософскаго направленія. Позитивизмъ—это направленіе, которое сложилось послѣ того, какъ философская мысль истоцилась въ системахъ идеализма, съ

Гегелемъ во главѣ, и потеряла свою философскую почву и опору въ матеріализмѣ. Осудивъ бесплодные метафизическія изысканія сверхчувственнаго бытія въ идеализмѣ, а также поиски абсолютнаго начала, на основаніи только данныхъ эмпиризма, въ матеріализмѣ, позитивизмъ съ гордымъ спокойствіемъ отвергъ, какъ несостоятельныя, всякія попытки познать тайны бытія въ его основахъ, останавливаясь только на изслѣдованіяхъ лашъ фактовъ и явленій и ихъ законовъ въ извѣстныхъ соотношеніяхъ. При этомъ главный представитель позитивизма, Огюсть Контъ, основываясь на положительной наукѣ, отрицалъ вмѣстѣ съ метафизикой и религію, какъ отжившія явленія человѣческой мысли и жизни.—Очевидно, что въ этомъ философія дошла до самоотрицанія, съ которымъ не могъ мириться Вл. С. Въ „Кризисѣ западной философіи“, какъ авторитетный изслѣдователь, съ самостоятельнымъ философскимъ мышленіемъ, философской эрудиціей, онъ утверждаетъ, что такъ называемые вѣчные вопросы сами навязываются на рѣшеніе, что философскія проблемы связаны съ самымъ существованіемъ человѣка, умъ котораго ищетъ разумнаго объясненія для всего существующаго. Отстаивая, въ своемъ первомъ философскомъ трудѣ, право на философское рѣшеніе этихъ вопросовъ, Вл. С., раскрывъ то, какъ философія въ превратныхъ поискахъ истины дошла до переживаемаго въ позитивизмѣ кризиса, устанавливаетъ, что всѣмъ ходомъ своего развитія она выработала способъ и, такъ сказать, матеріаль—элементы для этого рѣшенія и, что нужно синтетически воспользоваться этими данными для истиннаго міровоззрѣнія. Какъ на удачной попыткѣ этого синтеза, онъ останавливается на „философіи бессознательнаго“, Гартмана.

Въ основаніи этого міровоззрѣнія полагается міровой фактъ, что, помимо сознательной дѣятельности тѣхъ или другихъ особей, явленія происходящія въ нихъ, опредѣляются цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ духовнаго живаго начала, независимаго отъ сознанія и, потому, называемаго Гартманомъ „бессознательнымъ“. Соглашаясь съ этимъ, В. С. въ области познанія по этой философіи признаетъ достовѣрнымъ выводъ, что знаніе опытное и чистое умозрѣніе не составляютъ самотытныхъ областей, что

они необходимы другъ другу и, кромѣ того, должны восполняться вѣрою—духовнымъ созерцаніемъ. Философія Гартмана въ этомъ, по Соловьеву, подаетъ руку религіи, опираясь на данныхъ положительной науки. Въ этомъ синтезѣ науки, философіи и религіи указывается Соловьевымъ сила универсальной философіи, творцомъ которой онъ и является впоследствии. Поэтому, „Кризисъ западной философіи“ есть какъ бы введеніе въ эту философію, въ которомъ онъ смѣло и увѣренно проложилъ новый путь для нея, замѣняющій собою столь полюбившійся всѣмъ позитивный. Насколько враждебно встрѣчено было такое направление, можно судить по тому, что столь капитальное философское сочиненіе, какъ „Кризисъ западной философіи“ могло быть отпечатано только въ духовномъ журналѣ—„Православномъ Обзорѣніи“. Но зато защита этой магистерской диссертации въ Петербургскомъ университетѣ была триумфомъ двадцатилѣтняго магистранта—новатора русской философіи и вмѣстѣ торжествомъ удовлетворенія потребности живой, обновленной религіозною мыслью, философіи, обоснованной на строго философскихъ началахъ, вопреки мнимо-научному позитивизму. Вотъ что писалъ объ этомъ знаменательномъ событіи въ исторіи русскаго самосознанія свидѣтель этого торжества, извѣстный дѣятель науки того времени—Бестужевъ-Рюминъ. „Такого диспута я не помню, и никогда мнѣ не случалось встрѣчать такую умственную мощь лицомъ къ лицу. Необыкновенная вѣра въ то, что онъ (В. С.) говоритъ, необыкновенная находчивость, какое то увѣренное спокойствіе—все это признаки высокаго ума“.

Окрыленный успѣхами побѣдоносной борьбы съ бездушными фарисеями философской науки, нашъ новопризнанный молодой философъ не почилъ на лаврахъ, а устремился набираться новыхъ силъ для осуществленія своего завѣтнаго плана религіозно философскаго построенія—туда, гдѣ собраны источники знанія всего міра—въ Англію, во всемірную сокровищницу знаній—въ Британскій музей. Здѣсь онъ углубился въ изученіе мистики, каббалистики, оккультизма. Какое обаяніе произвели на него эти занятія и что воодушевляло его при этомъ—прекрасно выражено имъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Забуду-ль васъ, блаженные полгода?

Не призраки минутной красоты,

Не быть людей, не страсти, не природа

Всей, всей душой одна владѣла ты.

Легко можно догадаться, что эта тайная вдохновительница молодого философа—пламенная любовь къ философско-религіозной истинѣ. При такомъ созерцательномъ настроеніи ему захотѣлось перевестись на родину древнихъ религій и мистическихъ преданій—на востокъ. Очутившись въ Каирѣ, онъ погрузился въ изученіе магометанства и въ отыскываніе древнихъ слѣдовъ христіанства. Изъ путешествія по Востоку Вл. С. возвратился въ 1875 г. въ Москву, и здѣсь, при родномъ университетѣ, началъ было свою ученую карьеру въ качествѣ приватъ-доцента и приступилъ тогда же къ докторской диссертациі. Но, какъ ни близка была молодому ученому среда, окружавшая его, и какъ ни привлекательно было ласкавшее его общество очарованныхъ имъ такихъ коринеевъ научной и общественной дѣятельности, какъ Катковъ, Леонтьевъ и др., все таки, при очевидной для него нескладницѣ отношеній въ тѣхъ кружкахъ, около которыхъ онъ вращался, его тянуло въ Петербургъ, въ высшій центръ умственной жизни, съ его обширными поприщами для просвѣщенной дѣятельности. Здѣсь, какъ только, съ занятіемъ должности члена ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, опредѣлилось официальное положеніе Вл. С. для него открылись широкія перспективы свободной дѣятельности въ любимой имъ области—философіи. И вскорѣ же не замедлили явиться въ высшей степени важные по значенію и цѣнные плоды этой напряженной его дѣятельности въ цѣломъ рядѣ капитальныхъ трудовъ по философіи. Такъ, въ это время, именно, съ 1877 года—по 1880 годъ, напечатана была имъ въ „Православномъ обзорѣніи“ знаменитая „Критика отвлеченныхъ началъ“—сочиненіе, предназначенное для докторской диссертациі и упрочившее за Вл. Серг. имя и славу самостоятельнаго русскаго философа. Оно представляетъ продолженіе труда: „Кризисъ западной философіи“ и содержитъ въ себѣ оцѣнку итоговъ западной философіи, разборъ началъ, еще „владѣющихъ созваніемъ чело-

вѣчества и отражающихся въ жизни“ и вмѣстѣ обоснованіе новыхъ „положительныхъ“ началъ философской истины. Наперекоръ позитивистамъ, „положительными“ началами онъ призналъ готовыя данныя—въ непосредственномъ внутреннемъ чувствѣ, въ наслѣдственныхъ вѣрованіяхъ,—независимыя отъ внѣшняго опыта и умозрѣнія, и привимаемыя (пассивно) вѣрою. Этимъ жизненнымъ, мистическимъ, безотчетнымъ началамъ у него противопоставляются, какъ ихъ отрицаніе, начала, получаемыя путемъ отвлеченія, выводовъ ума, умозрѣнія въ области науки, метафизики и религіи. Они-то и составляютъ собственно предметъ „Критики“, но притомъ только начала, относящіяся къ нравственно-практической области.

Точкой отправления въ „Критикѣ“ является нравственный принципъ, имѣющій послѣднею цѣлью—удовольствіе, счастье, вытекающее изъ эгоизма и альтруизма. Указавъ на несостоятельность его, критикъ устанавливаетъ начало нравственной дѣятельности соотвѣтственно цѣли ея—такой организаціи, по которой каждый—цѣль всѣхъ, всѣ—цѣль каждаго, и осуществленіе которой въ религіозномъ обществѣ, церкви, какъ состоящей изъ существъ религіозныхъ, имѣющихъ въ себѣ божественное начало. Это начало, однако, можетъ быть достовѣрнымъ только при достовѣрности бытія абсолютнаго божества. Путемъ анализа способовъ познанія истины опытнаго, раціональнаго и религіознаго (мистическаго) философъ-критикъ указываетъ потомъ, что при условіи опыта, дающаго матеріалъ, и разума—формы для истины, сама она дается только въ области религіознаго знанія. Отсюда необходимость организаціи знанія въ видѣ „свободной теософіи“.

Такимъ образомъ, отъ раскрытія несостоятельности установившихся въ философіи началъ Вл. С. пришелъ къ положительнымъ выводамъ, объединеннымъ религіозною идеєю. Этимъ положено было имъ основаніе самостоятельной философіи, которое торжественно и восторженно, какъ животворное начало, привѣтствовано было на докторскомъ диспутѣ въ лицѣ молодого докторанта-философа при защитѣ имъ этого солиднаго труда его, въ качествѣ докторской диссертациі. Какъ явленіе выдающееся, замѣчательное по своему значенію, это сочиненіе

ніе—съ новымъ самостоятельнымъ направленіемъ—вызвало оживленные толки въ литературѣ и въ обществѣ, между которыми было, конечно, не мало и отрицательныхъ, указывавшихъ на болѣе или менѣе видные недостатки, пробѣлы, недомолвки. Явились даже возбужденные отрицатели религіозно-философскихъ воззрѣній В. С., на которыя привыкли смотрѣть, какъ на достояніе схоластической мудрости духовныхъ школъ, какъ на что-то казенное, заказное, лишенное жизненнаго смысла,—возбужденные отрицатели потому, что знамя этой идеи такъ высоко поднято было представителемъ свѣтской науки, съ гигантскимъ умомъ, съ талантливой діалектикой, неподдѣльнымъ, столь рѣдкимъ въ кругу свѣтскихъ мыслителей, религіознымъ воодушевленіемъ.

Впечатленіе отъ этого замѣчательнаго факта было тѣмъ полнѣе, сильнѣе и живѣе, что философское сredo новаго философа высказано имъ не въ этихъ только двухъ диссертацияхъ. Нѣтъ, оно было увѣреннымъ выраженіемъ установившагося уже философскаго міросозерцанія. Одновременно съ „Критикой отвлеченныхъ началъ“, въ періодъ отъ 1877 г. по 1880 г. явилось еще два сочиненія Вл. С., однородныя по содержанію и характеру: „Философскія начала цѣльнаго знанія“ (1877 г.) и „Чтенія о Богочеловѣчествѣ“ (1877—1881 г.г.), выполненные талантливымъ лекторомъ съ громаднымъ успѣхомъ въ Солянномъ Городкѣ и на Бестужевскихъ женскихъ курсахъ.

Въ первомъ (незаконченномъ) трудѣ вотъ что говоритъ установитель началъ цѣльнаго знанія, подъ которымъ разумѣется „свободная теософія“.—„Свободная теософія есть знаніе, имѣющее предметомъ истинно-сущее, цѣлью—внутреннее соединеніе человѣка съ истинно-сущимъ, матеріаломъ даннаго человѣческаго опыта, во всѣхъ его видахъ, а—именно:—во первыхъ—мистическаго, затѣмъ—внутренняго или психическаго, и наконецъ, внѣшняго или эмпирическаго; знаніе, основною формою своею имѣющее умственное созерцаніе, или интуицію идей, связанныхъ въ общую систему посредствомъ чисто логическаго или отвлеченнаго мышленія и, наконецъ, дѣятельнымъ источникомъ или производящей причиной—вдохновеніе, т. е., дѣйствіе высшихъ идеальныхъ существъ на чело-

вѣческой духъ“¹⁾. Такимъ образомъ, въ основѣ „теософіи“ мы видимъ то мистическое начало, которое въ „Критикѣ“ положено, какъ основное начало знанія.

Въ „Чтеніяхъ о Богочеловѣчествѣ“ отличающихся по содержанию уже болѣе богословскимъ, чѣмъ философскимъ характеромъ и представляющихъ какъ бы опытъ теософіи, говоря, что „знаніе предметовъ божественныхъ достигается особой организаціей религіознаго опыта въ цѣльную, логически связанную систему“ и что кромѣ религіозной вѣры и религіознаго опыта требуется еще „религіозное мышленіе, результатъ котораго есть философія религіи“²⁾, нашъ теософъ, прибавляетъ, конечно, для игнорирующихъ религіозную область или даже пренебрегающихъ ею: „Часто говорятъ: зачѣмъ философствовать о божественныхъ предметахъ, не достаточно ли вѣрить въ нихъ и чувствовать ихъ? Разумѣется достаточно. . при отсутствіи умственнаго интереса въ вѣрующѣмъ и чувствующемъ. Это все равно, что сказать: недостаточно-ли вѣрить, что существуетъ солнце, и наслаждаться его свѣтомъ и теплотою,—зачѣмъ еще физическія и астрономическія теоріи солнца и солнечной системы? Разумѣется онѣ не нужны для тѣхъ, кто не имѣетъ научнаго интереса. На какомъ же основаніи ограниченность нѣкоторыхъ дѣлать закономъ для всѣхъ“³⁾.

И вотъ, въ этомъ своемъ опытѣ философіи религіи нашъ религіозный мыслитель раскрываетъ по теософскимъ началамъ божественные предметы,—примѣнительно къ христіанскому ученію: божественное начало въ его сущности—въ единствѣ, тріединствѣ, какъ существѣ безусловномъ, отношеніи его къ условному бытію (выведеніе изъ безусловнаго), къ человѣку, какъ связующему звену между божественнымъ и природнымъ міромъ; происхожденіе зла, паденіе, воплощеніе и искупленіе, обожествленіе человѣчества отъ соединенія божескаго элемента съ человѣческимъ,—богочеловѣчество въ царствѣ Божіемъ на землѣ—церкви.

Послѣ блестящей защиты докторской диссертациі молодой философъ (27 лѣтъ) приглашенъ былъ читать лекціи при

¹⁾ Собр. соч. Вл. С., т. 1, стр. 294.

²⁾ Т. III. стр. 82.

³⁾ Тамъ-же, стр. 82.

Петербуржскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, и началъ было мечтать о профессурѣ, какъ наиболѣе подходящемъ поприщѣ приложенія его богатырскихъ духовныхъ силъ и подготовки. Но одно случайное обстоятельство роковымъ образомъ отняло у него эту карьеру съ свѣтлымъ будущимъ и лишило слушателей тѣхъ восторговъ, которые ожидали ихъ отъ лекцій его. Въмѣсто университетской кафедры онъ съ злополучнаго 1881 года долженъ былъ выступить на арену публицистики и на ней 20 лѣтъ провозглашать свои завѣтныя религиозно-нравственныя идеи, бороться за свои убѣжденія, за святыни своего пламеннаго сердца. Потому-то въ минуты поэтическаго вдохновенія онъ это новое положеніе съ своею любовью къ истинѣ рисуеть какимъ-то пророческимъ, въ слѣдующемъ стихотвореніи 1882 года:

„Въ стравѣ морозныхъ вьюгъ, среди сѣдыхъ тумановъ“

„Явилась ты на свѣтъ,

„И, бѣдное дитя, межъ двухъ враждебныхъ становъ“

„Тебѣ пріюта нѣтъ.

„Но не смутятъ тебя воинственные клики“,

„Звонъ латы и стукъ мечей“,

„Въ раздумьи ты стоишь и слушаешь великій“

„Завѣтъ минувшихъ дней“.

Эта пророческая настроенность, естественно, выразилась въ томъ, что глашатай святыхъ истинъ занялся главнымъ образомъ богословскими вопросами, притомъ съ полемическимъ характеромъ; и только въ послѣднее дѣсятилѣтіе, съ 90-ыхъ годовъ онъ снова обратился къ темамъ философскимъ: въ журналѣ „Вопросы Философіи и Психологіи“, въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и въ громадномъ сочиненіи, входящемъ въ систему его философіи „Оправданіе добра“, или „нравственная философія“.

„Оправданіе добра“—замѣчательный въ своемъ родѣ трудъ, равнаго которому нѣтъ въ нашей научной литературѣ, самый обширный и едва ли не самый цѣнный, по выработанности изъ всѣхъ твореній, вышедшихъ изъ рукъ Вл. Серг. Съ какимъ вниманіемъ относился авторъ его къ этому дѣтищу своему, свидѣтельствуетъ онъ самъ въ своемъ предисловіи ко второму

изданію, говоря, что приготовляя его, пять разъ прочелъ всю книгу, почти въ 700 страницъ. Поэтому, мы не можемъ не удѣлить ему возможной доли вниманія.

Объясняя въ предисловіи названіе и цѣль книги, нашъ философъ-моралистъ говоритъ: „Назначеніе этой книги — показать добро, какъ правду, т. е., какъ единственный правый путь въ жизни во всемъ и до конца — для всѣхъ, кто рѣшится предпочесть его“¹⁾. Существенное содержаніе ея представляется въ слѣдующихъ общихъ чертахъ. Раскрывъ сначала и обосновавъ ту мысль, что человѣческая жизнь имѣетъ нравственный смыслъ и что смыслъ этотъ заключается въ добрѣ, Вл. С. сводитъ нравственность къ тремъ первичнымъ началамъ, къ чувствамъ: стыда, жалости и благоговѣнія. Стыдъ, по нему, указываетъ на сверхживотную природу человѣка, на его высшее достоинство, жалость — представляетъ основу взаимныхъ, социальныхъ отношеній между людьми, благоговѣніе — отношеніе къ высшему началу. Затѣмъ, изъ этихъ основныхъ источниковъ являются принципы: аскетизмъ, альтруизмъ и религіозный принципъ: аскетизмъ есть воздержаніе отъ всего подавляющаго духовную природу; но онъ имѣетъ значеніе подъ условіемъ соединенія съ альтруизмомъ, выражающимся — отрицательно — въ справедливости и — положительно — въ милосердіи. Первичный зародышъ религіозной нравственности заключается въ благоговѣніи къ родителямъ, въ чувствѣ зависимости отъ нихъ, которое потомъ переносится на высшее существо, въ чемъ и является связь между нравственностью и религіей. Поэтому, нравственная сторона религіи состоитъ въ сыновнемъ отношеніи къ высшему Существу и въ выполненіи воли Его, соединеніи своей воли съ божественною, въ проявленіи сродства съ Божествомъ, въ богоуподобленіи и въ совершенствованіи для достиженія царства Божія. Въ этомъ откровеніи сродства Божія или совершеннаго нравственнаго порядка состоитъ цѣль мірового процесса, осуществляемаго новымъ человѣчествомъ по явленіи Богочеловѣка. — Вотъ общій смыслъ этики въ „оправданіи добра“. Она представляетъ собою раскрытіе идеи блага, которая, по воззрѣвіямъ нашего фило-

¹⁾ Т. VII, стр. 1.

софа-моралиста, находится въ органической связи съ идеею истины, раскрытой въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“ и съ идеей красоты, составляющей предметъ эстетики, которою Вл. С. предполагалъ закончить цѣльную систему своей философіи, но не успѣлъ.

Нравственная философія Вл. С. сразу овладѣла вниманіемъ общества, доказательствомъ чему служитъ то, что для „Оправданія добра“—этого спеціальнаго философскаго сочиненія, потребовалось второе изданіе въ періодъ меньше, чѣмъ три года. Такъ, значитъ, назрѣла въ обществѣ потребность въ выясненіи нравственныхъ основъ жизни.

Но изъ всѣхъ твореній Вл. С. образованному обществу особенно полюбился его богословско-философскій трактатъ: „Религіозныя основы жизни“, выдержавшій при немъ три изданія и въ послѣднемъ получившій названіе: „Духовныя Основы“. Въ этомъ глубоко-вазидательномъ сочиненіи, проникнутомъ живымъ, теплымъ чувствомъ и силою убѣжденія искренно вѣрующаго мыслящаго христіанина, отличающемся изяществомъ изложенія, раскрыто Христіанское ученіе со стороны нравственнаго приложенія его къ жизни, почему безъ преувеличенія можно признать эту книгу настольною для христіанской семьи.

Впрочемъ, это можно сказать только о первой части, въ которой выясняются основы религіозно-нравственной жизни, по заповѣдямъ: о молитвѣ, милостынѣ и постѣ, способствующимъ личному религіозно-нравственному совершенствованію. Что же касается второй, гдѣ трактуется объ общественныхъ христіанскихъ обязанностяхъ, о Христіанствѣ въ собирательномъ смыслѣ, о церкви, о христіанскомъ государствѣ и обществѣ, какъ эти проявленія вселенскаго богочеловѣчества раскрыты въ „Чтеніяхъ о богочеловѣчествѣ“—то она содержитъ такое своеобразное ученіе, которое встрѣтило въ реввителяхъ истиннаго православія сильное возраженіе и основательное опроверженіе. Устанавливая понятіе о церкви въ ея отношеніи къ государству, Вл. С. говоритъ, что „Церковь воплощается въ государство по столько, по сколько само государство одухотворяется христіанскими началами; церковь нисходитъ до мірской дѣйствительности по тѣмъ же ступенямъ, по которымъ

государство восходитъ до церковнаго идеала¹⁾. Но идеаль церкви, какъ тѣла, живого организма, состоитъ въ совершенствованіи и развитіи. Въ отношеніи внутренняго содержанія жизни церкви—ученія Христова,—это развитіе состоитъ въ томъ, что „представители ея при выясненіи Христовой истины, *заложенной* (какъ выражаются католики) благодатию Святаго Духа“, „вызываютъ новое *обнаруженіе* этого начала и, возбуждая въ себѣ ростъ божественнаго сѣмени, привлекаютъ новое дѣйствіе того Святаго Духа, который говоритъ тогда ихъ устами, какъ органами всего каѳоличества“. Въ связи съ этимъ „догматы въ силу ихъ глубочайшаго смысла и совершенной разумности, могутъ быть развиты въ самую полную философскую систему“²⁾. Это ученіе есть не что иное, какъ пресловутая католическая теорія такъ называемаго „развитія догматовъ“. Подъ перомъ Вл. С. она однако имѣетъ особенный смыслъ и значеніе. Эта доктрина изложена имъ не только въ публицистическомъ отдѣлѣ „Духовныхъ основъ“, но въ цѣломъ рядѣ публицистическихъ журнальныхъ статей и отдѣльныхъ сочиненій, каковы: „Исторія и будущность теократіи“ изданной (1887 г.) въ Загребѣ, на русскомъ языкѣ, „L’idée russe“, (1888 г.), „La Russie et l’Eglise universelle“ (1889 г.) на французскомъ языкѣ—за границей, —„Національный вопросъ“ и т. п. Въ нихъ разносторонне и діалектически—искусно развивается она въ связи съ вопросомъ о національномъ развитіи русскаго народа по началамъ западно-европейской культуры.

Къ величайшему огорченію всѣхъ почитателей талантливаго публициста и ученаго, лектора, въ которомъ они видѣли восходящее свѣтило русской науки, культуры; къ изумленію всего образованнаго общества и къ негодованію поборниковъ самобытнаго развитія русскаго народа на началахъ православія — славянофиловъ, которые уже смотрѣли на В. С., какъ на побѣдоноснаго борца противъ западниковъ,—вдругъ вдохновенный публицистъ этотъ, рѣзко отрицая исключительное значеніе самобытныхъ началъ русскихъ для развитія русскаго народа, указываетъ на превосходство началъ западно-европейскихъ,—и это для того, чтобы провозгласить странную и со-

¹⁾ Т. III, стр. 374.

²⁾ Т. III, стр. 364.

вершено чуждую всѣмъ идею соединенія русской православной церкви съ римско католической, съ венавистнымъ когда то латинствомъ. Но мало того, алчущій правды, онъ стремился найти пути къ осуществленію того, во что искренно вѣрилъ, какъ въ святую истину, чрезъ сближеніе православной церкви съ католическою, для чего онъ входилъ въ сношенія съ лучшими представителями ея, какъ каноникъ Рачки и еп. Штросмаеръ, у котораго даже онъ жилъ во время путешествія. Все это производило въ обществѣ большой соблазнъ. Отъ этого общества ускользало, однако, самое главное и существенное въ новомъ глашатаѣ унии, во имя чего ратовалъ онъ,—его воодушевленная проповѣдь о вселенской, универсальной церкви, объ объединеніи въ ней всего человѣчества для достиженія высшихъ цѣлей его. И вотъ, на него сыплются обвиненія въ измѣнѣ національности, православію и даже въ папизмъ.

Между тѣмъ Вл. С., при новыхъ своихъ воззрѣніяхъ, остался истиннымъ сыномъ православной церкви и настоящимъ русскимъ человѣкомъ.

А. Снегиревъ.

(Окончаніе будетъ).

Религіозное міровоззрѣніе Гартмана.

(Продолженіе *).

Критическій разборъ „религіи Духа“ Гартмана.

Приступая къ критическому обсужденію гартмановской религіи будущаго, мы не ставимъ своей задачей шагъ за шагомъ слѣдовать за разсужденіями філософа въ ихъ частностяхъ, но будемъ касаться его філософскихъ умозрѣній лишь постольку, поскольку упоминаніе о нихъ будетъ необходимымъ въ связи съ занимающими насъ вопросами. Планъ и содержаніе нашихъ разсужденій опредѣляются анализомъ слѣдующихъ трехъ положеній: 1) обладаетъ ли Безсознательное Гартмана такими свойствами, благодаря которымъ оно способно было бы внушить религіозную вѣру въ себя и мотивировать религіозно-нравственную дѣятельность человѣка 2) возможны ли нравственное усовершенствованіе и достиженіе спасенія по программѣ гартмановскаго религіознаго ученія и 3) можетъ-ли удовлетвориться религіозное сознаніе той развязкой міровой жизни, какая признается конечнымъ результатомъ системы Гартмана. Затѣмъ мы скажемъ нѣсколько словъ о значеніи религіознаго культа и коснемся нѣкоторыхъ общихъ сужденій філософа по вопросамъ религіи. Богъ и Его взаимоотношеніе съ человѣкомъ, спасеніе или искупленіе, загробное существованіе—вотъ тѣ пункты, которые будутъ путеводными нитями при обзорѣ религіозныхъ воззрѣній Гартмана.

Вопросъ о томъ: можетъ-ли быть удобопріемлемымъ для религіозной мысли Безсознательное Гартмана,—долженъ быть

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 16 за 1906 г.

заранѣе рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Оно описывается съ такими противорѣчивыми свойствами и надѣляется такими предикатами, которые прямо противорѣчатъ не только его абсолютности, но даже обычнымъ понятіямъ о нравственно дѣйствующемъ субъектѣ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя оно и называется абсолютнымъ, премудрымъ, всемогущимъ, ясновидящимъ и многими другими подобными-же именами, однако вмѣстѣ съ тѣмъ описывается и какъ абсолютно—безсознательное, неразумное, нелогическое. Правда, эпитеты послѣдняго рода философъ старается истолковать въ томъ смыслѣ, что Абсолютное выше всякихъ человѣческихъ опредѣленій, что о немъ можно скорѣе сказать то, что оно „не есть“, чѣмъ то, что оно „есть“, что оно сверхсознательно (*überwusste*)), какъ сталъ онъ выражаться о немъ повднѣе. Но подобная попытка ни на одну іоту не улучшаетъ дѣла, такъ какъ философу во что бы то ни стало надо объяснить существованіе и содержаніе жизни изъ начала именно неразумнаго, темнаго и непремѣнно нужно ввести въ міровую исторію элементъ слѣпото хотѣнія неразумной воли; иначе рухнетъ вся его философская система, такъ какъ падутъ тѣ метафизическіе ея устои, которые требуютъ міровой развязки, желательной Гартману, а вѣдь трагическій исходъ міровой исторіи составляетъ завѣтное *primum desiderium* нашего философа.

Весь жизненный процессъ развитія Абсолютнаго представляетъ изъ себя цѣлую запутанную сѣть странностей и несообразностей. Удивительное возникновеніе его изъ непонятнаго „ничто“ путемъ фантастическаго столкновенія воли и представленія напоминаетъ какой то сказочный романъ между волей и представленіемъ или идеей—романъ въ высшей степени „нечистый“ и „неразумный“, нечистый потому, что „безъ всякой надобности начинается изнасилованіемъ“, неразумный—такъ какъ идея, понимаемая Гартманомъ весьма разумной, „дѣйствуетъ въ этомъ романѣ бессмысленно“ ¹⁾ Дальнѣйшія перипетіи въ развитіи Абсолютнаго сопряжены съ не меньшими логическими курьезами. Какъ, на примѣръ, смотрѣть на то, что

¹⁾ Рус. Вѣст. 1878 г. 103 т. Новѣйшее произведеніе философскаго пессимизма въ Германіи. Струве 28 стр.

оно производитъ сознание въ человѣческихъ индивидуумахъ,— сознание, котораго оно не имѣло прежде и которое является въ сущности лишнимъ и для самихъ индивидуумовъ, такъ какъ оно направлено всецѣло къ цѣлямъ Безсознательнаго, неспособнаго достигнуть ихъ собственными силами безъ содѣйствія сознательной воли и представленія? Чѣмъ должны въ концѣ концовъ кончиться всѣ капризы Безсознательнаго, разумнаго и неразумнаго, прозорливаго и слѣпо дѣйствующаго въ одно и то-же время, и тѣ мытарства, которыя въ пзобиліи посыпались на подневольное ему человѣчество? Романъ, начавшійся въ непостижимыхъ нѣдрахъ небытія курьезной борьбой воли и представленія, превращается въ ужасную трагедію бытія, а развязка этой трагедіи, сметающая съ арены жизни все существующее, оказывается губительной не только для всего живаго, но даже самого Абсолютнаго. Путешественникъ, возвращающійся послѣ круговаго объѣзда земли къ исходной точкѣ своего отправления, несомнѣнно выносить изъ такого путешествія большой запасъ знаній и широкой опытъ житейской мудрости и если бы онъ совершилъ нѣсколько такихъ странствованій по одному и тому же направленію, каждое изъ нихъ не будетъ безцѣльнымъ и бесполезнымъ для его ограниченнаго по природѣ кругозора. Не такъ разсуждаетъ Безсознательное, которое вообще мыслить и дѣйствуетъ не по человѣческой логикѣ. Кругооборотъ міровой эволюціи, совершенной имъ, снова погружаетъ его въ бездну небытія и сколько бы оно ни сдѣлало ихъ, а отъ возможности ихъ повторенія капризное хотѣніе воли Безсознательнаго, по смыслу гартмановой системы, нисколько не гарантировано,—рядъ подобныхъ міровыхъ процессовъ будетъ напоминать собой только работу Данаидъ и никогда не утолитъ безумнаго хотѣнія воли.

Мы указали на эти немногія, но существенныя недоумѣныя противорѣчія гартмановой философіи Безсознательнаго затѣмъ, чтобы выдѣлить напрашивающееся сознанию каждаго положеніе, что метафизика Абсолютнаго нисколько не убѣждаетъ въ необходимости и цѣлесообразности практическаго выполненія ея искусственныхъ постулатовъ и совершенно не въ состояніи вліять на религіозное сознание человѣчества. Ея

заключеніе только формально-логически связано съ началомъ, а не по существу дѣла. Скорѣе начало опредѣляется концомъ, и все громадное зданіе метафизическихъ построеній придумывается въ цѣляхъ обоснованія конечныхъ практическихъ выводовъ. „Сколько тайнъ и запутанностей, пишетъ о философіи Гартмана извѣстный Каро. Вся эта огромная и сложная теорія напоминаетъ гигантскій аппаратъ, который съ трудомъ приводится въ движеніе безчисленными гирями и противовѣсами, колесами и пружинами, созданными для удаленія разныхъ препятствій,—который пускается въ ходъ въ торжественныхъ случаяхъ, но останавливается въ другое время и охотно забывается въ обыденной жизни,—до такой степени его употребленіе странно, шумно и сложно“¹⁾.

Для насъ, занятыхъ религіозной стороною философіи Безсознательнаго, здѣсь важно отмѣтить тотъ ея, весьма существенный въ религіозномъ міровоззрѣніи пунктъ, который стоитъ въ тѣсной связи съ такъ называемой „теодицеей“. Неизбѣжность послѣдней въ теизмѣ со всѣми ея выводными затрудненіями служить, по Гартману, самымъ главнымъ возраженіемъ противъ состоятельности всякой теистической религіи. Но какъ самъ Гартманъ думаетъ избѣгнуть необходимости оправдать свое Безсознательное? По смыслу, напр., христіанскаго теизма, проблема теодицеи находитъ для себя разрѣшеніе въ ученіи объ искупленіи. Боговоплощеніе и есть актъ оправданія Богомъ смысла и цѣли Его творенія, возстановленія нормальныхъ условій бытія, искаженныхъ тварною волею, начало того конца, когда Богъ будетъ всѣмъ во всемъ, какъ Глава вѣчнаго царства живыхъ личныхъ существъ. Философъ-же на всѣ трудности теодицеи отвѣчаетъ просто отрицаніемъ сознанія въ Абсолютномъ и категорически заявляетъ, что Богъ тогда только не будетъ отвѣтственнымъ за существованіе міра, если это существованіе будетъ объяснено „черезъ актъ слѣпой, не освященной ни однимъ лучемъ разумной интеллигенціи, воли“. Но странность подобнаго положенія очевидна для религіознаго сознанія даже непросвѣщеннаго человѣка. И мысль и чувство должны настойчиво протестовать противъ вѣры въ

¹⁾ Пессимизмъ въ XIX в. Каро, 104 стр.

такого Бога. Здравая человѣческая логика и естественное нравственное чувство никогда не позволяютъ человѣку вѣровать въ такого эгоистическаго Бога, который по безчисленнымъ трупамъ сознательныхъ индивидуумовъ идетъ, презирая ихъ страданія и ихъ свободу, къ своей эгоистической цѣли—спасенію отъ бѣдствій бытія и погруженію въ безболѣзненное лоно нирваны. Сколько бы ни говорилъ Гартманъ громкихъ и красивыхъ фразъ объ отреченіи отъ собственнаго индивидуальнаго эгоизма въ пользу достиженія универсальнаго искупленія, ему никакъ не замаскировать той очевидной истины, что весь оборотъ міровой жизни непосредственно касается интересовъ только одного Безсознательнаго, что міровыя цѣли вполне совпадаютъ съ цѣлями Абсолютнаго. Поистинѣ, образъ дѣйствія такого Бога совершенно естественно назвать, выражаясь словами самого-же Гартмана, „дьявольски жестокимъ“.

Религія, по общему опредѣленію, есть взаимоотношеніе между Богомъ и человѣкомъ, и Гартманъ опредѣляетъ ее также въ смыслѣ взаимныхъ отношеній религіознаго объекта и религіознаго субъекта. Но какъ пантеистъ, онъ, разумѣется, понимаетъ религіозную связь Бога и человѣка въ смыслѣ ихъ внутренно-имманентнаго взаимоотношенія. Подобно другимъ пантеистамъ, Гартманъ отводитъ много мѣста въ своихъ разсужденіяхъ критикѣ антропоморфическаго представленія Божества, какимъ характеризуется, по нему, теизмъ, и свой пантеизмъ старается обосновать не только чисто философскими доводами, но и путемъ противопоставленія его грубому, извращенному теизму. Ходъ его разсужденій по указанному пункту такого рода, что казовой своей стороной невольно располагаетъ въ свою пользу. Онъ очень подробно говоритъ о томъ, чего нѣтъ и не можетъ быть въ содержаніи понятія о Богѣ, и въ этомъ случаѣ нерѣдко приходится съ нимъ соглашаться. Всякому понятно, что мышленіе Абсолютнаго исключаетъ возможность человѣческой рефлексіи, постепенность процесса сознанія и другія условія человѣческаго познанія; для всякаго также понятно безъ лишнихъ доказательствъ, что въ Богѣ невозможно строгое разграниченіе „я“ и „не я“—внѣшняго міра, какъ чуждаго для Него объекта. Безъ сознанія-же и

самосознанія, понимаемыхъ въ ихъ надлежащемъ значеніи, немислима, конечно, и личность. Все это такъ. Неповнятно только, какимъ образомъ философъ, называющій свое Абсолютное сверхсозвательнымъ и тѣмъ самымъ поставляющій себѣ въ обязанность мыслить его внѣ условій происхожденія всякаго конечнаго сознанія, тѣмъ не менѣе не хочетъ признавать въ Абсолютномъ сознаніи съ другимъ характеромъ, чѣмъ съ какимъ оно наблюдается въ человѣческихъ индивидуумахъ. Подобное заключеніе весьма напоминаетъ разсужденія чловека, который, наслышавшись, что въ какой-либо странѣ нѣтъ продуктовъ его собственнаго питанія, сталь-бы утверждать, что люди тамъ должны непременно умирать съ голода. А между тѣмъ Безсознательное въ изображеніи философа несетъ всѣ черты сознанія, и весь ходъ мірового процесса является лучшимъ показателемъ сознательнаго, планомѣрнаго дѣйствованія Абсолюта. Если, разсуждаетъ Гартманъ, невозможно въ Богѣ сознаніе чего либо внѣшняго въ качествѣ объекта, то невозможно въ Немъ и сознаніе собственнаго „я“ или самосознаніе, невозможна, слѣдовательно, также и личность. Но противопоставленіе себя, какъ субъекта, чему-либо, какъ объекту, далеко не охватываетъ понятія самосознанія, присущаго разумной личности, такъ какъ самосознаніемъ въ такомъ смыслѣ должны бы обладать и всѣ животныя, въ силу принудительной необходимости отличающія себя отъ всего по отношенію къ нимъ внѣшняго. Самосознающимъ, въ смыслѣ личнаго разумнаго сознанія, можно назвать только субъекта, сознающаго себя причиной и цѣлью свободныхъ дѣйствій, и субъектъ, обладающій такимъ именно сознаніемъ, будетъ личностью. Ни откуда не видно, почему такого рода самосознаніе, а вмѣстѣ съ нимъ и личность не могутъ быть приписаны Богу, Который есть альфа и омега всего сущаго и такимъ долженъ Себя сознать. Существеннымъ возраженіемъ пантеизма противъ возможности личности въ Божествѣ служитъ то эмпирически справедливое положеніе, что самосознаніе имѣетъ процессъ развитія и что все, привходящее въ него совнѣ, необходимо разграничиваетъ полученное въ содержаніе „я“ отъ имѣющагося въ области „не я“; полагать-же какія-либо границы Божеству—значить

ограничивать Его абсолютность. Но такой выводъ получаетъ нѣкоторую видимость справедливости только при пантеистическомъ утвержденіи „развиваемости“ Абсолютнаго, начинающаго кругъ развитія изъ какой-то потенціальной пустоты идеи или воли, или той и другой вмѣстѣ, какъ то находимъ мы у Гартмана. Само собой понятно, что мышленіе о Богѣ подъ точкой зрѣнія развитія необходимо уподобляетъ Его конечнымъ существамъ. Но если, вопреки пантеистамъ, мы будемъ мыслить въ Богѣ изначальную и всеобъемлющую полноту бытія, по отношенію къ которой конечное бытіе является только миниатюрнымъ отображеніемъ, то въ такомъ случаѣ сама собой отпадаетъ необходимость утверждать въ Богѣ процессъ постепеннаго накопленія содержанія Его личности и неизбѣжность постояннаго отличенія Имъ Себя отъ міра. Приписывая Богу личность, мы, конечно, должны удалить изъ этого понятія все конечное и возвести ея силы и способности въ безконечную степень. При этомъ едва ли можетъ идти рѣчь о томъ, что представленіе Бога подъ формою личности необходимо антропоморфизуетъ и унижаетъ Бога. Понятіе личности само по себѣ есть понятіе, такъ сказать, безразличное, формальное, какъ, напр., и понятіе бытія. Совершенство личности и чего-либо существующаго опредѣляется не предикатомъ личности и не самымъ фактомъ существованія, а цѣнностью и полнотою содержанія и личности и существующаго. Прилагая къ Богу понятіе личности со всѣми ея безконечными совершенствами, мы тѣмъ самымъ въ сущности утверждаемъ только ту мысль, что различіе между божественной личностью и личностью человѣческой должно оставаться все-же безконечнымъ, такъ какъ безконечное, какъ таковое, отдѣлено отъ конечнаго безконечнымъ разстояніемъ. Что же касается антропоморфизаціи въ смыслѣ представленія Бога подъ формою человѣческихъ понятій вообще, то человѣку, какъ именно человѣку, избѣжать ея невозможно, и обвиненіе въ этомъ человѣка равносильно обвиненію его въ томъ, что онъ только человѣкъ, а не существо высшаго порядка. Если теисты строятъ понятіе о Богѣ по схемѣ человѣческой личности, то вѣдь и пантеисты слѣдуютъ этому, отрицаемому ими, пути съ тѣмъ лишь разли-

чіемъ, что надѣляютъ своего Абсолюта спекулятивными предикатами своего односторонне-абстрактнаго мышленія. И самъ Гартманъ, говоря объ исходномъ пути опредѣленія своего Безсознательнаго, указываетъ этотъ путь въ содержаніи человѣческаго-же духа. Самымъ выразительнымъ и конкретнымъ, по его мнѣнію, опредѣленіемъ Безсознательнаго будетъ наименование его высочайшимъ „расширеннымъ индивидуумомъ“, обладающимъ тремя, соответствующими человѣческому духу, сферами духовной жизни: волей, представленіемъ и внѣмірнымъ чувствомъ неудовлетворенности, причемъ послѣднее, если только придавать ему какое-либо положительное значеніе, напоминаетъ сердечную сторону человѣческой души. Конечно, самъ Гартманъ не согласится съ такой параллелью, особенно въ отношеніи третьей, чувствовательной стороны въ содержаніи абсолютнаго Духа, которую онъ характеризуетъ, главнымъ образомъ, съ отрицательной точки зрѣнія, какъ состояніе абсолютной индифферентности (*die absolute Indifferenz*), нулевой точки безразличія удовольствія и неудовольствія, или какъ настроеніе абсолютной безчувственности (*Fühllosigkeit*)¹⁾; но едва-ли кто, помимо развѣ самого философа, способенъ уразумѣть: что такое неразумный разумъ Безсознательнаго, его безпредметное хотѣніе и безкачественное чувство.

Въ какія-же отношенія ставить Гартманъ человѣка къ своему Безсознательному?

Онъ очень много и очень подробно говоритъ о вѣрѣ въ Абсолютное, о надеждѣ на его всемогущество, о благоговѣйномъ отношеніи къ нему и т. д., такъ что какъ будто забываетъ на время про свой пантеизмъ и невольно вторгается въ область теистическаго пониманія отношеній между Богомъ и человѣкомъ; но въ концѣ концовъ религіозное взаимоотношеніе толкуется имъ все-таки въ смыслѣ обычнаго пантеистическаго погруженія въ Абсолютное. Нѣтъ словъ, религіозный пантеизмъ очень возвышено и порой весьма художественно умѣетъ представлять взаимоотношенія между Абсолютнымъ и человѣкомъ. Нельзя спорить и противъ того, что пантеисти-

¹⁾ Соч. Гартмана: *zur Geschichte und Begründung des Pessimismus*. Zweite erweiterte Auflage 314 s.

ческая доктрина отличается въ одно и то-же время и возвышенностью и простотою; все ея содержаніе можетъ быть выражено въ одномъ несложномъ догматѣ пантеизма: „Богъ есть все во всемъ“; весь міръ, по ученію пантеизма, служитъ нагляднымъ раскрытіемъ Абсолютнаго и, какъ такой, является какъ бы однимъ великимъ храмомъ, въ которомъ совершается непрестанное богослуженіе высочайшему Духу; все живое, все способное такъ или иначе заявлять о своемъ существованіи, самымъ процессомъ жизни проявляетъ величіе Абсолютнаго и совершаетъ во славу его это грандіозное и величественное богослуженіе. Недаромъ пантеистическое міропониманіе насчитываетъ на своей сторонѣ немалое число великихъ мыслителей и поэтовъ и не безъ причины оно способно настраивать на созиданіе широкихъ по замыслу философскихъ системъ и чарующихъ художественной прелестью поэтическихъ размышлений. Но если снять съ пантеизма нарядный покровъ риторизма и взглянуть на него проще—съ точки зрѣнія требованій религіознаго чувства, то его неудовлетворительность и искусственность будутъ весьма прозрачными. Средоточіемъ религіознаго настроенія служитъ молитва. Но, спрашивается, кому, о чемъ и какъ молиться пантеисту? Вѣдь пантеистическое Абсолютное не можетъ слышать молящагося чловѣка и внимать его моленіямъ; и это не потому только, что оно не есть личность, съ которой только и можно вступать въ какія-либо личныя отношенія, но еще и потому, что оно и немыслимо безъ индивидуумовъ, своей совокупностью вмѣстѣ съ другими твореніями составляющихъ само Абсолютное. Гдѣ-же искать его? Въ себѣ, въ другихъ индивидуумахъ, или во всемъ твореніи вообще? Но такая разсѣянность или раздробленность сознанія невозможна психологически. Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро я захочу, такъ сказать, сконцентрировать Абсолюта въ самомъ себѣ, я буду поставленъ въ невозможное психологически положеніе и Бога, представляемаго въ моемъ лицѣ, и молящагося этому Богу, т. е. въ сущности самому же себѣ; если же я буду религіозной мыслию искать его во всемъ окружающемъ меня мірѣ, то, онъ, если можно такъ выразиться, расплывется по всей вселенной и при всякой моей попыткѣ привязать его

присутствіе къ какому-либо опредѣленному предмету бытія, постоянно будетъ ускользать отъ моего внутренняго созерцанія; онъ вездѣ и въ то-же время нигдѣ въ частности. О мистическомъ погруженіи въ Абсолютное легко разсуждать только теоретически, осуществлять же его на дѣлѣ—значить, собственно говоря, постоянно жить въ области абстракцій и умозрѣній, тогда какъ религія есть область, главнымъ образомъ, чувства, которое и самъ Гартманъ называетъ „сердцемъ“ религіи.

Но, допустимъ, мы въ состояніи какимъ-либо образомъ абстрагировать Божество отъ Его тварнаго проявленія и способны мыслить такой абстрактъ въ качествѣ объекта религіознаго отношенія; какимъ же содержаніемъ будетъ исполнена наша молитва? Умолять Его о томъ, чтобы Онъ научилъ насъ творить Его собственную волю, какъ это дѣлаетъ, положимъ, христіанинъ, мы не можемъ по той простой причинѣ, что цѣли Абсолютнаго идутъ совершенно вразрѣзъ съ нашими индивидуальными цѣлями и ни въ одной точкѣ не могутъ найти соприкосновенія; просить Его о дарованіи намъ личнаго блага, какъ бы ни понимать это послѣднее, противно Его цѣлямъ, такъ какъ оно (разумѣемъ Абсолютное—Безсознательное), покупая свое спасеніе цѣной нашихъ страданій и смерти, ни въ какомъ случаѣ не захочетъ поступиться своими собственными интересами; да если бы оно и захотѣло въ чемъ-нибудь помочь человѣку, оно никакъ не могло бы сдѣлать этого, такъ какъ его вмѣшательство, или, по выраженію Гартмана „вторженіа“ въ міровую жизнь было бы теистическимъ промышленіемъ о мірѣ; а послѣднее, по мысли философа, есть не иное что, какъ непрерывное твореніе въ каждый моментъ изъ ничего. Возносясь на метафизическую высоту, пантеисты, въ томъ числѣ и Гартманъ, обнаруживаютъ такъ много энтузіазма по адресу объективныхъ цѣлей своего Абсолюта, что невольно заставляютъ сомнѣваться въ ихъ искренности; они не хотятъ спуститься съ этой высоты въ юдоль человѣческихъ интересовъ и конкретныхъ явленій многострадальной человѣческой жизни; они только запугиваютъ религіозное воображеніе развертываемой предъ нимъ картиной величія Абсолютнаго, но нисколько не ободряютъ человѣка въ религіозномъ стремленіи къ Богу.

„Что-же? Неужели это все?—воскликаетъ Каро, критикующій пантеистическаго Бога. Неужели мы не можемъ поклоняться другому Богу, кромѣ абстрактнаго идеала нашего разума? Умолкните вы, прекрасныя и святыя надежды, исторгавшія изъ насъ молитвы и слезы, горячія мечты страдающей добродѣтели, чаянія великихъ умовъ, находящихся въ униженіи, священные порывы бѣдныхъ и обездоленныхъ къ лучшей жизни, высокія обѣтованія, связанныя съ долгомъ, исполняемымъ въ безвѣстности, съ героизмомъ, подавленнымъ несправедливыми обстоятельствами, съ непонятной жертвой! Умолкните! Вы—только поэтический бредъ, который прельщаль человечество въ его дѣтствѣ“.

Молитва есть частный моментъ религіозной жизни или частное выраженіе религіознаго настроенія. Постоянный и цѣльный процессъ религіознаго служенію Богу обнимается понятіемъ спасенія. Выясненію возможности и условій спасенія или искупленія—субъективнаго и объективнаго, а также изображенію самаго процесса спасенія Гартманъ посвящаетъ свою книгу—„Религія Духа“.

Не вдаваясь въ детальный разборъ названнаго сочиненія, что заставило бы насъ далеко выйти изъ предѣловъ поставленныхъ на обсужденіе вопросовъ, мы сосредоточимъ вниманіе только на тѣхъ пунктахъ религіозной системы Гартмана, которымъ, на нашъ взглядъ, должно быть приписано существенное, центральное значеніе.

При простомъ, бѣгломъ просмотрѣ книги Гартмана „Религія Духа“ невольно бросается въ глаза та терминологія, которая имѣетъ много общаго съ христіанскимъ словоупотребленіемъ и которая, очевидно, рассчитана на мысль найти нѣкоторое родство между христіанскимъ ученіемъ и возрѣніями самого философа. Мы встрѣчаемся здѣсь съ такими, напр., терминами какъ: спасеніе, искупленіе, вѣра, благодать, моменты пробужденія и раскрытія благодати, плоды благодати, возрожденіе и мн. др. Но само собой разумѣется, что напрасно мы стали бы придавать имъ то значеніе, какое обычно соединяетъ съ названными понятіями христіанское вѣроученіе.

Основной догматъ „религіи Духа“—это тождество субъекта

съ Абсолютнымъ. На этомъ основаніи философъ старается построить всѣ частныя заключенія, какъ-то: имманентное взаимоотношеніе между Богомъ и человѣкомъ, тождество вѣры и благодати, одинаковость цѣлей Абсолютнаго и человѣка, возможность искупленія того и другого и т. д. Тождество объекта и субъекта, по нему, есть *conditio sine qua non* религіознаго отношенія, и эту истину инстинктивно предчувствовали будто бы праведники и мистики всѣхъ временъ.

Что сказать на это? Намъ думается, что психологически едва-ли возможно, хотя бы даже благочестивому человѣку, придти къ мысли о тождествѣ съ Богомъ—высочайшимъ объектомъ своей вѣры и своего поклоненія. Если проанализировать религіозное настроеніе праведника, постепенно поднимающагося по лѣстницѣ нравственнаго усовершенствованія, то больше основаній будетъ для обратнаго заключенія; скорѣе надо полагать, что чувство собственной жалости человѣка усиливается прямо пропорціально степени приближенія его къ Богу и познанія Его безконечнаго величія. По психологическому закону контраста, всякій разъ, какъ только человѣкъ пытается проникнуть мыслию въ область безконечнаго и раздвинуть до безконечности предѣлы своего чувственнаго или интеллектуальнаго воззрѣнія, или когда наталкивается на какое-нибудь конкретное воплощеніе грандіознаго и необъятнаго, всякій разъ онъ приходитъ къ неизбѣжной мысли о своей ничтожности, если только, разумѣется, онъ обладаетъ душою, чуткою къ великому и высокому. И это вездѣ, въ какой угодно области. Извѣстно, что съ паденіемъ въ научномъ міровоззрѣніи геоцентрической и антропоцентрической точекъ зрѣнія, когда человѣческой мысли открылись безконечныя горизонты, человѣку было отведено подобающее, очень скромное мѣсто въ царствѣ природы. То-же самое приложимо и къ области религіозно-нравственнаго совершенствованія. Каждому хорошо извѣстны примѣры благочестивыхъ людей, достигшихъ высокой праведности и тѣмъ не менѣе болѣе другихъ склонныхъ обвинять себя во грѣхахъ, повидимому, уже несуществующихъ, и относить всякій успѣхъ въ добродѣланіи къ помощи божественной благодати. Вступающій на путь богоугожденія по-

добень аэроплату, поднимающемуся отъ земли въ атмосферныя высоты; чѣмъ дальше воздухоплаватель уносится отъ нея, тѣмъ большій подъемъ духа переживаетъ онъ въ необъятномъ просторѣ небесъ и тѣмъ напряженнѣе становится въ немъ чувство безконечности вселенной; но вмѣстѣ съ этимъ въ немъ должно рости и чувство безконечной малости какъ самого себя, такъ и той планеты, которую онъ едва замѣчаетъ съ высоты небесъ. Подобное-же должно происходить и съ человѣкомъ, возносящимся на высоту духовнаго полета. Чѣмъ выше поднимается онъ въ область духовныхъ интересовъ, тѣмъ меньше и меньше становится онъ въ своихъ собственныхъ глазахъ при свѣтѣ высочайшаго идеала святости. Доброе и чистое, какъ однородное съ идеаломъ, при сравненіи съ послѣднимъ, незамѣтно ступается въ его сознаніи, между тѣмъ какъ все грязное и порочное, по силѣ контраста, на свѣтломъ фонѣ созерцаемаго идеала выступаетъ еще болѣе рельефно. Но пусть я даже убѣжденъ въ тождествѣ своего „я“ съ Абсолютнымъ. Что въ такомъ случаѣ можетъ служить критеріемъ объективной истинности моего убѣжденія? Почему оно выражаетъ онтологическую истину моего тождества съ Божествомъ, а не можетъ стать по своей субъективной цѣнности на одинъ уровень иллюзій и галлюцинацій мистически настроенныхъ субъектовъ?

Если трудно указать убѣдительные доводы въ пользу тождества Абсолютнаго объекта и конечнаго субъекта, то еще труднѣе доказать тождество ихъ функцій: благодати и вѣры. Тварное бытіе только до нѣкоторой степени можетъ отображать въ себѣ Абсолютное и только въ ограниченной мѣрѣ способно къ раскрытію Его свойствъ и совершенствъ; въ противномъ случаѣ, Богъ, включенный въ кругъ ограниченаго бытія, неизбежно будетъ причастнымъ ограниченности, и тварныя существа, надѣленные одинаковой съ Богомъ сущностью, необходимо будутъ возвышены до степени Божества, какъ-бы настойчиво ни опровергалъ Гартманъ этихъ неизбежныхъ слѣдствій пантеистической доктрины.

Оставляя въ сторонѣ обсужденіе общихъ и обычныхъ за-

блужденій пантеистовъ, мы остановимся на раскрытіи ученія Гартмана о значеніи благодати въ спасеніи человѣка.

Условіями спасенія являются, по Гартману, потребность въ искупленіи и затѣмъ способность къ нему. Противъ обихъ положеній на первый взглядъ возражать нечего. Фактъ существованія зла и чувство виновности, какое бы содержаніе мы ни влагали въ эти понятія, неоспоримы, такъ какъ они проходятъ красной нитью чрезъ всю исторію развитія религіозно-нравственнаго сознанія человѣчества и извѣстны внутреннему опыту cadaго человѣка. Что касается способности ко спасенію, то и она необходимо должна предполагаться въ качествѣ условія его достиженія. И христіанское ученіе, надлежащимъ образомъ истолкованное, также выставляетъ въ качествѣ необходимаго условія въ достиженіи спасенія активное участіе въ послѣднемъ со стороны самого человѣка. Правда, юридическое вѣропониманіе западнаго христіанства сильно ослабляетъ такое участіе человѣка въ совершеніи имъ собственнаго спасенія; но истинное христіанство ничего не теряетъ отъ намѣреннаго или невольнаго его искаженія. Философская-же мысль, выходя изъ другихъ точекъ отиравленія, чѣмъ какъ то дѣлаетъ религія, еще съ древнихъ временъ начала обращать преимущественное вниманіе на естественную сторону въ процессѣ спасенія, что мы видимъ, напр., въ философіи Платона. Поздѣйшее движеніе философской мысли въ лицѣ особенно представителей нѣмецкой философіи до самаго послѣдняго времени и по чисто философскимъ основаніямъ и въ противовѣсъ церковному ученію, настаивающему, главнымъ образомъ, на сверхъестественномъ элементѣ спасенія, настойчиво выдвигаетъ на первый планъ самого человѣка съ его личной правоспособностью къ совершенію своего спасенія. Гартманъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ второй крайности и, заключая отъ потребности въ спасеніи къ возможности его осуществленія, впадаетъ въ извѣстную ошибку Канта: „долженъ, слѣдовательно—можешь“.

Но возвращаемся къ ученію нашего философа о благодати. Благодать и вѣра, по его убѣжденію, тождественны между собою, такъ что благодать въ ея различныхъ видахъ есть та

же вѣра, только понимаемая съ объективной стороны, какъ функція религіознаго объекта, а вѣра—та же благодать, только отнесенная къ субъекту. Вводя въ свою систему понятіе благодати, онъ, очевидно, хочетъ дать законное мѣсто въ устройствѣ спасенія какъ сверхъестественному, такъ и естественному элементамъ и устранить тѣ затрудненія, къ которымъ приходятъ защитники какой-либо одной изъ указанныхъ сторонъ въ процессѣ спасенія. Но и такой синтезъ обоихъ факторовъ, дѣйствующихъ въ спасеніи, какой даетъ Гартманъ въ своей „религіи Духа“, не ограждаетъ его въ этомъ пунктѣ отъ серьезныхъ возраженій. Чтобы рельефнѣе отбѣнить значеніе благодати, онъ изображаетъ какого-то гипотетическаго „естественнаго“ человѣка, неодареннаго благодатью и немогущаго спастись собственными силами; но въ то-же время неоднократно оговаривается, что естественный человѣкъ есть чистая абстракція, и что нѣтъ ни одного человѣка, который не обладалъ бы благодатными дарами въ той или другой степени. Быть можетъ естественнымъ человѣкомъ онъ хочетъ назвать человѣка, всецѣло стоящаго подъ властью эгоизма? Но, по словамъ самого-же философа, даже самый грубый человѣкъ способенъ испытывать въ себѣ вліяніе социальныхъ инстинктовъ. Въ концѣ концовъ благодать опредѣляется Гартманомъ въ смыслѣ естественныхъ задатковъ добра и наследственныхъ къ нему предрасположеній. Правда, наследственная благодать должна быть развиваема до степени благодати актуальной, и Гартманъ старается провести рѣзкую границу между благодатью наследственной и благодатью актуальной, придавая существенное значеніе только послѣдней. Тамъ, гдѣ, по нему, замѣчается интенсивность благодати ббльшая сравнительно съ естественными влеченіями къ добру, тамъ человѣкъ имѣетъ дѣло съ актуальной благодатью. Но гдѣ-же, спросимъ мы, искать такой точки безразличія, которая, хотя бы съ нѣкоторою точностью и вѣроятностью, опредѣляла благодать какъ наследственную и какъ актуальную, и почему благодать, переходя за эту точку, должна оказываться непременно качественно иною, болѣе дѣйственною, чѣмъ прежде? Въ результатѣ, такимъ образомъ, получается, что благодать,

по Гартману, есть не иное что, какъ та-же *gratia naturalis*, о которой когда-то учили пелагіане. Допустимъ даже, что актуальная благодать обладаетъ дѣйствительностью, вышею сравнительно съ послѣдственной благодатью; какъ же мыслить ее въ томъ значеніи, какое приписываетъ ей и самъ Гартманъ, опредѣляющій ее какъ именно даръ, даромъ подаваемый? Если имѣть въ виду положеніе философа, что религія, какъ никакая другая область духовной жизни, должна способствовать человѣку въ прозрѣніи имъ иллюзорности бытія и воспитать въ немъ готовность самоотреченія въ пользу Абсолютнаго, то не трудно придти къ такого рода заключенію. Такъ какъ благодать, подаваемая человѣку, преслѣдуетъ исключительно цѣли Абсолютнаго, то относительно ея нельзя уже сказать, что она сообщается человѣку даромъ, безъ заслугъ съ его стороны; скорѣе она дается Безсознательнымъ въ корыстныхъ расчетахъ получить при помощи конечныхъ сознательныхъ индивидуумовъ нѣчто такое, что одному ему не по силамъ. Съ другой стороны, можетъ оставаться непонятнымъ и то обстоятельство, почему человѣкъ, разъ каждому присуща хотя бы малѣйшая частица благодати, не въ состояніи эту послѣднюю собственными усиліями, внѣ всякаго взаимоотношенія съ Абсолютнымъ, развить до возможной степени высоты и придти къ душевному равновѣсію и покою, даже не прибѣгая къ крайней гартмановой мѣрѣ уничиженія? Достойно замѣчанія еще и то, что благодать въ полномъ своемъ объемѣ, какъ богочеловѣческая функція, относится къ сферѣ „безсознательнаго“; а отдаваться Безсознательному, по Гартману, очень рискованно, потому именно, что „никогда не знаешь, что дѣлать и что у тебя есть, что бродишь въ потемкахъ, нося въ карманѣ фонарь сознанія, что зависишь отъ случая въ томъ, придетъ или не придетъ вдохновеніе Безсознательнаго, когда оно нужно, что, кромѣ послѣдствій, нѣтъ другого критерія для различія этихъ вдохновеній отъ упрямой выходки капризной фантазіи, а потому неизвѣстно, какому чувству можно отдаваться и какому нѣтъ“¹⁾. Но что же, спрашивается, можетъ

¹⁾ Сущность мірового процесса или философіи Безсознательнаго. Изложеніе Козлова. I вып. 1873 г. 285 стр.

гарантировать каждаго отъ возможности подпасть внушеніямъ Безсознательнаго, и какъ вообще можно отдаваться такому Божеству, которое способно вводить поклоняющагося ему въ заблужденіе?

Уже изъ этихъ краткихъ замѣчаній о сущности и значеніи благодати становится яснымъ, что благодать, понимаемая въ смыслѣ опредѣленія ея Гартманомъ, не заслуживаетъ названія благодати, какъ сверхъестественной силы, подаваемой отъ Бога человѣку въ цѣляхъ содѣйствія его религіозно нравственному преуспѣванію, и что она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть спасительнымъ принципомъ человѣка. Что касается подраздѣленія благодати и вѣры на частные виды, каковы, напр.: благодать откровенія и интеллектуальная вѣра, спасающая благодать и сердечная вѣра, освящающая благодать и практическая вѣра, то оно имѣетъ цѣлью точнѣе раскрыть тенденцію тождества абсолютнаго Духа съ духомъ конечнымъ во всѣхъ его проявленіяхъ; на самомъ же дѣлѣ имъ достигается развѣ бѣльшая логическая стройность системы, но уже никакъ не убѣдительность основныхъ ея положеній.

И. Щелловъ.

(Продолженіе будетъ)

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Сентября № 17 1906 года.

Содержаніе. I. Журналъ № 33 дневного засѣданія XX съѣзда духовенства Харьковской епархіи 12 сентября 1906 года. — Епархіальныя извѣщенія.

I.

Журналъ № 33 дневного засѣданія XX съѣзда духовенства Харьковской епархіи 12 сентября 1906 года.

На послѣднемъ въ семьъ году своемъ засѣданіи члены XX съѣзда духовенства имѣли сужденіе: 1) о томъ глубоконазидательномъ утѣшеніи, которое члены съѣзда духовенства вынесли изъ серій Архипастырскихъ собесѣдованій по общимъ важнѣйшимъ вопросамъ изъ жизни духовенства и, посему движимые чувствомъ искренней благодарности къ Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому и Преосвященнѣйшему Евгенію, Епископу Сумскому, поручили председателю съѣзда нашего отъ лица всѣхъ насъ повергнуть къ Святительскимъ стонамъ Владыкъ наше смиреннѣйшее сыновнее чувство привязанности и благодарности за ту любовь и заботу ихъ, которыми проникнуты были Ихъ бесѣды, обращенныя къ намъ; 2) о тѣхъ особенныхъ трудахъ, которые понесены были на общее дѣло служенія нѣкоторыми членами нашего съѣзда, какъ вошедшими въ составъ ревизіонныхъ комиссій по назначенію съѣзда духовенства, такъ и избранныхъ на должности председателя, товарища и дѣлопроизводителей онаго; причемъ, находя таковыя ихъ труды нелегкими и исполненными ревностно, постановили: всѣмъ членамъ ревизіонныхъ комиссій, назначенныхъ по дѣламъ настоящаго съѣзда духовенства, выразить глубокую благодарность, а) председателю съѣзда, священнику отцу Петру Скубачевскому, товарищу председателя съѣзда, протоіерею отцу Алексѣю Стапиславскому, и дѣлопроизводителямъ: протоіерею Стефану Кохапону, священнику Іоанну Брамловскому, священнику Гавріилу Бѣлоусову и священнику Симеону Недѣлькѣ выразить такую же благодарность съ занесеніемъ сего обстоятельства въ послужные списки ихъ, о чемъ ходатайствовать предъ Его

Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архі-епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ.

По молитвѣ, засѣданія XX съѣзда духовенства объявлены закрытыми до слѣдующаго года.

Подлинный журналъ за надлежащей подписью всѣхъ членовъ съѣзда.

На этомъ журналѣ послѣдовала резолюція такая: „1906 г. сентября 12. Съ своей стороны изъявляю мою благодарность съѣзду духовенства, за благородное проведеніе своихъ засѣданій, за усердное и благожелательное отношеніе къ нуждамъ епархіальныхъ учреждений и за внимательное отношевіе къ нашимъ собесѣдованіямъ и доброе и полезное участіе въ оныхъ. Объявляю съѣздъ закрытымъ. Исполнить. А. Арсеній.“

Епархіальныя извѣщенія.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Священникъ Курской епархіи Левъ *Булаковъ* опредѣленъ 31-го августа н. г. на священническое мѣсто при Дмитріевской церкви, села Васыщева, Харьковскаго уѣзда.

б) Окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи Василій *Алферовъ* опредѣленъ 1 сентября н. г. на священническое мѣсто при церкви сл. Мечебиловой, Изюмскаго уѣзда.

в) Діаконъ-псаломщикъ Харьковской Александро-Невской церкви, Іоаннъ *Бородкинъ* опредѣленъ 5 сентября на священническое мѣсто при церкви слоб. Ново-Николаевки, Купянскаго уѣзда:

г) Діаконъ церкви сл. Черкасской Лозовой, Харьковск. уѣзда, Іоаннъ *Гавриленко* опредѣленъ 9 сентября на священническое мѣсто въ село Мезеновку, Ахтырскаго уѣзда.

д) Сынъ діакона Иванъ *Пивоваровъ* опредѣленъ 24 августа на діаконское мѣсто при церкви слоб. Рай-Александровки, Изюмскаго уѣзда.

е) Діаконъ-псаломщикъ Соборной Преображенской церкви, гор. Изюма, Іаковъ *Дюковъ* опредѣленъ 31 августа на діаконское мѣсто при церкви сл. Одринки, Валковскаго уѣзда.

ж) Діаконъ-псаломщикъ Мироносицкой церкви, города Волчанска, Василій *Лобковскій* опредѣленъ 9 сентября н. г. на діаконское мѣсто при Николаевской церкви села Жихора, Харьковскаго уѣзда.

з) Псаломщикъ Покровской церкви, слоб. Верхней Писаревки, Волчанскаго уѣзда, Сергій *Огульковъ* опредѣленъ 9 сентября н. г. на діаконское мѣсто при Рождество Богородичной церкви, слоб. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда.

і) Надзиратель Лубенскаго духовнаго училища, Иванъ *Станиславскій* опредѣленъ 9 сентября п. г. на псаломщицкое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, города Харькова.

п) Крестьянинъ Никифоръ *Кузьменко* опредѣленъ 30 августа п. г. и. д. псаломщика къ Успенской церкви, слободы Литвиновки, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Діаконъ Рождество Богородичной церкви, слоб. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда, Симеонъ *Чижко* опредѣленъ 6 сентября сего года на псаломщицкое мѣсто при Осіе-Андреевской церкви, Харьковскаго Реального училища.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ церкви, слоб. Мечеблковой, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Петрусенко* возвращенъ 25 августа на прежде занимаемое мѣсто при Богодуховской Покровской церкви.

б) Священникъ церкви, села Полянаго, Ахтырскаго уѣзда, Оеоктистъ *Александровъ* перемѣщенъ 1 сентября на 2 священническое мѣсто при Александро-Свярской церкви, слоб. Александровки, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Священникъ церкви, села Мезеповки, Ахтырскаго уѣзда, Іаковъ *Мартиновичъ* перемѣщенъ 2 сентября на священническое мѣсто при церкви села Полянаго, Ахтырскаго уѣзда.

г) Священникъ Александро-Невской церкви, при станціи „Славянскъ“ К.-Х.-С. ж. д. Петръ *Юшковъ* перемѣщенъ 4 сентября на священническое мѣсто при церкви сл. Солимовки, Изюмскаго уѣзда.

д) Священникъ Всѣхсвятской церкви, города Славянска, Изюмскаго уѣзда, Викторъ *Охотинъ* перемѣщенъ 4 сентября на 2 священническое мѣсто при Александро-Невской церкви при станціи Славянскъ К.-Х.-С. желѣзной дороги.

е) Священникъ Покровской церкви, слоб. Сампловки, Изюмскаго уѣзда, Петръ *Роменскій* перемѣщенъ 4 сентября на священническое мѣсто при Всѣхсвятской церкви, города Славянска, Изюмскаго уѣзда.

ж) Священникъ Богодуховскаго женскаго монастыря Стефанъ *Чиркинъ* перемѣщенъ 6 сентября на священническое мѣсто при церкви, сл. Крючковъ, Изюмскаго уѣзда.

з) Псаломщикъ церквей: Николаевской, слоб. Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, Дмитрій *Носовъ* и Преображенской, слоб. Выбасовки, Изюмскаго уѣзда, Иванъ *Морозовъ* перемѣщены 31 августа одинъ на мѣсто другаго.

і) Псаломщикъ церкви, сл. Ново-Ахтырки, Старобѣльскаго уѣзда, Иванъ *Любарскій* и и. д. псаломщика церкви, села Покровскаго, Валковскаго

уѣзда, Митрофанъ *Поповъ* перемѣщены 30-го августа одинъ на мѣсто и утаго.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Дамігріевской церкви, села Васищева, Харьковскаго уѣзда, Николай *Червонецкій* уволенъ за штатъ, согласно его прошенію, 31 августа н. г.

б) Священникъ Троицкой церкви, слоб. Крючковъ, Изюмскаго уѣзда, Николай *Линицкій* уволенъ за штатъ, согласно его прошенію, 2-го сентября н. г.

в) Діаконъ Николаевской церкви, села Жыхора, Харьковскаго уѣзда, Іоаниъ *Пономаревъ* уволенъ за штатъ, согласно его прошенію, 4-го сентября.

г) Псаломщикъ Покровской церкви, слоб. Шилевки, Сумскаго уѣзда, Карнъ *Астремскій*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 5 сентября

4. О смерти духовенства.

Псаломщикъ Преображенской церкви, слоб. Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда, Григорій *Войтовъ* умеръ 1 сентября 1906 г.

5. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Георгіевской церкви, сл. Воробьевки, Сумскаго уѣзда утвержденъ 16 августа старостою крестьянинъ Тимофей *Цвинтарный*.

б) Къ Троицкой церкви, села Стебляпкина, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 20 августа старостою мѣщанинъ Петръ *Панченко*.

в) Къ церкви сл. Малицовой, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 19 августа старостою крестьянинъ Антоній *Матвѣенко*.

г) Къ Николаевской церкви, города Чугуева, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 6 сентября старостою крестьянинъ, Семень *Пирожковъ*.

6. О возведеніи въ санъ игумены.

Настоятельница Хоршевскааго Вознесенскаго женскаго монастыря монахиня *Максимила* посвящена въ санъ игуменіи 8 сентября 1906 г.

7. Объ открытіи новыхъ приходовъ съ причтомъ.

При вновь устроенной Рождество-Богородичной церкви, въ хуторѣ Карповѣ, Изюмскаго уѣзда, открытъ самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ священника и псаломщика.

8. Обь утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ Николаевской церкви, сл. Хухры, Ахтырскаго уѣзда, Михаилъ *Яковлевъ* утвержденъ 30 августа въ должности законоучителя Буграватскаго народнаго училища, Ахтырскаго уѣзда.

б) Священникъ Преображенской церкви, сл. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда, Михаилъ *Поповъ* утвержденъ 30 августа законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

в) Священникъ церкви с. Пожни, Ахтырскаго уѣзда, Данилъ *Стесенко* утвержденъ законоучителемъ 30 августа мѣстнаго народнаго училища.

г) Священникъ церкви с. Бранцовки, Ахтырскаго уѣзда Андрей *Романовъ* утвержденъ законоучителемъ 30-го августа мѣстнаго народнаго училища.

д) Священникъ церкви с. Верхо-Пожни, Ахтырскаго уѣзда, Сергій *Николаевскій* утвержденъ 30 августа законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

е) Священникъ церкви с. Камепоцкаго, Ахтырскаго уѣзда Іоаннъ *Краснопольскій* утвержденъ 30 августа законоучителемъ Березовскаго народнаго училища Ахтырскаго уѣзда.

ж) Священникъ церкви с. Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, Александръ *Яновскій* утвержденъ 30 августа законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

з) Священникъ церкви с. Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, Александръ *Федоровъ* утвержденъ законоучителемъ 30 августа Раздомлянскаго народнаго училища, Ахтырскаго уѣзда.

і) Священникъ с. Богуславскаго, Изюмскаго уѣзда, Павелъ *Горинъ*, утвержденъ законоучителемъ 1 сентября мѣстнаго народнаго училища.

н) Священникъ Богодуховской Покровской церкви Іоаннъ *Петрусенко* утвержденъ 10 августа законоучителемъ Богодуховскаго приходскаго училища.

к) Діаконъ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Мерефы, Харьковскаго уѣзда. Θεодоръ *Ковалевъ* допущенъ 4 сентября къ преподаванію закона Божія въ имѣющемъ открыться въ семь году Мерефянскомъ народномъ училищѣ, Харьковскаго уѣзда.

9. В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

а) Священническія.

При Троицкой церкви, Богодуховскаго женскаго монастыря.

— вновь устроен. Рождество-Богородичной церкви, х. Карповкѣ, Изюм. у.

б) *Псаломщики*:

- При Харьковской Институтской Маріе-Магдалиненской церкви.
- Сергіевской церкви, Харьковской 2-й гимназіи.
 - Николаевской церкви, села Александровки, Богодуховскаго уѣзда.
 - Николаевской церкви, села Замостья, Зміевского уѣзда.
 - Крестовоздвиженской церкви, села Кручика, Богодуховскаго уѣзда.
 - Рождество-Богородичной церкви, с. Константиновка, Зміевского уѣзда.
 - Соборной Преображенской церкви, гор. Изюма.
 - Преображенской церкви, сл. Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда.
 - Троицкой церкви, с. Гракова, Зміевского уѣзда.
 - Мирнопелцкой церкви, гор. Волчанска.
 - Покровской церкви, с. Шпилевки, Сумскаго уѣзда.
 - Рождество-Богородичной церкви, сл. Бунчужной, Старобѣльскаго у.
 - Крестовоздвиженской церкви, сл. Черкасской Лозовой, Харьковск. у.

II.

Содержаніе. II. Указъ 17-го апрѣля 1905 г. и свобода совѣсти, провозглашенная манифестомъ 17-го октября. М.—Къ газетнымъ толкамъ о второбрачій вдовыхъ священниковъ. II. К.—Въ защиту установленія суда чести для духовенства. Сельскаго священника *И. Горайна*.—Изъ жизни расколо-сектантства. Изъ дневника миссіонера. Харьковскіе сектанты „Вговисты“ (окончаніе). *И. Айвазова*.—Епархіальная хроника. Архіерейскія богослуженія.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ Харьковской Духовной Семинаріи.—Собраніе Кратства Озерянской Божіей Матери.—Праздникъ Успенія Божіей Матери въ Святогорской Успенской пустыни, городѣ Славянскѣ и Спасскомъ монастырѣ, что на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда, близъ ст. „Ворки“ и посѣщеніе оныхъ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Рѣшеніе Калужской епархіальной власти о томъ, имѣетъ ли право съѣздъ духовенства вмѣшиваться во внутреннюю жизнь духовно-учебныхъ заведеній.—Съѣздъ духовенства Воронежской епархіи.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Хроника церковно-общественной жизни.—Объявленія.

Указъ 17-го апрѣля 1905 г. и свобода совѣсти, провозглашенная манифестомъ 17-го октября.

17-го апрѣля прошлаго года, въ день Св. Пасхи, вышелъ Императорскій указъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, касающійся, главнымъ образомъ, расколо-сектантства. Ровно черезъ полгода, 17 октября, въ Императорскомъ манифестѣ, въ числѣ другихъ даруемыхъ политическихъ свободъ, стоитъ и „свобода совѣсти“. Является ли провозглашеніе этой свободы закрѣпленіемъ тѣхъ началъ вѣротерпимости, которыя установ-

лены указомъ 17-го апрѣля, или же это есть новый, болѣе широкій правовой принципъ, по которому имѣетъ быть нормирована въ недалекомъ будущемъ религіозная жизнь Россіи?

Безусловно, свобода совѣсти, провозглашенная манифестомъ 17-го октября, есть правовой принципъ, по содержацію своему гораздо болѣе широкій тѣхъ началъ вѣротерпимости, которыя установлены Императорскимъ указомъ 17-го апрѣля. Указъ 17-го апрѣля по существу своему есть только дарованіе нѣкоторыхъ привилегій какъ инославнымъ христіанскимъ, такъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, сравнительно съ прежнимъ ихъ положеніемъ.

Такъ, старообрядчество и сектантство почти уравнено въ своемъ правовомъ положеніи съ инославными исповѣданіями, пользовавшимися такимъ положеніемъ и до указа 17-го апрѣля, т. е. съ католичествомъ и протестантствомъ. Послѣ указа 17-го апрѣля, законы, запрещавшіе и ограничивавшіе публичное оказательство раскола, потеряли свою силу съ замѣной новыми, по которымъ старообрядчеству и сектантству предоставлено такое же, какъ и другимъ инославнымъ исповѣданіямъ, право отправления Богослуженія, какъ общественнаго, такъ и домашняго, право устроить новыя молитвенныя зданія, которое обусловливается равно для всѣхъ христіанскихъ инославныхъ исповѣданій—согласіемъ духовнаго начальства подлежащаго исповѣданія, наличностью необходимыхъ денежныхъ средствъ и соблюденіемъ техническихъ требованій устава строительнаго.

За духовными лицами раскола сектанства признано ихъ духовное положеніе въ религіозныхъ ихъ обществахъ, съ присвоеніемъ имъ наименованій настоятелей и наставниковъ. Даровано также право на владѣніе имуществомъ отъ имени религіозныхъ обществъ, на устройство скитовъ, обителей и кладбищъ, печатаніе богослужебныхъ книгъ, преподаваніе Закона Божія и веденіе метрическихъ книгъ. Въ отношеніи къ смѣшаннымъ съ православными бракамъ старообрядцы и сектанты также уравнены въ правахъ съ лицами инославныхъ исповѣданій. Наконецъ, также какъ и лица инославныхъ исповѣданій, старообрядцы и сектанты освобождены отъ всѣхъ

ограниченій въ отношеніи государственной и общественной службы, вытекавшихъ изъ самой принадлежности ихъ къ старообрядчеству или сектантству.

Словомъ, старообрядчество и сектантство, за исключеніемъ, понятно, послѣдователей изувѣрныхъ ученій, почти уравнины въ своихъ правахъ съ правовымъ положеніемъ у насъ католичества и протестантства. Неполное уравниеніе можно видѣть только въ томъ, что духовныя лица старообрядчества и сектантства не имѣютъ права именоваться православными іерархическими именованіями, которыя усвояются имъ въ ихъ обществахъ, не всегда также имѣютъ право облаченія въ священнослужительскія одежды, наконецъ, духовныя школы старообрядчества и сектантства должны содержаться на ихъ собственный счетъ.

Ипославнымъ церквамъ указъ 17-го апрѣля также предоставляет новыя привилегіи, какъ-то: значительно облегчена, установленіемъ указанныхъ нами выше условій, постройка и ремонтъ церквей и молитвенныхъ домовъ, даровано право духовнымъ лицамъ соотвѣтствующаго исповѣданія преподавать Законъ Божій на природномъ языкѣ учащихся, разрѣшено устройство церковныхъ братствъ. Для кончающихъ курсъ клириковъ римско-католическаго исповѣданія отмѣненъ экзаменъ по русскимъ предметамъ, производившійся при участіи лицъ учебнаго вѣдомства и прекращено закрытіе католическихъ монастырей въ Польшѣ.

Что касается иновѣрныхъ исповѣданій, находившихся, впрочемъ, до указа 17-го апрѣля, по сравненію, напр., съ расколосектантствомъ, въ гораздо лучшемъ положеніи этого послѣдняго, то относительно ихъ указъ говоритъ только о пересмотрѣ законодательныхъ положеній о магометанахъ и ламаитахъ, воспретивъ именовать послѣднихъ идолопоклонниками и язычниками.

Въ заключеніе должны указать, что законъ 17-го апрѣля разрѣшаетъ переходъ изъ Православія въ другія христіанскія исповѣданія, что не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій въ ограниченіи личныхъ и гражданскихъ правъ.

Такимъ образомъ, ясно, что указъ 17-го апрѣля содержитъ

въ себѣ, какъ мы уже указали, расширеніе привилегій инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій, но далеко не уравненіе въ правахъ съ Православною Церковью, которая по прежнему, по существующимъ законамъ, остается господствующею и обладающею преимущественными правами на защиту и заботы о ней со стороны государства. Но несомнѣнно въ то же время, что государство съ изданіемъ закона 17-го апрѣля, вступило, какъ это было указано и на засѣданіяхъ предсоборнаго присутствія, на внѣконфессіональный путь. Его дальнѣйшіе шаги поѣтому пути привели къ провозглашенію въ манифестѣ 17-го октября права „свободы совѣсти“. Это не есть уже, вызванное тѣми или другими политическаго или религіознаго характера соображеніями, расширеніе привилегій инославія и иновѣрія, а есть опредѣленный правовой принципъ, имѣющій нормировать религіозную сторону жизни русскихъ гражданъ, принадлежатъ ли они къ Православной Церкви или къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ а также къ иновѣрію.

Подробной законодательной регламентаціи это право „свободы совѣсти“, также какъ и другія провозглашенныя политическія свободы, еще не имѣетъ, но она, разумеется, не заставитъ себя ждать съ новымъ созывомъ законодательныхъ органовъ въ февралѣ будущаго года. Но несомнѣнно, что всѣ наши свободы, съ такими или иными измѣненіями—конструируются по западнымъ образцамъ и потому необходимо обратиться къ нимъ, чтобы видѣть, какъ тамъ понимается право „свободы совѣсти“. Данныя поѣтому вопросу мы заимствуемъ изъ сочиненія проф. М. Рейснера: „Государство и вѣрующая личность“. Онъ лично, пользуясь опредѣленіями западныхъ юристовъ—Блунчли, Вине, Вильда, Риша и др., такъ опредѣляетъ право свободы совѣсти, или какъ у него точнѣе—свободы исповѣданія: „это есть право каждаго человѣка безпрепятственно и безъ какого-либо ущерба для себя проявлять вообще внѣшнимъ образомъ свои религіозныя убѣжденія и, въ частности, устанавливать, соотвѣтственное этимъ взглядамъ, домашнее богопочитаніе“¹⁾.

Въ деталяхъ же это право состоитъ въ слѣдующемъ.

¹⁾ Государство и вѣрующая личность. М. А. Рейснеръ. СПб. 1905, стр. 11.

1) „Въ правѣ лица по достиженіи законнаго возраста не быть принуждаемымъ къ исповѣданію какой-нибудь опредѣленной вѣры, въ правѣ исповѣдывать какую угодно вѣру, или полное отсутствіе ея, безъ какого-либо за то ущерба или наказанія (Гиншіусъ, Блунчли, Ришъ, Вильда). Отсюда вытекаетъ полное устраненіе изъ законодательства какихъ-либо наказаній и лишеній правъ за вѣроотступничество, за совращеніе и т. п.; ересь — не есть преступленіе.

2) Въ правѣ лица не быть принуждаемымъ со стороны государства, вопреки религіознымъ убѣжденіямъ, къ совершенію или участію въ какихъ бы то ни было богослужебныхъ или религіозныхъ обрядахъ. Въ силу этого права, напр., государство не можетъ требовать обязательнаго присутствія при евангелическомъ богослуженіи солдатъ—католиковъ, какъ это случилось въ свое время въ прусской практикѣ, или посѣщенія чиновниками богослуженія по праздничнымъ днямъ, чему бывали примѣры въ Италіи (Гиншіусъ, Блунчли, Римъ).

3) Въ правѣ лица безпрепятственно выходить изъ состава того или другого религіознаго общества, переходить въ члены другого, или даже не принадлежать ни къ какому, безъ какого-либо за то ущерба или наказанія. (Гиншіусъ, Блунчли, Римъ, Якобсонъ, Вильда).

4) Въ правѣ лица, принадлежащаго къ тому или другому исповѣданію, безпрепятственно устраивать собранія своихъ домашнихъ и единовѣрцевъ, съ участіемъ духовнаго лица, отправлять совмѣстно богослуженія по предписаніямъ своей религіи въ своемъ частномъ помѣщеніи и учреждать, согласно общимъ требованіямъ закона, частныя религіозныя общества съ правомъ публичнаго въ нихъ богослуженія. (Гиншіусъ; Раль, Блунчли, Римъ, Якобсонъ, Вильда, Вине).

5) Въ правѣ пользоваться всѣми гражданскими и политическими правами гражданина, безъ какихъ-либо въ нихъ ограниченій, въ силу религіознаго исповѣданія лица (Гиншіусъ, Раль, Блунчли, Вильда, Вине). Этимъ правомъ устраняется всякое косвенное принужденіе вѣры, выражающееся въ привилегированномъ положеніи лицъ одного исповѣданія сравни-

тельно съ лицами другого. Этимъ устраняется, напр., привилегія въ силу крещенія и лишеніе правъ въ силу некрещенія.

6) Въ правѣ лица совершать всѣ необходимыя гражданскія дѣйствія безъ обязательства совершать при этомъ какіе-либо религіозныя и церковныя обряды и дѣйствія. (Гиншіусъ, Римъ, Вильда, Вине). Сюда относится право лица на полученіе гражданской легитимациі безъ совершенія религіозныхъ обрядовъ только при посредствѣ чиновниковъ гражданского состоянія, право на совершеніе гражданского брака, на независимыя отъ разрѣшенія духовенства похороны, на неконфессіональныя школы для дѣтей, на интерконфессіональную форму клятвы, съ замѣной ея въ опредѣленныхъ случаяхъ торжественнымъ обѣщаніемъ и т. п.

7) Въ правѣ лица на защиту государствомъ его личности, чести и свободы противъ всякаго посягательства на нее со стороны религіозныхъ обществъ или духовныхъ властей. (Гиншіусъ, Блунчли, Римъ).

Этими семью основными требованіями, въ сущности, и ограничивается право свободы совѣсти, насколько оно получило признаніе въ культурныхъ государствахъ Европы¹⁾.

Рейнсеръ указываетъ и на границы права свободы совѣсти: „съ формальной стороны онѣ заключаются въ томъ, что для пользованія правомъ свободы совѣсти нужно обладать достаточно созрѣвшимъ самосознаніемъ, а слѣдовательно нужно, по крайней мѣрѣ, достигъ извѣстнаго опредѣленнаго закономъ возраста, который гарантируетъ нѣкоторую нравственную и умственную зрѣлость лица; со стороны же матеріальной, т. е. съ точки зрѣнія самого содержанія тѣхъ или другихъ требованій совѣсти, надо отмѣтить слѣдующія ограниченія

1) Никто не долженъ подъ предлогомъ требованія совѣсти освобождать себя вообще отъ повиновенія государству и его законамъ.

2) Никто подъ тѣмъ же предлогомъ не долженъ нарушать существующія права признанныхъ государствомъ корпорацій, а также и права частныхъ лицъ.

¹⁾ Ibid. 14—16.

3) Никому не можетъ быть дозволена публичная проповѣдь атеизма и открытой безнравственности“ 1).

Итакъ, ясно, что съ провозглашеніемъ „свободы совѣсти“ и съ будущей конструировкой этого права по приведенному нами западному образцу, русское государство еще въ большей степени приобрѣтаетъ характеръ виѣконфессіональный.

Все это заставляетъ насъ задумываться надъ судьбами православной Церкви и многомилліонаго православнаго русскаго народа. Мы лично вовсе не сторонники какихъ-либо репрессій и огражденій по отношенію къ инославію и иновѣрію; старая, вѣковая истина, провозглашенная еще Тертуліаномъ, что „не дѣло религіи вынуждать религію“, не можетъ Церковь дѣйствовать виѣшними мѣрами принужденія, но также не можетъ и государство прямымъ или косвеннымъ образомъ принуждать къ исповѣданію какой-либо религіи, такъ какъ этимъ, по выраженію христіанскаго философа В. С. Соловьева, оно „присвоило бы себѣ ex officio высшій духовный авторитетъ, что было бы безумной и пагубной узурпаціей, напоминающей „человѣка беззаконія“ послѣднихъ дней“ -). Но на-

-) В. С. Соловьевъ. Оправданіе добра. Москва. 1899 стр. 532.

ши думы и скорбь вызываются взглядомъ на религіозно-сознательное состояніе народа, а также на то, въ какой степени готово и сильно папство русской Церкви, чтобы во всей силѣ противопоставить истину Православія инымъ ученіямъ и сохранить чадъ своихъ въ принадлежности и преданности Св. Матери Церкви?

Конечно, сознаніе того, что Верховная власть государства, при виѣконфессіональныхъ Государственной Думѣ и Совѣтѣ, сосредоточивается въ лицѣ Православнаго Государя, всецѣло вселяетъ въ насъ надежду на самую широкую благосклонную поддержку Православной Церкви, но ясно, какъ недостаточна она безъ внутренней силы и нравственной мощи самого папства. А мы должны высказать горькую истину, — дѣйствительность не должна быть замолчана, сокрыта, — двухвѣковая опека Церкви государствомъ принесли свои плоды... Она обезсилила, дезорганизовала папство, которое сжилось съ тѣмъ

1) Ibidem 12.

убѣжденіемъ, съ тою мыслию, что какъ его пастырская дѣятельность, такъ и православная паства ограждаются и защищаются отъ вторженія пропаганды иныхъ ученій силою Государственной власти. А теперь, съ провозглашеніемъ свободы совѣсти, пастырство предоставлено въ дѣлѣ защиты Православной истины своимъ собственнымъ нравственнымъ силамъ.

Въ состояніи ли оно быть на высотѣ своей нравственной задачи? Мы не беремся отвѣчать на это,—но пусть каждый пастырь подумаетъ, въ состояніи ли онъ противостоять инославнымъ и другимъ ученіямъ, въ состояніи ли удержать свою паству въ оградѣ Церкви?

Если обратимъ вниманіе на паству, главнымъ образомъ, повятно, на простой народъ, то увидимъ, какъ нуждается онъ въ пастырской защитѣ отъ вліянія неправославныхъ ученій. Указанная нами опека государствомъ Церкви способствовала несомнѣнно тому, что слишкомъ мало обращало пастырство вниманія на развигіе религіознаго сознанія, сообщеніе религіозныхъ знаній своей паствѣ. И какъ непрочно это знаніе, какъ малосодержательно оно, это извѣстно, надѣемся, каждому пастырю. Обращаемся къ нравственному его сознанію, пусть скажетъ онъ, по совѣсти, много ли найдется среди его паствы лицъ, которыя могли бы противостоять въ своемъ религіозномъ знаніи пропагандѣ, напр., сектанскихъ ученій, и не представляетъ ли паства въ громадномъ большинствѣ трость колеблющуюся, по выраженію Евангельскому?

Если интеллигенція можетъ построить алтари „Кантовскому категорическому императиву, Вольтеровскому деизму, пролетарской религіи Лассаля“, то какой алтарь вмѣсто исповѣданія Православія *сознательно* можетъ поставить русскій крестьянинъ? И не явится ли его исповѣданіе какой-либо секты, инославія слѣдствіемъ только того, что онъ не въ состояніи былъ разобраться въ доводахъ пропагандиста и достойнымъ образомъ отвѣтить ему?

Все это заставляетъ насъ скорбно смотрѣть на будущее и, какъ бы ни установилось дальнѣйшее положеніе Православной Церкви и отношеніе ея къ государству, но нужно помнить одно, что преждее прошло, пастырство вызывается на великій

подвижнической трудъ въ дѣлѣ защиты православнаго ученія, созиданія жизни Церковной. Необходимо проснуться отъ прежней спячки и твердо усвоить себѣ, что Освобожденная Церковь своими силами, своими нравственными средствами, своимъ оружіемъ, „воинское опоясаніе котораго, по словамъ арх. Волынскаго Антонія, — истина, броня — праведность, щитъ — вѣра, племъ — спасеніе, мечъ — Слово Божіе“ -), должна выступить

.) Ев. Антоій. Собрание соч. т. III. Казань. 1900. стр. 12.

теперь на борьбу съ ложными ученіями, на дѣятельное религиозное просвѣщеніе своихъ членовъ, на воспитаніе ихъ въ христіанствѣ и приготовленіе для Небеснаго Царства Божія.

Отъ души пожелаемъ, чтобы пастырство глубоко прониклось этой идеей и дѣятельно, съ самого себя, начало приготовленіе къ наступающему періоду жизни Русской Церкви. М.

Къ газетнымъ толкамъ о второбрачій вдовыхъ священниковъ.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что много горькой и тяжелой правды слышится въ вопляхъ невольныхъ дѣвственниковъ, въ которыхъ нашихъ вдовыхъ священнослужителей. И добровольное дѣвство тяжелый подвигъ, доступный не всякому, а „ему же дано“ отъ Господа, тѣмъ болѣе тяжелъ онъ для чело вѣка, не призваннаго къ дѣвственной жизни и не искавшаго ея. Тяжесть положенія овдовѣвшаго служителя церкви увеличивается еще отъ ядовитаго шепота и злой клеветы, которыми сопровождается каждый шагъ, каждое движеніе его, а равно и отъ не порядковъ и не устройствъ въ его домашней жизни. Не подлежитъ никакому сомнѣнію и то обстоятельство, что вынужденные дѣвственники иногда сильно роняютъ свою не воздержною и порочною жизнію высокое пастырское служеніе и являются соблазномъ для тѣхъ, нравственными руководителями которыхъ они призваны быть. Тѣмъ не менѣе намъ очень грустно было читать газетное признаніе одного, священника вдовца, что одна мысль о возможности второго брака отраднымъ образомъ, какъ „цѣлительный болзамъ“, подѣйствовала на его, истерзанное горемъ сердце. Что бы ни говорили защитники второбрачій о „честномъ бракѣ и ложѣ нескверномъ“,

брачныя отношенія супруговъ могутъ быть чистыми и святыми только въ идеалѣ, въ дѣйствительности же, въ большей или меньшей степени всегда грѣховны и свидѣтельствуютъ о невоздержности второбрачущихся. Такимъ именно взглядомъ Церкви на брачныя отношенія объясняется то, что только, *снисходя къ немощамъ человеческой природы*, она разрѣшаетъ своимъ членамъ вступать во второй и въ третій бракъ.

Священнослужитель, желающій вступить въ бракъ вторично, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о своемъ собственномъ невоздержаніи. Пусть онъ желаетъ новаго брака по разнымъ другимъ мотивамъ, болѣе высокимъ и достойнымъ пастыря Церкви, народная молва все же обвинить его въ плотскомъ невоздержаніи, ибо въ большинствѣ случаевъ народъ нашъ смотритъ на бракъ съ точки зрѣнія плотскихъ отношеній. Да и какъ можетъ послѣ этого служитель Христовъ приглашать своихъ пасомыхъ къ несенію креста Христова, распятію своей плоти со страстями и похотями и къ терпѣливому перенесенію посылаемыхъ отъ Бога испытаній, если самъ не приложитъ старанія имѣть соотвѣтствующихъ добродѣтелей?!—Такъ мы смотримъ на вопросъ о второбрачїи духовенства съ точки зрѣнія пастырскаго идеала. Мы не говоримъ уже о каноническихъ постановленіяхъ нашей св. Церкви, безусловно обязательныхъ для всѣхъ принявшихъ священныи санъ. Но мы не закрываемъ глазъ и отъ дѣйствительности. Вполнѣ входя въ положеніе вдовыхъ священнослужителей, немощныхъ плотию и слабыхъ духомъ, и не желая, чтобы такъ или иначе они были причиною соблазна для своихъ пасомыхъ, мы предлагали бы со своей стороны, чтобы вдовымъ священнослужителямъ, да и всѣмъ вообще пастырямъ, сознающимъ свое несоотвѣтствіе принятому ими на себя служенію, была предоставлена полная возможность отказаться отъ непосильнаго для нихъ служенія и быть честными и полезными членами общества на поприщѣ иного служенія. Такъ будетъ лучше не только для нихъ самихъ, но и для Церкви: количественное уменьшеніе пастырей Церкви, безъ сомнѣнія, будетъ сопровождаться ихъ качественнымъ улучшеніемъ.

П. К.

Въ защиту установленія суда чести для духовенства.

„Вся испытующе добро держитесь“.
(1 Фесл. 5, 21).

Какъ въ печати, такъ и въ обществѣ, интересующемся теченіемъ современныхъ вопросовъ жизни, приходится встрѣчать разнорѣчивыя сужденія по поводу пользы и законности установленія іерейскаго суда чести. Сторонники отрицательнаго взгляда утверждаютъ:

а) что право судить виновное духовенство принадлежитъ епископу.

б) что судъ чести будетъ новшествомъ, несогласнымъ съ духомъ евангельскаго ученія Христа, заповѣдавшего любить ближнихъ, а не судить ихъ (Мѳ. 7, 1).

в) и наконецъ, что въ Св. Писаніи нѣтъ точныхъ указаній, оправдывающихъ установленіе суда чести для собратьевъ по служенію у алтаря.

Въ настоящей замѣткѣ мы намѣрены дать свое сильное заключеніе, не претендуя на авторитетность и непогрѣшимость своихъ мыслей.

Право судить виновное духовенство безспорно принадлежитъ епископу (1 Тимѳ. 5, 19—20); (Тит. 1, 9; 2, 15); это видно изъ посланій апостоловъ и множества каноническихъ правилъ. Установленіе іерейскаго суда чести отнюдь не будетъ умаленіемъ, или отнятіемъ правъ у епископа судить виновныхъ; такъ какъ компетенціи товарищескаго суда будутъ подлежать далеко не всѣ дѣла по проступкамъ духовенства противъ дисциплины и нравственности, а лишь извѣстная часть ихъ, выдѣленная епископомъ изъ своего вѣдѣнія. Слѣдовательно, іерейскій судъ чести будетъ не нарушеніемъ епископскихъ правъ, а лишь помощью ему, въ его многосложныхъ дѣлахъ. Нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что не всегда епископу удобно вести всѣ дѣла формальнымъ судопроизводствомъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что есть пороки и преступленіе, которыя, въ силу своего исключительнаго характера, не могутъ быть предметомъ разбирательства въ обычномъ формальномъ судопроизводствѣ. Среди священно-церков-

но-служителей могутъ оказаться лица, служація соблазномъ для окружающихъ своимъ вазорнымъ поведеніемъ. Лица эти спокойно пребываютъ въ своемъ санѣ; съ внѣшней стороны, для *формальнаго судопроизводства*, они неуязвимы,—и даже болѣе того—они иногда могутъ такъ показно выставлять себя, что слывуть во мнѣніи отдаленнаго начальства примѣрными. Жизнь своихъ собратьевъ конечно болѣе детально видна другъ другу, чѣмъ начальству.

Слѣдовательно, іерейскій судъ чести, хотя бы въ видѣ благочинническаго съѣзда, можетъ удобно разобрать то, или другое дѣло и преступленіе клирика. Судъ чести долженъ быть чуждъ всякаго формальнаго дѣлопроизводства. Первою функціею его должно быть „объявленіе“ тому, или другому лицу, что его соблазнительное поведеніе извѣстно духовенству, которое находитъ его (поведеніе) несоотвѣтствующимъ по самому знанію; „братское наставленіе, просьба оставить порочную жизнь, вразумленіе“, по слову апостола: „*вразумляйте безчинныхъ*“ (1 Фес. 5, 14); „*Не участуйте въ безплодныхъ дѣлахъ тьмы, но и обличайте*“ (Ефес. 5, 11).

Итакъ, первую мѣрою воздѣйствія на виновнаго іерейскаго суда чести, или совѣсти должно быть наставленіе, совѣтъ, предупрежденіе, вразумленіе. Если-же такая мѣра, проникнутая братскою любовью къ виновному, не принесетъ добрыхъ результатовъ, то сообщить о семъ „не формально“ епископу, прося его архипастырскаго наставленія. Буде-же и эта мѣра не подѣйствуетъ, и духовенство вновь будетъ видѣть соблазны своего собрата, то просить епископа объ-учивеніи формальнаго суда.

Въ основѣ іерейскаго суда чести, или совѣсти, лежитъ христіанская братская любовь къ виновному, желаніе добромъ вобѣдить зло,—и слѣдовательно напрасно думаютъ иные, что судъ чести есть карательное учрежденіе, несогласное съ духомъ ученія Христа и апостоловъ, заповѣдавшихъ любить всѣхъ своихъ ближнихъ.

Что долгъ христіанъ любить другъ друга и даже враговъ своихъ, что это основа христіанства—объ этомъ дѣйствительно училъ Христосъ и апостолы и словомъ и дѣломъ,—но и любить нужно съ *разсмотрѣніемъ* (Іуд. 1, 22).

Обязанность каждаго христiанина, какъ частнаго индивидуума, любить своихъ ближнихъ и даже враговъ; прощать взаимныя обиды, не осуждать другъ друга и т. д.; это высшая добродѣтель челоука-христiанина въ его частныхъ отношенiяхъ къ обществу людей. Но для лицъ, поставленныхъ на стражѣ евангельской истины и чистоты нравственнаго ученiя Христова, облеченныхъ властью „вязать и рѣшать“, а также для лицъ съ государственною властью такая любовь не всегда умѣстна, а иногда прямо преступна, ибо принесетъ вредъ церкви, обществу и государству. Чего можно требовать отъ челоука, какъ христiанина, того нельзя требовать отъ челоука, какъ дѣятеля на извѣтномъ общественномъ поприщѣ. И Св. Писанiе учить насъ любви къ ближнимъ, но допускаетъ и наказанiе. „Его же любить Господь, наказуетъ (Евр. 12, 6).

Относительно права судить ближнихъ, какъ говорятъ иные, въ разныхъ мѣстахъ апостольскихъ посланiй слышится совершенно ясное категорическое запрещенiе. (Іак. 4, 12; Рим. 2, 14; Рим. 14, 13; Мѡ. 7, 1, 3, 5 и др.). Нужно отличать „осужденiе“ ближнихъ фарисейское, въ житейскихъ отношенiяхъ, въ обыденныхъ разговорахъ, усматриванiе „сучка“ въ глазѣ брата своего, превозношенiе своими добродѣтелями и гордливое самообольщенiе отъ суда, какъ мѣры исправительной карательной въ интересахъ общаго блага. Не осуждать ближнихъ дѣйствительно учили Христосъ и апостолы. Но что Христосъ допускаетъ для общества людей существованiе суда вообще,—это неопоспорино (Мѡ. 5, 21), и доказательство его установленiя отъ Св. Писанiя, не входитъ въ нашу задачу. Но странно было бы искать въ евангельскомъ ученiи Христа точной формулировки различныхъ развѣтвленiй суда. Христосъ былъ учитель вѣры и нравственности; Онъ не былъ политическимъ дѣятелемъ; не писалъ кодексовъ гражданскихъ законовъ; не опредѣлялъ тѣхъ или другихъ формъ соціальной жизни—все это учрежденiе свободнаго челоучества въ основу которыхъ положены Христомъ „любовь“. Основанiе для всѣхъ челоуческихъ учрежденiй, временныхъ и условныхъ, не всегда нужно отыскивать въ Евангелiи,—нужно чтобы эти учрежденiя не противорѣчили „духу Христовой любви“.

Итакъ, напрасно нѣкоторые лица пессимистически смотрятъ на товарищескій судъ чести; напрасно сомнѣваются въ его цѣлесообразности и полезности. Казалось бы, что неосновательно и преждевременно сомнѣваться въ томъ, что не испытано, не испробовано; въ томъ, чего результаты не выяснены, что не примѣнялось къ жизни, какъ руководящее начало. Ап. Павелъ совѣтуетъ все испытывать и добраго держаться.

Сельскій священ. І. Гораинъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ РАСКОЛО-СЕКТАНТВА.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

XI.

ХАРЬКОВСКІЕ СЕКТАНТЫ—„БГОВИСТЫ“.

(Обончавіе *).

II. Г И М Н Ъ

сего Всемирнаго Свѣтителя отъ Ёгова на вошествіе безсмертныхъ людей въ вѣчный городъ Ерусалимъ на преображенной землѣ (съ музыкой на голосъ: „вуте, рюмки наливайте“).

- | | |
|---|---|
| 1. Аллилуя, Богъ пророковъ
Ёгова, нашъ Адонай!
Ты Творецъ чудесъ и роковъ,
Ашерэйехъ и Святой! | 13. Что за вкусъ и что за сладость,
Ароматъ отъ нихъ въ устахъ!
Превращаютъ чувства въ младость,
Обновляютъ жизнь въ сердцахъ! |
| 5. Что за городъ, что за диво,
Намъ для жительства Ты далъ!
Какъ изящно, какъ игриво
И премудро все создалъ! | 17. И нигдѣ такъ не бывало,
И въ странѣ живыхъ у насъ,
Чтобы древо плодъ давало
Каждый годъ 12 разъ. |
| 9. Что за чудная природа,
Распрелестный видъ садовъ!
Какъ затѣйлива порода
Разныхъ фруктовъ и плодовъ | 21. Листья-жъ ихъ врачуютъ боли
Въ тѣхъ виѣградныхъ иль де-
сныхъ ¹⁾ ,
Кои ходятъ въ Твоей волѣ,
А не въ вымыслахъ своихъ! |

*) См. Извѣст. по „Харьковской епархіи“ № 17 за 1906 годъ

1) Виѣ Іерусалима будетъ 24 царства изъ десныхъ народовъ, спасенныхъ отъ смерти.

25. Нѣту словъ для описанья
Красоты живыхъ цвѣтовъ,
Чудо-мѣстность для гулянья
По аллеямъ у дворцовъ.
29. Надъ цвѣтами хороводы,
Аллегорій вѣнзеля,
Насѣкомыя породы
Чудо строить изъ себя.
33. Изумительно одѣты.
Въ злато, яхонтъ и сапфиръ;
Тѣ въ брилльянты корсеты,
Эти въ огненный подиръ.
37. Нѣжно трелятъ голоскачи
Пташки милыя вездѣ,
И даются брать руками,
Позови,—летятъ къ тебѣ.
41. Заглядѣнье, а не рыбки
Рѣютъ тутъ, въ живой водѣ,
Къ музыкѣ всѣ страшно липки,
Занграй, плывутъ къ тебѣ.
45. Диво дивнаго коровки,
И невиданный весь скотъ;
Ласковы. ручныя, ловки,
Звѣрскихъ нѣтъ уже породъ.
49. Разноцвѣтные фонтаны
Умножаютъ красоту,
Всюду ходы мудро даны,
Вмигъ взойдешь на высоту.
53. Предѣсть музыка живая
Сладкій нектаръ въ сердце льетъ,
Мысль святую выражая,
Чудно трелить и поеть.
57. Удивительна природа
Была и въ странѣ живыхъ,
И съ премудростью свобода
Для всѣхъ насъ, друзей твоихъ.
61. Но предъ этой та ничтожность;
Значить въ мудрости Твоей
Безпредѣльная возможность,
И чѣмъ дольше, тѣмъ сильнѣй!
65. Значить Ты, родной, желанный,
Насъ сердечно возлюбилъ;
А мѣръ злобный, окаянный,
Ужъ на вѣчность истребилъ.
69. Всѣхъ Твоихъ враговъ, злодѣевъ,
И кто мучилъ насъ и гналъ,
Вмѣстѣ съ сонмомъ Асмодеевъ ¹⁾
Свергнулъ въ огненный пресвалъ.
73. Згинули всѣ христіанства,
Деспотизмыны Христы,
Атеизма шарлатанство,
Чаша съ мерзостью кресты,
77. Тьма законовъ, правъ дѣлений,
Груды лжи, да чушь поповъ,
Лжи съ демоновъ ²⁾, съ твореній.
Съ Аполліоновъ ³⁾ и плутовъ,
81. Златоглавыя пагоды,
Капища, монастыри,
Езавелныя заводы,
Гдѣ блудили съ ней цари (к. с.
17—2. 18—3)
85. Всѣ погибли Златоусты,
Инвизиціи отцы,
Мясопусты, сыробрѣсты,
Здохломолия Творцы.
89. Всѣ исчезли кровопійцы,
Всѣ въ солдаты игроки,
Всѣ великіе убійцы ⁴⁾,
Всѣ ихъ пушки и штыки.
93. Мы же живы всѣ остались,
Въ полной славѣ зримъ тебя,
Той надежды ужъ дождались,
Коей ввѣрили себя.

1) Асмодей—въ книгѣ Товита злой духъ, убившій семь мужей Сарры, дочери Рагула. Въ Талмудѣ—внзъ демоновъ. Въ поэзиі—демонъ разрушитель браковъ, духъ сластолюбій.

2) „Съ патроновъ, съ духовъ умершихъ людей“.

3) „Съ губителей“.

4) „Т. е. фельдмаршалы и равноапостольные цари и царицы“.

97. Жить всю вѣчность намъ съ Тобою,
И какъ дѣти при Отцѣ,
Въ нѣжной дружбѣ межъ собою, 109. Прославляемъ, величаемъ,
Тутъ-же при твоёмъ дворцѣ
Братъ ты нашъ и другъ сердечный
И владѣтель сей земли ¹⁾).
101. Изучать Твою премудрость,
Возрастать въ ней безъ конца,
Всѣ стремиться въ недоступность, 113. И благодаримъ сердечно
Въ Царство нашего Отца!
Мы тебѣ, нашъ царей царей,
И поставимъ въ праздникъ вѣчно
Наше шествіе въ градъ сей.
105. О, премудрый и предвѣчный,
Царь свободы, Царь любящій,
„К. С.“ 21—22 гл. Аминь!

Ну, вотъ въ какой городъ Ерусалимъ приглашаетъ распятый Ёгова каждого человѣка на нескончаемое жительство! Но я, какъ посланникъ Его, истинно объявляю, что скоро определенное число бессмертныхъ людей наберется и двери затворятся и поэтому до кого дойдетъ сей призывъ къ бессмертію, тотъ поторопись, какъ можно скорѣй пристать къ сонму бессмертныхъ людей, т. е. сдѣлаться братомъ или сестрою мнѣ и всѣмъ святымъ пророкамъ и другимъ ангеламъ Ёгови, и бейся на смерть, какъ противъ 333 многобожныхъ вѣрь, кои сатана сочинилъ изъ Адамовой религіи, такъ и противъ всякихъ іудейскихъ, магометанскихъ и 666 христіанскихъ единоборныхъ вѣрь, кои сатана насочинилъ изъ Авраамовской религіи; и будь увѣренъ, что только за эту битву Ёгова дѣлаетъ человѣка такимъ-же тѣлеснобессмертнымъ, какъ и всѣ убитые св. пророки. Для начала-же бессмертія въ тебѣ, ты долженъ прочитать съ благоговѣніемъ мой животворящій свѣтъ и освѣтитъ имъ сущую въ тебѣ сатанинскую или умерщвляющую тьму.

III. Законъ для бессмертныхъ людей.

Такъ Ёгова объявляетъ іудеямъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ людямъ. Я любви вашей хочу, а не жертвъ; и чтобы вы узнали, кто Я такой, — хочу не всесоженій; но вы заблуждаетесь, или не знаете, что все писаніе Синайское и пророческое состоитъ въ исполненіи только одного слова — любви.

¹⁾ Земли преображенной, а не настоящей.

IV. Двѣ темы, предъ которыми Златоусты всѣхъ вѣръ становятся нѣмы.

А) Вопль христіанина, погибающаго отъ христіанскаго и жидовскаго варварства, порабощенія, голода и холода: „братія, христіане, украшенные золотомъ и драгоценными камнями и трамблянствующіе подъ многооркестную музыку, съ грохотами, звовами, катавасіями, съ миллионными фейерверками; или всѣ вы, всехвальныя владыки мракобѣснаго христіанскаго міра сего! Не пожелаетъ-ли кто изъ васъ полюбить меня такъ, какъ заповѣдалъ Господь въ новой или Іерусалимской заповѣди (Іоан. 13, 34. 35. 15, 12. К. С. 22—4). Б) Вопль іудея, погибающаго отъ жидовскаго и христіанскаго варварства, голода и холода: братія, іудеи, украшенные золотомъ и драгоценными камнями и трамблянствующіе подъ много-оркестную музыку съ миллионными фейерверками! Или всѣ вы, восхвальныя владыки мракобѣснаго міра сего іудейскаго! Не пожелаетъ-ли кто изъ васъ полюбить меня такъ, какъ заповѣдалъ Господь Ёгова въ Синайской заповѣди (3 М. 19—18).

V. Отвѣтъ всѣхъ вельможъ и богачей всякихъ вѣръ на оный вопль страдальцевъ.

Нѣтъ, мазурики и лѣнтыи, этими вашими крамольными или социалистскими воплями бѣ намъ вы не уймете нашъ благородно-просвѣщенный разгулъ и не заставите нашу сладострастно-упитанную мамону побрататься со всякою пусто-брюхою сволочью въ силу сихъ заповѣдей чловѣкобожіихъ, ибо мы хорошо знаемъ, что этихъ заповѣдей Ёго еще никто изъ смертныхъ не исполнилъ, да и исполнить не можетъ, потому что и до сихъ поръ еще не разрѣшенъ вопросъ: *кого* царь, князь, генералъ, баринъ или помѣщикъ, богачъ, солдатъ, крестьянинъ или рабъ, трубочистъ, прохвостъ, свинопасъ, или пастырь псовъ (К. С. 22—15): *папа, кардиналъ, патріархъ, митрополитъ, архіерей, протопопъ, попъ, дьячокъ, суперинтендентъ, пасторъ, раббинъ и святой чудотворецъ должны при-знавать за ближняго своего и любить его какъ самого себя?*— Ей, истинно, что сей вопросъ еще не разрѣшенъ у сатанинскихъ людей.

VI. Моя защита Бога моего Ёгови отъ онаго изрыганія хулы на Него.

Эй вы, хотя слѣпые, глухіе и заживо мертвые, но хитро ныряющіе въ библейскую глубину смертной воды и вытаскивающіе оттуда разные законы и истинныя вѣры; или всѣ вы всехвальныя и чудотворнѣйшіе вседержители тьмы, варварства, рабства и суевѣрія, богословы или талмудисты и непогрѣшимые пастыри мятущихся въ вашей сатанинской тьмѣ и згорающихъ въ ея церквахъ, театрахъ, киркахъ и синагогахъ и погибающихъ отъ землетрясеній и азвъ псовочеловѣческихъ стадъ! Заклинаю васъ именемъ распятаго Бога моего Ёгови и вмѣстѣ съ тѣмъ грозно повелѣваю вамъ, чтобы вы объявили во всеуслышаніе на весь міръ ваше возраженіе вельможамъ и богачамъ (да и самимъ себѣ) на оный ихъ адскихристіанскій и сатавински—жидовскій или богохульный отвѣтъ страдальцамъ, дабы всѣ народы и племена всякихъ вѣръ (уже покрытые сатанинскою тьмою) уразумѣли бы окончательно эти мбротворческія повелѣнія (или по вашему заповѣди) Царя Царей и Бога боговъ и уничтожили-бы на 1000 лѣтъ всѣ своекорыстныя или умерщвляющія вѣры, раздѣленіе, ненависть, вражду, крамолы, убійства, взрывы, поджоги, хищенія и порабощенія и расковали-бы ихъ адское или православно-христіанское оружіе на оралы, и истребили-бы всѣхъ и всякихъ вседержителей тьмы, т. е.: папъ, поповъ, ксендзовъ, пасторовъ, раббиновъ, мулловъ и уставщиковъ или законниковъ, дабы настали скорѣй предсказанныя челоѣкобогомъ миръ, свобода и благоденствіе всѣмъ народамъ и начали бы всѣ поклоняться, кадить и приносить чистыя жертвы только предъ святѣйшимъ и спасительнымъ именемъ Богоеврея Ёгови.

VII. Воззваніе ко всѣмъ іудеямъ.

Возымѣйте уши, отверженные Ёговою іудеи! Всѣ ваши святыя пророки и Самъ Ёгова во всѣ времена увѣряютъ, что талмудно-іудейская религія есть самая суевѣрнѣйшая и враждотворная или безчеловѣчная изъ всѣхъ религій и что вы іудеи суть самый негодный и упрямѣйшій народъ, слѣпы, глухи, съ мѣдными лбами, съ каменными сердцами, съ желѣз-

ными затылками, и убивающіе св. пророковъ и самаго Ёгову и не знаете Бога Своего. Геперь-же я открылъ вамъ, да и всему міру, кто такой Ёгова и посему услыште же сей гласъ его къ вамъ! Швырните въ огонь всѣ ваши священныя квиги, вмѣстѣ съ христіанскими, кромѣ К. С. и то моего перевода, и на мѣсто ихъ каждый и каждая изъ васъ напиши на сердцѣ своемъ только одно слово: любовь, т. е. самоотверженную любовь къ распятому Ёговѣ и гуманную ко всѣмъ человѣкамъ, даже ко врагамъ, ибо въ новозавѣтномъ царствѣ Его на 1000 лѣтъ будетъ все новое и основано уже не на частной израильской истинѣ, а на общечеловѣческой и общеміровой гуманности (или человѣколюбій); дабы всѣ народы и племена, обнимаясь по братски съ новозавѣтнымъ израилемъ съ восторгомъ возглашали бы въ продолженіе 1000 лѣтъ: Слава и благодареніе Всевышнему Богу боговъ за установленный Имъ миръ по всей землѣ и за Его неизреченное милосердіе ко всѣмъ человѣкамъ, отторгнутымъ отъ Него, или неустоявшимъ противъ сильнѣйшихъ обольщеній золотомъ, деспотизмомъ, красивыми обрядами и презабавными моленіями исконнаго всемірнаго губителя человѣческаго рода и ангеловъ. Но, если вы воспротивитесь сему повелѣнію Ёговы, то не спасутъ васъ отъ гибели никакія адски-безчеловѣчныя хитрости, ни милліардные подкупы вашими-же мѣднолобыми и безчеловѣчными атаманами: монтефіорами ¹⁾ и ротшильдами и не закупитъ васъ отъ страшнаго гнѣва Ёговы слѣпая надежда ваша на святыя пророчества, и не дождетесь пришествія къ вамъ Мессіи такого-же мѣднолобаго и безчеловѣчнаго, какъ и вы, ибо вашъ Мессія, царь Отецъ и учитель есть самъ-же человѣколюбивый Ёгова.

Караимы безъ всякихъ книгъ и пророчествъ будутъ взяты въ Ерусалимъ на 1000 лѣтъ, а вы, какъ порожденіе ехиднино, вампиры и людоѣды, будете взорваны динамитомъ всемірныхъ истребителей рабства и грабительства ²⁾. Ей, истинно! И даже утверждаю эту истину новымъ именемъ Ёговы. Аминь. Ёгова каждый день простираетъ къ вамъ руки Свои и проситъ васъ

¹⁾ Монтефіоре—сэръ Мозесъ, баронетъ, еврейскій филантропъ (1784—1885).

²⁾ Известно, что уже теперь „ѳгоинсты“ присылаютъ своимъ обличителямъ адскія машинки...

возвратиться къ Нему, и я тоже съ искреннею любовью умоляю васъ; отстаньте отъ сатаны, какъ можно скорѣе и возвратитесь къ Ёговѣ! А это значить: не кипятитесь и не бѣситесь оттого, что Ёгова заговорилъ съ вами не по еврейски и не чрезъ еврея, а съ благоговѣніемъ прочитайте всѣ три моя книжки (т. е. общечеловѣческую истину, толчекъ и свидѣтельство Бога св. пророковъ) и вы истинно познаете Бога Отца вашего и Мессію Еврея Ёгову; а познавши Его, отдайте Ему всю жизнь вашу, т. е. бросьте всѣ ваши человѣческія средства, хитрости, и надежду на золото заживомертвыхъ атамановъ вашихъ, въ сохраненіи ими вашего іудейства, ненавистнаго Ёговѣ, а начните буквально (безъ всякихъ Сауловскихъ разсужденій) исполнять все такъ, какъ Ёгова нынѣ повелѣваетъ и повелѣвать вамъ станетъ, хотя бы за это довелось вамъ и умереть мученическою смертію. А иначе Ёгова сдержитъ Свое слово, что не возвратится къ вамъ безъ вашего возвращенія къ Нему и не можетъ оторвать васъ отъ сатаны,—ей истинно! И какъ посланникъ отъ Ёговы объявляю вамъ эту святую волю Его! Ей, ей, мнѣ жаль васъ! Но да сбудется Писаніе. Кто же изъ васъ услышитъ сей гласъ Ёговы и очнетса отъ многовѣковаго сатанинскаго или талмуднаго одурманенія, тотъ и пади ницъ предъ именемъ „Ёгова“ и воздай Ему твою искреннюю благодарность и послѣ постарайся воскресить эту же истину и другихъ заживомертвыхъ іудеевъ и гейдѣновъ, т. е. переводи на другіе языки, раздавай и рассылай общечеловѣческую истину или животворящій свѣтъ Ёговы всѣмъ народамъ и племенамъ отъ востока до запада, согласно повелѣнію Его у Мал. 1—11, 14; К. С. 15—4; Ис. 56, 23 и, наконецъ, выучи на память сей гимнъ и пой его съ музыкой и благоговѣніемъ къ Ёговѣ за такое дивное тебѣ откровеніе отъ Него и сдѣлайся братомъ мнѣ и всѣмъ святымъ пророкамъ и другомъ Ангеловъ Ёговы и исполняй сказанное въ концѣ II ст. здѣсь.

VIII. Страшная новость.

Братія, всѣ человѣки всякихъ вѣръ! Объявляю вамъ такую новость, которая никогда никому на мысль придти не могла! Каждый, кто любитъ и исполняетъ ложь, т. е. законъ враждо-

творной вѣры или суевѣріе, будутъ ввергнуты въ огненную лаву (или озеро) и такая же участь всѣмъ струсившимъ, т. е. кои, устращась инквизиціи и гоненій, отрекутся отъ общечеловѣческой религіи Ёгови и возвратятся опять въ отдѣльную враждотворную) или сатанинскую вѣру и скоро многіе еврейскіе города (и особливо большіе) будутъ разрушены динамитомъ и Европу раздѣлять на 3 части ¹⁾.

ІХ.

Кто получитъ эту книжку, того я заклинаю именемъ Ёгови: не утаивать, а распространять сей Божій призывъ всѣхъ людей въ единство миротворной вѣры въ Него и къ безсмертію при Немъ.

Х.

Свѣтъ гейдѣнамъ и образумленіе іудеямъ „Ёгови“, ибо такъ говоритъ обо мнѣ Ёгова: „пришедшаго на сѣверъ съ востока (т. е. съ Урала, изъ Баракчи или изъ Екатеринбурга) Я возбужду на сѣверѣ (т. е. на Соловецкомъ островѣ въ инквизиціонномъ казематѣ) и онъ возвѣститъ всѣмъ народамъ имя мое и общечеловѣческую истину (или общую для всѣхъ людей богословскую и философскую правду), но возвѣститъ такъ удивительно, что ни публичной проповѣди его, ни даже треска отъ переломленнаго имъ прутика на улицѣ никто не услышитъ (т. е. вмѣсто словесной проповѣди я долженъ послать на весь міръ двѣ книжки: общечеловѣческую истину или свѣтъ народамъ и сильнѣйшій толчекъ въ мѣдныя лбы іудеямъ или образумленіе,—которыя уже разосланы и рассылаются Ёговою, но только ищите ихъ и найдете; стучитесь прямо къ Ёговѣ и Онъ дастъ вамъ ихъ), т. е. Его-то я сдѣлалъ образумленіемъ народу іудейскому и свѣтомъ гейдѣнамъ. Ну, вотъ для чего Ёгова проявилъ меня въ міръ сей! Имѣющій уши слышашія прислушайся къ симъ словамъ Ёгови.

И, наконецъ, если я невѣрно благовѣствую въ сей міръ—общечеловѣческую миротворную истину, то опровергните ее; а если же опровергнуть не можете, то признайте торжественно и

¹⁾ Подобное пророчество, если принять во вниманіе переживаемое нами время можетъ смутить не одного простака въ нашихъ селахъ и хуторахъ.

съ благодареніемъ Ёгови, что я есть посланникъ отъ Него для привода всѣхъ людей въ единство вѣры въ Него и братскій союзъ при Немъ, ура! Аллилуя предвѣчно-безсмертному чело-вѣку Ёговѣ, распятому для блага человѣчества и всей твари!

Другъ человѣчества или нежелающій смерти никому изъ чело-вѣковъ, какъ не желаетъ ее и „Ёгова“. Аминь!

М. и в. Т.

Въ приведенной „Эссенціи“, какъ выше сказано, изложена сущность ученія Іеговистовъ. Послѣдніе задались цѣлью объеди-нить все человѣчество одною „общечеловѣческою религіею“. Всѣ существующія отдѣльныя религіи они признали „адски-враждотворными“, мѣшающими водворенію на землѣ среди людей братства и мира. Собственная религія „ёговистовъ“ состоитъ всего лишь въ одномъ словѣ „любви“, — любви къ „Ёговѣ“ и ко всѣмъ вѣрующимъ въ него людямъ. Имѣющей такую „любовь“ становится безсмертнымъ, потому что въ этой любви и заключается „законъ для безсмертныхъ людей“. Исто-чникомъ безсмертія является „Ёгова“. Онъ—безсмертный че-ловѣкобогъ и, по природѣ, еврей. Распятый „Ёгова“—есть обѣщанный Мессія. Въ мірѣ и сейчасъ происходитъ борьба „Ёгови“ съ другимъ чело-вѣкобогомъ Сатаною. Сатана—исто-чникъ смерти, отдѣляющей людей отъ безсмертія разными вѣ-рами, обрядами и законами. По истеченіи 6000 лѣтъ, „Ёгова“ побѣдитъ Сатану и оснуетъ въ Іерусалимѣ 1000-лѣтнее цар-ство; а затѣмъ окончательно истребитъ Сатану, сдѣлаетъ новую землю и поселится на ней съ „безсмертными“ людьми на 280000 лѣтъ. Блаженство „безсмертныхъ“ людей будетъ не-скончаемое и только спустя 280000 лѣтъ будетъ чрезъ из-вѣстные періоды времени все улучшаться и улучшаться. Въ „Гимнѣ“ оно рисуется исключительно чувственнымъ или ма-теріальнымъ. Всѣ, не принявшіе „Ёгови“, будутъ мучимы жупельнымъ огнемъ.

Соціальный элементъ въ сектѣ ярко выступаетъ въ „воплѣ страдальцевъ“ и въ „отвѣтѣ“ на этотъ вопль „вельможь и богачей всякихъ вѣръ“. Іеговисты не брезгаютъ въ отношеніяхъ

къ своимъ противникамъ прибѣгать къ „динамитному“ террору и къ убійствамъ.

Въ такихъ краткихъ чертахъ выступаетъ предъ нами секта „Ѣговистовъ“, занесенная съ Кавказа въ предѣлы и нашей епархіи. Она отличается сильнымъ прозелитизмомъ. Каждый „Ѣговистъ“ съ цѣлью достигнуть „безсмертія“ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ распространять произведенія „Ѣговъ“ и призывать къ нему людей. Посему-то и въ „Эссенціи“ повелѣвается: „распространять сію найдрагоцѣннѣйшую книжку“ или „сей Божій призывъ“ и „переводить её на равные языки, раздавать и рассылать“. Все это и побуждаетъ насъ бдительно стоять на стражѣ своихъ овецъ, чтобы въ—время защитить ихъ отъ „хищныхъ волковъ“¹⁾. И. Айвазовъ.



Архіерейскія богослуженія.

27-го августа, въ воскресенье, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій, и Ахтырскій, изволилъ совершить литургію и молебенъ въ Свято-Димитріевскомъ храмѣ Ряснянскаго монастыря. Въ сослуженіи съ Его Высокопреосвященствомъ были: архимандритъ Святогорскаго монастыря Вассіанъ, пгумень Ряснянскаго монастыря Тихонъ, ключарь кафедральнаго собора прот. Іоаннъ Гоячаревскій, благочинный 2 Ахтырскаго округа священникъ Григорій Шебатинскій и восемь іеромонаховъ при протодіаконѣ и трехъ іеродіаковахъ.—Въ концѣ литургій Владыка произ-

¹⁾ Печатная литература о сектѣ „Ѣговистовъ“ невелика. Её можно исчерпать слѣдующими указаніями: „Миссіонерское Обзорніе“—1896 г. февр.; 1899 г. янв. апр.; 1900 г. февр. сент. декабрь; 1901 г. іюль—сентябрь; 1906 г. янв. іюль; „Пермск. Епарх. Вѣдом.“ 1867 г. № 24; „Правосл. Обзор.“ 1867 г. іюль; „Правосл. Собесѣд.“ 1876 г. май; „Стран.“ 1897 г. 1 кн.; „Дѣян. 3-го Всерос. Мисс. Съѣз. въ Казани“ Кіевъ, изд. В. М. Скворцова; „Миссіонер. Слутникъ“ 2 изд. В. М. Скворцова; „Краткая исторія и вѣроученіе русскихъ рационалистич. и мастич. сектъ“ прот. Н. Кутелова; „Руководство по исторіи и обличенію раскола“ проф. Н. Ивановскаго, Каз. 1890 г.; „Сіонская вѣсть и секта Іеговистовъ—Г. Добротина, СПб. 1905 г.

несъ прекрасное и пространное слово о важности в надлежащемъ совершеніи въ монастыряхъ богослуженій, о необходимости строгой истинно иноческой жизни и развитіи благотворительности по отношенію къ мірянамъ.—При этомъ служеніи монахъ Павлинъ рукоположенъ во иеродіакона.

— 28-го августа, въ понедѣльникъ, въ 5-мъ часу пополудни Его Высокопреосвященствомъ, при значительномъ стеченіи народа, совершенъ былъ крестный ходъ изъ Николаевской церкви с. Семеренья, Ахтырскаго у., въ новооснованный при этомъ сельскій женскій монастырь. Въ тотъ же день, въ 7 час. вечера, Его Высокопреосвященствомъ совершено было, всонощное бдѣніе въ Серафимовской церкви Семереньской женской общины. Въ сослуженіи участвовали: архимандритъ Вассіанъ, игуменъ Тихонъ, ключарь протоіерей Іоаннъ Гончаревскій, благочинный 2 ахтырскаго округа протоіерей Василій Ѳедоровъ, благочинный 3 ахтырскаго округа священникъ Григорій Шебатинскій, священникъ с. Криничнаго Николай Авксентьевъ, священникъ с. Бѣлки Захарій Туранскій и священникъ с. Семереньки Андрей Проскурниковъ.

— 29-го августа, въ день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя, Его Высокопреосвященствомъ въ томъ же храмѣ и въ сослуженіи тѣхъ же священнослужителей совершена была литургія. Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ весьма поучительное слово о великомъ значеніи добродѣтели—цѣломудріи, которое особенно должно быть украшеніемъ дѣвственницъ—инокинь.—При этомъ служеніи священникъ Николаевской церкви с. Семереньки Андрей Проскурниковъ награжденъ набедренникомъ и псаломщикъ той же церкви Ѳедоръ Лѣпскій посвященъ въ стихарь.—Въ тотъ же день Преосвященный Евгений, Епископъ Сумскій, совершалъ литургію въ Усѣквенской кладбищенской г. Харькова по случаю храмоваго праздника.

— 30-го августа, въ день, св. князя Александра Невскаго, Его Высокопреосвященство изволилъ служить молебенъ, послѣ литургіи, въ Свято-Димитріевскомъ Храмѣ Ряснянскаго монастыря, послѣ чего прощался съ монастырской братіей.

— Въ тотъ же день Преосвященный Евгений, Епископъ Сумскій совершалъ литургію въ Харьковской Александро-Невской церкви, что на Заяковкѣ, по случаю храмоваго праздника.

— 31 августа, въ четвергъ, Его Высокопреосвященство изволилъ служить молебенъ въ Іоанно-Богословской церкви духовной семинаріи, предъ началомъ учебныхъ занятій въ Семинаріи. Предъ

молебномъ Владыка произнесъ прекрасную трогательную рѣчь въ воспитанникамъ, въ которой, напомнилъ о печальныхъ событіяхъ предыдущаго года, призывалъ воспитанниковъ къ спокойнымъ и усерднымъ занятіямъ въ наступающемъ учебномъ году.

— 3-го сентября, въ воскресенье, Его Высокопреосвященствомъ была совершена литургія въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Евгеніемъ, Епископомъ Сумскимъ и 24-ми о.о. благочинными и уполномоченными епархіальнаго съѣзда, а именно: благочинными—протоіереемъ Михаиломъ Червявскимъ, протоіереемъ Василіемъ Петровскимъ, протоіереемъ Василіемъ Добровольскимъ, протоіереемъ Александромъ Червонецкимъ, протоіереемъ Стефаномъ Кохановымъ, протоіереемъ Алексѣемъ Стапславскимъ, предсѣдателемъ епархіальнаго съѣзда священникомъ Петромъ Скубачевскимъ, благочинными—священникомъ Петромъ Чудновскимъ, священникомъ Петромъ Антоновымъ, священникомъ Варсонофіемъ Антоновскимъ, священникомъ Іоанномъ Золотаревымъ, священникомъ Григоріемъ Шебатинскимъ, священникомъ Ѳедоромъ Бородаевымъ, священникомъ Іоанномъ Макаровскимъ и уполномоченными—священникомъ Николаемъ Авксентьевымъ, священникомъ Василіемъ Евецкимъ, священникомъ Василіемъ Ивановымъ, священникомъ Михаиломъ Добрецкимъ, священникомъ Петромъ Лукашевичемъ, священникомъ Евгеніемъ Повомаревымъ, священникомъ Митрофаномъ Шебатинскимъ, священникомъ Николаемъ Вознесенскимъ, священникомъ Стефаномъ Ильинскимъ и священникомъ Автономъ Рудневымъ. Въ концѣ литургіи Его Высокопреосвященствомъ произнесено воодушевленное слово о любви къ Богу, ближнимъ и самому себѣ въ приложеніи къ современнымъ прискорбнымъ явленіямъ въ жизни русскаго народа. При этомъ служеніи діаконъ Преображенской церкви с. Заботной, Старобѣльскаго уѣзда, Василій Григоровичъ рукоположенъ Архіепископомъ Арсеніемъ во священника къ Петро-Павловской церкви с. Павловки того же уѣзда, а учитель церковно-приходской школы Александръ Каранчевъ рукоположенъ Епископомъ Евгеніемъ во діакона къ Троицкой церкви с. Черняговки, Старобѣльскаго уѣзда. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ объ умиротвореніи государства.

— 7-го сентября, наканунѣ праздника Рождества Пресвятой Богородицы, Его Высокопреосвященствомъ совершено было все-нощное бдѣніе въ Вознесенскомъ храмѣ Хорошевскаго дѣвичьяго монастыря при участіи архимандрита Святогорскаго монастыря

Васіана, ключаря кафедральнаго собора протоіерея Іоанна Гончаревскаго, монастырскаго протоіерея Полкарпа Пономарева, благочиннаго священника Василя Любчинскаго, монастырскаго священника Дмитрія Вербицкаго и священника с. Хорошева Григорія Крыжановскаго.

— Въ тотъ же день Его Преосвященство, Епископъ Евгений, въ 11 часовъ утра совершилъ отпѣваніе скончавшагося 5 сентября священника церкви училища слѣпыхъ о. Василя Самойлова, а въ 6 часовъ вечера всенощное бдѣніе въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи соборнаго причта.

— 8-го сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершилъ литургію въ Вознесенскомъ храмѣ Хорошевскаго дѣвичьяго монастыря въ сослуженіи тѣхъ же священно-служителей. При этомъ служеніи, во время малаго входа, настоятельница Хорошевскаго монастыря монахиня Максимила была посвящена въ санъ игуменіи. Послѣ литургіи Владыка, вручая жезлъ новопоставленной игуменіи и ко всѣмъ сестрамъ обители, — о важности назначенія и задачъ монастырей и о необходимости усердно работать къ выполневію этихъ задачъ.

Въ тотъ же день Его Преосвященство Евгений, Епископъ Сумскій, совершилъ литургію въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи 24 о.о. благочинныхъ и уполномоченныхъ епархіальнаго съѣзда, а именно: благочинныхъ — протоіерея Арсенія Павлова, прот. Алексѣя Чугаева, прот. Василя Аристова, свящ. Павла Булгакова, свящ. Михаила Сѣкварскаго, свящ. Михаила Согана, свящ. Василія Попова, свящ. Гавріила Бѣлоусова, свящ. Михаила Пономарева, свящ. Іоанна Бравловскаго, свящ. Николая Сергѣева и свящ. Митрофана Торанскаго и уполномоченныхъ: свящ. Петра Юшкова, свящ. Афанасія Тимонова, свящ. Василя Маслова, свящ. Петра Литкевича, свящ. Николая Сильванскаго, свящ. Дмитрія Томашевскаго, свящ. Алексѣя Оптовцева, свящ. Аполлонія Гончаревскаго, свящ. Теофала Дейниковскаго, свящ. М. Роговскаго, свящ. Константина Жуковскаго и свящ. Іосифа Петровича. При этомъ служеніи діаконъ Харьковской Александро-Невской церкви Іоаннъ Бородинъ рукоположенъ во священника къ Николаевской церкви, с. Н.-Николаевки, Купянскаго уѣзда и окончившій курсъ Тверской духовной семинаріи Дмитрій Ушаковъ —

во діакона къ Преображенской церкви, что на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда.

— 10-го сентября, въ воскресенье, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершилъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря въ сослуженіи Преосвященнаго Епископа Евгенія, архимандритовъ Вассіана и Іосифа и 22-хъ о.о. благочинныхъ и уполномоченныхъ епархіальнаго съѣзда, а именно: благочинныхъ—прот. Петра Полтавцена, прот. Василя Ѳедорова, прот. Іоанна Ѳедоровскаго, свящ. Іакова Попова, свящ. Филарета Антонова, свящ. Іоанна Дмитріева, свящ. Василя Любчинскаго, свящ. Мелетія Быковцева, свящ. Василя Флорянскаго, свящ. Іоанна Кузнецова, свящ. Алексѣя Жадановскаго и уполномоченныхъ: свящ. Сумеона Недѣльки, свящ. Николая Касьянова, свящ. Иларіона Жукова, свящ. Александра Лонгина, свящ. Мвхана Сильванскаго, свящ. Петра Рубинскаго, свящ. Василя Петрусенка, свящ. В. Загурскаго, свящ. Дмитрія Люмиварскаго, свящ. Іоанна Пяпенко и свящ. Дмитрія Вербицкаго. При этомъ служеніи окончившій курсъ духовной семинаріи Александръ Сапухинъ рукоположенъ Архіепископомъ Арсеніемъ во священника къ Христорождественской церкви, с. Нижней Верхосулка, Лебединскаго уѣзда, и учитель церковно-приходской школы Александръ Базилевчъ рукоположенъ Епископомъ Евгеніемъ во діакона къ Покровской церкви, сл. Хотомля, Волчанскаго уѣзда.

Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ объ умиротвореніи государства.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской Духовной Семинаріи.

31-го августа Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, пзводилъ посѣтить Харьковскую Духовную Семинарію.

Прибывъ въ Семинарію около 10 часовъ утра, Владыка былъ встрѣченъ ректоромъ Семинаріи, прот. А. М. Юшковымъ, инспекторомъ Семинаріи Л. М. Багрецовымъ, преподавателями Семинаріи и хоромъ воспитанниковъ. Благословивъ всѣхъ и выслушавъ пѣнію „исполнила эти деспота“, Архипастыръ приказалъ размѣстить воспитанниковъ по классамъ. Затѣмъ Владыка, въ сопровожденіи о. ректора, обошелъ всѣ комнаты стараго и новаго корпуса и осмотрѣлъ произведенный въ нихъ ремонтъ. Въ каждомъ классѣ

Святитель преподавалъ благословеніе и убѣждалъ воспитанниковъ усердно заниматься въ наступившемъ новомъ учебномъ году.

Въ 12 час. дни всѣ воспитанники, по приказу Архіепископа, собраны были въ Семинарскомъ храмѣ. Здѣсь же находилась вся корпорація Семинаріи в многіе взъ родителей воспитанниковъ, пожелавшихъ помолиться вмѣстѣ съ ними предъ началомъ учебнаго года. Прослѣдовавъ въ храмъ, Высокопреосвященный облачился в затѣмъ, выйдя ва солею, обратился къ воспитанникамъ со слѣдующею рѣчью:

„Возлюбленные о Господѣ юноши!

Съ сегодняшняго дня, послѣ значительнаго лѣтняго перерыва, настаетъ новый годичный кругъ вашихъ трудовъ по снисканію вами *премудрости*,—по обогащенію себя познаніями и по развитію своихъ природныхъ дарованій. Поздравляю васъ съ этимъ наступившимъ новымъ учебнымъ годомъ!

Вашъ о. Ректоръ просилъ меня благословить васъ предъ началомъ ученія. Но я пожелалъ, какъ видите, не только благословить, но и помолиться вмѣстѣ съ вами о испосланіи вамъ освященія свыше.

Въ былое время родители отиравли свои хъ чадъ въ учебныя заведенія съ твердыми надеждами, вѣрою и любовію. Событія послѣднихъ лѣтъ, а особенно минувшаго учебнаго года, невольно умаляютъ и вѣру и надежду на достодолжное теченіе учебнаго времени: пресловутыя забастовки, проявленія неповиновенія своему ближайшему начальству и другія отступленія отъ школьной дисциплины еще слишкомъ свѣжи въ нашей памяти... Не избѣжали нелегальныхъ поступковъ и вы, питомцы Харьковской семинаріи. За исключеніемъ новопоступившихъ, воспитанники этой семинаріи должны хорошо запомнить 28 сентября минувшаго года, когда я посѣтилъ семинарію и болѣе часа велъ бесѣду, убѣждая не прекращать занятія и терпѣливо ожидать грядущихъ реформъ духовно-учебныхъ заведеній. Я указывалъ тогда вамъ, что къ обсужденію этихъ реформъ уже приступлено, но что столь важное дѣло не можетъ и не должно быть исполнено наскоро. Убѣждалъ я васъ и въ томъ, что нѣкоторыя требованія ваши совершенно неисполнимы. Внушалъ вамъ пожалѣть своихъ бѣдныхъ родителей, изображалъ вамъ горе отцовъ и матерей, невознаградимость потеряннаго времени и предстоящія опасности каждому изъ васъ лично... Плакалъ я тогда, бесѣдуя съ вами, но злое сѣмя, гѣмъ-то посѣянное, пустило уже такіе большіе корни, что вы заявили

о безповоротности своего рѣшенія и о прекращеніи занятій... Въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года нѣкоторые изъ воспитанниковъ нашей семинаріи снова позволили себѣ проступокъ, положившій большое пятно на эту семинарію... Избави насъ Господи на будущее время отъ такого горя! Прошу васъ быть благонравными, скромными, прилежными къ наукамъ, усердными къ молитвѣ и послушными своему начальству.

Могу сообщить вамъ, что наше высшее начальство уже составило новыя положенія объ улучшеніи духовно-учебныхъ заведеній. Въ августѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ были вызваны лучшіе представители учебнаго и воспитательнаго дѣла нашихъ семинарій и училищъ. Совмѣстно съ членами Учебнаго Комитета, эти представители выработали цѣлую программу по подъему учебной, воспитательной, административной и хозяйственной сторонъ упомянутыхъ учебныхъ заведеній. Несомнѣнно приведеніе этой программы въ исполненіе послѣдуетъ въ самомъ недалекомъ будущемъ. Ведите же себя спокойно, тихо и мирно и неуклонно стремитесь въ область книжной премудрости! Сохрани васъ Богъ сдѣлать подмѣну истинной цѣли исканія премудрости тусклыми самодѣльными свѣтильниками, отъ которыхъ въ концѣ концовъ остаются лишь дымящіяся головни разочарованія и отчаянія!

Помолимся, чтобы началомъ снисканія вами премудрости было всажденіе вами въ сердца свои *страха божественнаго*, который одинъ только въ состояніи сдержать въ васъ *буесть юности*, т. е. дурныя склонности и порывы. Господь да подастъ вамъ *силу и крѣпость*, во еже скоро *пріяти и сплѣнно навикнути божественнаго закона Его наказанію и всему благому и полезному ученію*, дабы быти вамъ *премудростію и возрастомъ во славу Божию, добродѣтельнымъ житіемъ и благосостояніемъ въ православно-каволической въ утвержде. Любовію воспитавшись, любовію созрѣвайте въ благонравіи и Богъ мира и любви да будетъ съ вами!*"

Затѣмъ Владыкою было совершено молебствіе въ сослуженіи о ректора семинаріи, прот. А. Юшкова, ключаря кафедральнаго собора, прот. І. Гончаревскаго, духовника семинаріи, свящ. С. Крохатскаго и трехъ іереевъ, сыновья которыхъ обучаются въ семинаріи. Преподавъ затѣмъ, по окончаніи молебна, всѣмъ присутствовавшимъ въ храмѣ благословеніе, Высокопреосвященный разоблачился и прослѣдовалъ въ квартиру о. ректора. Въ первомъ часу дня Владыка отбылъ изъ Семинаріи.

Собрание Братства Озерянской Божіей Матери.

8-го сентября въ покаяхъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, состоялось подъ предсѣдательствомъ Архіепископа Арсенія собрание братства Озерянской Божіей Матери. На собраніи присутствовало все городское духовенство и всѣ депутаты епархіальнаго съѣзда. Послѣ пѣнія молитвы „Днесь Благодать Святаго Духа нась собра“ предсѣдатель собранія обратилъ къ присутствовавшимъ съ краткой рѣчью, въ которой привѣтствовалъ собраніе, указывалъ на тѣ важныя задачи, которыя предстоить разрѣшить собранію, благодарилъ собравшихся за оказанное имъ вниманіе братству, объявилъ собраніе открытымъ и предложилъ выслушать рѣчь миссіонера Айвазова. Въ рѣчи своей миссіонеръ Айвазовъ разбиралъ съ христіанской точки зрѣнія ученіе о социализмѣ и приглашалъ всѣхъ сплотиться для борьбы съ этимъ зломъ.

По окончаніи рѣчи хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ былъ исполненъ концертъ и приступлено было дѣлопроизводителемъ братства И. О. Самойловичемъ къ чтенію отчета о дѣятельности братства за 1905/6 годъ. Дѣятельность братства представляется въ слѣдующемъ видѣ: согласно своей основной задачѣ—братство въ отчетномъ году первое свое вниманіе обратило на устройство религіозно-нравственныхъ чтеній и виѣбогослужебныхъ собесѣдованій какъ въ Харьковѣ, такъ и въ уѣздахъ его. Революціонное движеніе, охватившее въ прошломъ году всю Россію, оказало неблагоприятное вліяніе и на братскія чтенія. Такъ, вслѣдствіе происходившихъ въ Харьковѣ октябрьскихъ и декабрьскихъ забастовокъ, братство лишено было возможности открыть религіозно-нравственные чтенія на заводѣ Гельферихъ-Саде и паровозостроительномъ, гдѣ организованныя чтенія въ предшествовавшемъ году прошли съ виднымъ успѣхомъ. Особенностью чтеній минувшаго года состояло то, что программы и порядокъ чтеній въ нѣкоторыхъ храмахъ наканунѣ объявлялись черезъ вывѣшываніе въ притворахъ особыхъ печатныхъ объявленій.

Такимъ образомъ, чтенія происходили во всѣхъ храмахъ г. Харькова. Кромѣ чтеній и собесѣдованій обычнаго религіозно-нравственнаго характера Совѣтомъ братства въ теченіе Великаго поста еще устроены чтенія особаго—научно-богословскія, предназначенныя преимущественно для интеллигентной публики. Такихъ чтеній было шесть; происходили они въ городскомъ залѣ думскихъ засѣ-

даній на темы: „Н. И. Проховъ и школа нашего времени“, „Краткій очеркъ русскаго сектанства“, „Нравственный смыслъ переживаемыхъ событій“, „В. С. Соловьевъ и его религіозно-нравственные идеалы“, „О возрожденіи церковно-приходской общины“, „Въ защиту патріотизма“.

Кромѣ устройства чтеній, Совѣтъ братства старался по мѣрѣ своихъ силъ осуществить и другія задачи, возложенныя на него уставомъ.

Такъ, Совѣтъ братства распространялъ среди народа брошюры и листы религіозно-нравственнаго содержанія.

Помимо изданія и распространенія книгъ и брошюръ, Совѣтъ братства заботился объ устройствѣ библиотекъ подвижныхъ и постоянныхъ библиотекъ-читалень.

Всѣхъ подвижныхъ библиотекъ было устроено 11 въ Харьковѣ, въ Ахтырскомъ уѣздѣ 9, Богодуховскомъ 13, Валковскомъ 3, Волчанскомъ 4, Зміевскомъ 6, Изюмскомъ 7 и Старобѣльскомъ 3. Для устройства и завѣдыванія библиотеками-читальнями были составлены особыя правила. Въ настоящее время существуетъ только одна такая библиотека.

Наконецъ, Совѣтъ братства, сознавая всю трудность выполненія лежащихъ на немъ задачъ и желая привлечь къ активному участию въ дѣлахъ братства всѣхъ членовъ его, съ разрѣшенія Высокопреосвященнаго Арсенія, устраивалъ въ зданіи консисторіи еженедѣльные общія собранія всѣхъ членовъ братства для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ братства и для обмѣна мнѣній по вопросамъ, выдвигаемымъ теченіемъ современной жизни.

Уѣздныя отдѣленія братства въ теченіе прошлаго года были открыты почти во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ Зміевского и Старобѣльскаго. Дѣятельность этихъ отдѣленій происходила на основаніи устава братства и особыхъ дополнительныхъ правилъ, изданныхъ въ руководство отдѣловъ. Въ настоящее время въ Совѣтъ братства поступили отчеты отъ Волчанскаго, Валковскаго и Изюмскаго отдѣловъ. Изъ этихъ отчетовъ видно, что отдѣлы за короткій срокъ своего существованія не успѣли еще надлежаще скрѣпить въ своей организациі и проявить свою дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ.

Изъ денежнаго отчета, прочитаннаго казначеемъ братства свящ. о. Николаемъ Любарскимъ, видно, что въ 1905 году въ кассѣ братства было 2942 р. 89 к.; въ отчетномъ году было израсходовано 550 р. 98 к. и на 1-е января 1906 года оставалось въ

кассѣ 2,391 р. 91 к. Съ 1-го января 1906 г. по сентябрь на приходѣ значилось 4,348 р. 55 к., израсходовано было за это время 341 р. 69 коп.

Намѣтивъ программу дальнѣйшей дѣятельности братства, собраніе признало желательнымъ установить особый значекъ для членовъ братства и рѣшило возбудить объ этомъ ходатайство.

По рассмотрѣніи всѣхъ вопросовъ программы, собраніе было закрыто. (Х. В.).

Праздникъ Успенія Божіей Матери въ Святогорской Успенской пустыни, городѣ Славянскѣ и Спасскомъ монастырѣ, что на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда, близъ ст. „Борки“ и посѣщеніе оныхъ Высокопреосвященнымъ Арсеіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ.

Святогорская Успенская пустынь—это лучший монастырь въ Харьковской епархіи по величинѣ своихъ храмовъ и зданій, по количеству братіи, чудной красотѣ мѣстоположенія, а главное по строго его внутренней жизни и особенному богослужебному уставу, заимствованному отъ извѣстной Глинской пустыни. Слава Святогорскаго монастыря и уваженіе къ нему распространены не только во всей Харьковской епархіи, но и въ соседнихъ—Воронежской, Екатеринославской и области войска Донскаго.

Весной и лѣтомъ въ немъ всегда бываетъ много посѣтителей, но два раза въ году—въ маѣ мѣсяцѣ, ко дню Успенія Божіей Матери, въ немъ стекается большое множество народа, исчисляемое тысячами,—бываетъ до 16-ти тысячъ и болѣе. Въ эти дни, въ виду громаднаго стеченія народа, Святогорскій монастырь имѣетъ обыкновеніе посѣщать и Высокопреосвященнѣйшій Владыка Арсеій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, для служенія и проповѣди народу. По примѣру прежнихъ лѣтъ и въ настоящемъ году Его Высокопреосвященство позволилъ предпринять путешествіе въ Святогорскій монастырь ко дню его храмового праздника—Успенія Божіей Матери, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Славянскѣ для обозрѣнія его четырехъ церквей, а также и въ Спасовъ монастырь, что на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда близъ станціи „Борки“, по случаю его храмового праздника—Образа Нерукотвореннаго Спаса и преобразования этой обители изъ скита въ самостоятельный монастырь.

13-го августа, въ 6 ч. 54 м. веч. Его Высокопреосвященство отбылъ изъ Харькова съ пассажирскимъ ростовскимъ поѣздомъ.

Его сопровождали: ректоръ семинаріи протоіерей о. Алексѣй Юшковъ, благочинной 2-го округа г. Харькова протоіерей о. Василій Добровольскій, ключарь протоіерей Іоаннъ Гончаревскій, протодіаконъ В. Вербицкій и иподіаконъ—М. Фаворовъ и С. Кіенко. 14-го августа въ 5 ч. утра, Владыка со ст. Славянскъ изволилъ выѣхать, въ сопровожденіи настоятеля Святогорскаго монастыря архимандрита Вассіана, въ Святія Горы, куда благополучно прибылъ въ 7 ч. утра и былъ встрѣченъ монастырской братіей.

Послѣ небольшого перерыва начался рядъ монастырскихъ торжествъ, который открылся крестнымъ ходомъ на лодкахъ по рѣкѣ Донцу изъ монастыря въ Скитъ Св. преподобнаго Арсенія Великаго плп, какъ называютъ здѣсь, на святое мѣсто. Въ 8 ч. утра начался звонъ на сборъ къ крестному ходу. Со звономъ изъ Успенскаго собора направилсь въ покои Высокопреосвященнѣйшаго Владыки: монахи—пѣвчіе, іеромонахи, архимандриты и прибывшіе съ Владыкою протоіери для торжественнаго сопровожденія Владыки въ соборъ. Когда всѣ собрались въ покои и все было готово къ шествію, Владыка вышелъ въ залъ и облачился въ мантию, послѣ чего послѣдовало торжественное, „со славою“, шествіе его въ соборъ. Въ самомъ началѣ шли монахи—пѣвчіе и пѣли тропарь Успенія—„Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси“, за ними іеромонахи въ мантияхъ, протоіерей, архимандриты въ мантияхъ, протодіаконъ и діаконъ съ кадилами, трипріемъ и двипріемъ, іеромонахъ съ крестомъ на блюдѣ, и наконецъ Владыка въ мантии съ посохомъ, сопровождаемый иподіаконами. Это шествіе съ пѣніемъ, при колокольномъ звонѣ „во вся“, имѣло очень торжественный видъ, произведившій большое впечатлѣніе на зрителей и внушавшее имъ представленіе о высотѣ архіерейскаго сана и важности архинастырской власти. Торжественность шествія „со славою“ увеличивали еще густыя массы народа, стоявшія по обѣ стороны пути отъ архіерейскихъ покоевъ до лѣстницы, ведущей къ храму, на самой лѣстницѣ и на обширной паперти предъ соборомъ. Народъ съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ смотрѣлъ на эту процессію и съ благоговѣніемъ принималъ благословеніе, которымъ Архинастырь осѣнялъ на обѣ стороны. По прибытіи въ соборъ началось облаченіе Владыки среди храма во всѣ архіерейскія одежды. По окончаніи облаченія священнослужители съ крестомъ, евангеліемъ и особенно чтимыми иконами Успенія Божіей Матери, Св. Николая Чудотворца и преп. Арсенія вышли изъ алтаря на средину храма и—послѣдовало начало молебна.

Послѣ „Богъ Господь“ при пѣніи троиаря „Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси“ начался крестный ходъ во главѣ съ Архіепископомъ; изъ храма онъ черезъ дворъ и св. ворота направился къ рѣкѣ, гдѣ устроена особая крытая въ видѣ павильона, пристань. Здѣсь приготовлена была огромная лодка, устланная коврами, на которой и помѣстились: впереди пѣвчіе, затѣмъ монахи съ крестами и хоругвями, іеромонахи, протоіерей и архимандриты, а посрединѣ Архіепископъ, имѣя позади протодіакона, діаконѡвъ и шодіаконѡвъ. Здѣсь же на рѣкѣ находились цѣлые десятки лодокъ—монастырскихъ и частныхъ всѣ они были переполнены желавшими принять участіе въ крестномъ ходѣ.

Чудную, рѣдкую по красотѣ и торжественности картину представляетъ этотъ крестный ходъ по рѣкѣ! Чудна прежде всего естественная обстановка, среди которой онъ совершается. Широкая и глубокая рѣка заключена здѣсь среди очень живописныхъ береговъ: слѣва, считая по направленію крестнаго хода, громадной высоты, крутая, почти отвѣсная гора, покрытая густымъ лѣсомъ, смѣшаннымъ изъ хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ. Здѣсь на зеленомъ фонѣ лѣсного покрова выдѣляется большая мѣловая, красивая скала съ нѣсколькими острыми вершинами, на которой стоитъ каменная церковь во имя Св. Николая, и имѣется нѣсколько галлерей, огражденных рѣшетками; всѣ эти галлерей были густо уставлены народомъ. Если смотрѣть съ низу, то кажется, что скала виситъ въ воздухѣ, только однимъ бокомъ прикрѣпясь къ горѣ, и что она, вмѣстѣ съ храмомъ и галлерейми, наполненными народомъ, готова оторваться и свалиться въ воду. Направо—низменный луговой берегъ, также покрытый лѣсомъ. И вотъ среди такихъ чудныхъ береговъ, по гладкой поверхности рѣки, по самой срединѣ ея, тихо и плавно движется лодка,—это главная лодка, на которой стоитъ Архіепископъ окружаемый священнослужителями въ блестящихъ облаченіяхъ, на ней совершается пѣніе, которое разносится далеко по рѣкѣ. А по бокамъ этой лодки и сзади ея плыветъ цѣлая флотилія лодокъ, наполненныхъ народомъ. Въ то же время вдоль обоихъ береговъ, по узкимъ тропинкамъ, богомольцы спѣшнымъ шагомъ, сопровождая крестный ходъ, направляются къ скиту, представляя изъ себя непрерывно движущіяся ленты изъ людей. Многие бѣгомъ поспѣшаютъ впередъ, чтобы съ удобнаго мѣста посмотрѣть крестный ходъ, иные съ этою цѣлію помѣщаются на утесахъ, взбираются на деревьяхъ.

Во все время крестнаго хода совершалось пѣніе канона. Высокопреосвященнѣйшій Владыка Арсеній любитъ церковныя торжества и обладаетъ рѣдкимъ умѣніемъ устроить ихъ, давая имъ стройный и благолѣпный порядокъ. Онъ самъ руководилъ всѣмъ, указывая, что пѣть хору, что священнослужителямъ, что пропозносить протодіакону. И какъ трогательно было это непрерывавшееся, разносившееся по рѣкѣ и берегамъ, громкое церковное пѣніе! Особенно умилительны были зазвѣвы: „Пресвятая Богородице, спаси насъ“, „Святителю отче Николае, моли Бога о насъ“ „Преподобный отче Арсеніе“... и т. д.

При приближеніи къ скиту направо отъ крестнаго хода, на неизменномъ берегу рѣки выстроились въ рядъ на лошадяхъ для встрѣчи крестнаго хода солдаты съ офицерами драгунскаго полка, эскадронъ котораго расположенъ вблизи монастыря, въ имѣніи графа Рибопьера. Пріятно было видѣть, какъ эти воины, вооруженные въ оружіе смерти, набожно обнажали головы и осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ при прохожденіи крестнаго хода.

Около часа продолжалось шествіе по рѣкѣ. По прибытіи къ скитской пристани, всѣ вышли изъ лодокъ, и крестный ходъ по аллеѣ среди горнаго, заросшаго лѣсомъ, ущелья направился къ скиту. Хотя путь шелъ по довольно длинному и крутому подъему, однако Владыка принималъ участіе въ шествіи. По прибытіи на мѣсто, крестный ходъ остановился на наперти скитскаго храма во имя препод. Арсенія Великаго. Здѣсь было прочтано Евангеліе, а затѣмъ, по приказанію Владыки, протодіаконъ обратился къ народу, въ массѣ заполнявшему площадь у храма, громко возгласилъ: „Ко Пресвятѣй Богородицѣ нашей, Дѣвѣ Богородицѣ съ умиленіемъ, преклоньше колѣна, помолимся“; и вся народная масса опустилась на землю, преклонивъ колѣни. Владыка повышеннымъ и воодушевленнымъ голосомъ прочелъ молитву ко Пресвятѣй Богородицѣ. Все это производило трогательное впечатлѣніе, многіе отъ умиленія плакали. Затѣмъ Владыка и священнослужители вошли въ храмъ, гдѣ и закончилъ былъ молебенъ.

Сейчасъ же въ небольшомъ Скитскомъ храмѣ началась литургія, которую совершалъ архимандритъ Харьковскаго Покровскаго монастыря Аѳанасій съ двумя іеромонахами, іеросхимонахами и священникомъ г. Славянска В. Охотнымъ. Владыка слушалъ литургію, находясь въ алтарѣ.

По окончаніи литургіи, Владыка снова вышелъ съ священно-

служителями на средину храма, и начался молебенъ. По прочтеніи евангелія, крестный ходъ направился обратно по тому же пути и въ томъ же порядкѣ съ пѣніемъ канона и около 12 час. прибылъ къ монастырской пристани. По пути отъ пристани къ собору, Высокопреосвященный Владыка дважды осѣнилъ народъ на четыре стороны иконой Успенія Божіей Матери,—однѣй разъ на площади предъ св. воротами, а другой—на паперти собора. Въ соборѣ былъ законченъ молебенъ и было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и Царствующему Дому, Св. Синоду и Высокопреосвященному Архіепископу Арсенію, синклиту военачальниковъ, градоначальниковъ, христіанскому воинству, благотворителямъ обители и всѣмъ православнымъ христіанамъ. По разоблаченіи Владыка со славой прослѣдовалъ въ свои покои.

Въ этотъ же день Высокопреосвященнѣйшій Арсеній изволилъ совершать всенощное бдѣніе въ монастырскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ началѣ 7 часа веч., при колокольномъ звонѣ, Владыка совершилъ выходъ изъ своихъ покоевъ въ соборъ „со славою“ въ вышеописанномъ порядкѣ, и тотчасъ началось служеніе. Всенощную начиналъ и оканчивалъ настоятель монастыря архимандритъ Вассіанъ; Владыка выходилъ на литію и поліелей. Всенощное бдѣніе было отслужено строго по уставу со всѣми особенностями, какія соблюдаются въ этомъ монастырѣ. Изъ всѣхъ монастырскихъ службъ всенощное бдѣніе подъ великій праздникъ представляется самымъ интереснымъ. Очень большой интересъ представляло длительное пѣніе пѣвчихъ на оба клира, съ канонархами, схожденіемъ обояхъ клиросовъ на солею для совмѣстнаго исполненія нѣкоторыхъ пѣснопѣній, кажденія діаконовъ кадилами съ гробницами въ лѣвой рукѣ, кажденія такъ называемыми „Кацами“, выходъ Архіепископа на литію съ великимъ сонмомъ монашествующихъ въ черныхъ мантияхъ и на поліелей—въ блестящихъ облаченіяхъ со свѣчами, пѣніе величанія священнослужителями совмѣстно съ обоими клиросами, для этого сходящими на средину храма со свѣчами въ рукахъ. Все это такъ увлекало вниманіе и доставляло такое наслажденіе для религіознаго чувства и церковнаго вкуса, что не замѣчалась длительность службы и не чувствовалось утомленіе. Обширный Успенскій храмъ былъ переполненъ народомъ, но не могъ вмѣстить всѣхъ молящихся; поэтому одновременно совершалось всенощное бдѣніе и на монастырскомъ дворѣ у часовни, что среди двора, на мѣстѣ бывшей церкви. Служба въ соборѣ закончилась

около 12 час. ночи, послѣ чего монастырская братія провожала Владыку „со славою“ въ его покои. Это торжественное шествіе происходило въ обычномъ, вышеописанномъ, порядкѣ, но имѣло еще ту особенность, что всѣ провожавшіе шли со свѣчами, что среди ночи придавало этой процессіи особенно торжественный и великолѣпный видъ.

15-го августа, въ день Успенія Божіей Матери, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ 8 час. 30 м. утра совершилъ выходъ „со славою“ въ Успенскій соборъ для служенія литургіи. Въ этотъ день литургія была имъ совершена при участіи 12-ти священнослужащихъ, а именно: архимандритовъ—Вассіана и Аеанасія, о. ректора семинаріи, протоіерея А. Юшкова, ключаря протоіерея Г. Гончаревскаго, члена консисторіи протоіерея Н. Любарскаго, протоіерея В. Добровольскаго, священника г. Славянска В. Охотина и пяти іеромонаховъ. Цѣль хоръ изъ монашествующихъ и мальчиковъ—учениковъ монастырскихъ церковно-приходскихъ школъ въ д. Банномъ и д. Пришибѣ, прекрасно исполнившій всѣ иѣснопѣнія литургіи. На маломъ выходѣ совершено было возложеніе набедренниковъ на іеромонаховъ: Іоанна, Терапонта и Нестора, удостоенныхъ награжденія по представленію настоятеля монастыря. Когда награжденные были подведены протодіакономъ къ Владыкѣ, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Настоятель вашъ просилъ меня, чтобы я наградилъ васъ набедренниками. Вѣроятно, вы своею жизнью и служеніемъ заслужили того, чтобы настоятель просилъ о награжденіи васъ. Во вниманіе къ этому я и награждаю васъ, а вы, поощренные наградою, старайтесь далѣе и болѣе преуспѣвать въ доброй жизни и усердномъ служеніи. Набедренникъ—это мечъ духовный; онъ необходимъ намъ для отраженія и побѣжденія враговъ нашихъ. А кто наши враги?—Прежде всего—грѣхи наши; ихъ-то надо побѣждать и искоренять духовнымъ мечемъ, т. е. борьбой со страстями. Наибольшій же неистовый врагъ нашъ діаволь, ищущій всегда погибели нашей. Духовнымъ мечемъ противъ него служитъ молитва, постъ и др. иноческіе подвиги; этимъ мечемъ и старайтесь побѣждать врага вашего спасенія“. За симъ Владыка возложилъ на награждаемыхъ набедренники, провозгласивъ «ἄγιος». За этой же литургіей были совершены два рукоположенія—іеродіакона Герасима во іеромонаха и монаха Валентина—во іеродіакона. По особому желанію праздничную проповѣдь приготовилъ протоіерей о. Василій До-

бровольскій, который и произнесъ оную послѣ причащнаго стиха. По окончаніи литургіи Владыка среди храма началъ молебенъ Божіей Матери; послѣ „Богъ Господь“ и тропаря „Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси“, архимандритъ Вассіанъ съ іеромонахами пошелъ крестнымъ ходомъ въ храмъ св. Николая Чудотворца, что на мѣловой свалѣ, продолжая по пути пѣніе молебна; на скалѣ, на одной изъ имѣющихся тамъ галлерей, было закончено пѣніе молебна и провозглашены положенныя многолѣтія. Владыка, по разоблаченіи, благословляя народъ, прослѣдовалъ „со славою“ въ свои покои.

Въ 1 часть дня въ покояхъ, занимаемыхъ Владыкою, состоялась трапеза, на которой, кромѣ духовныхъ лицъ, были приглашены также офицеры драгунскаго полка, пришедшіе привѣтствовать Владыку и получить отъ него благословеніе. За обѣдомъ Владыка возгласилъ заздравницу за процвѣтаніе обители и здоровье настоятеля и братіи ея; архимандритъ Вассіанъ благодарилъ Высокопреосвященнаго Владыку за посѣщеніе монастыря и предложилъ тостъ за его его здоровье. Ключарь протоіерей І. Гончаревскій привѣтствовалъ Владыку въ слѣдующихъ словахъ:

„Ваше Высокопреосвященство! Уже два раза я имѣлъ удовольствіе быть очевидцемъ Вашего пребыванія въ Святогорской пустыни въ день ея храмоваго праздника—Успенія Божіей Матери. Я счастливъ и очень доволенъ, что удостоился этого, потому что, во-первыхъ, мнѣ пришлось здѣсь видѣть мѣсто, рѣдкое въ нашемъ краѣ по красотѣ своей природы; во-вторыхъ, мнѣ довелось здѣсь видѣть величіе и красоту здѣшнихъ монастырскихъ торжествъ и богослуженія, а главное, видѣть, какъ много значить участіе архіерея въ церковныхъ торжествахъ, какъ много даетъ оно народу и какъ православный русскій народъ благоговѣетъ предъ своими архипастырями. Все, что совершается здѣсь въ эти дни при Вашемъ, Владыко, участіи, такъ интересно, трогательно и умирительно, что неудивительно то, что всякій разъ, какъ Вы предпринимаете поѣзду въ Св. Горы, находятя лица, которыя просятъ Васъ взять ихъ съ собою. Такъ и въ настоящій разъ. Ваше Высокопреосвященство! Вашимъ участіемъ во вчерашнемъ крестномъ ходѣ, вашими торжественными „со славою“ выходами изъ покоевъ въ храмъ и обратно, служеніемъ всенощной и литургіи Вы дали возможность тысячамъ богомольцевъ видѣть особенности, красоту и блескъ архіерейскаго служенія. А извѣстно, какъ народъ любитъ это, съ

какимъ интересомъ и удовольствіемъ смотритъ на это. Вся обстановка архіерейскаго богослуженія внушаетъ представленіе о высотѣ архіерейскаго сана, объ авторитетѣ его ученія и о силѣ и важности его пастырской власти. Дай Богъ, чтобы народъ это представленіе переносилъ и на своихъ приходскихъ священниковъ, подчиняясь ихъ пастырскому авторитету, что такъ необходимо въ настоящее смутное время. Совершить поѣздку и сдѣлать то, что сдѣлали Вы, Владыко, здѣсь въ эти дни,—есть трудъ, самъ по себѣ не малый, а при Вашихъ лѣтахъ и не легкій, требующій напряженія и тѣлесныхъ и духовныхъ силъ. Но Вы не остановились предъ тяжестью этого труда изъ расположенія къ Святогорской обители и любви къ простому народу, во множествѣ сюда стекающемуся. За то, какая великая польза должна получиться отъ Вашего посѣщенія этой обители и служенія въ ней! Вѣдь эти простые люди—богомольцы глубоко запечатались въ своихъ душахъ все, что здѣсь видѣли и слышали. Свои впечатлѣнія понесутъ они далеко, но своимъ глухимъ уголкамъ и подѣлятся ими со своими близкими. Ихъ простые рассказы тронуть не одно сердце и не въ одной душѣ зажгутъ они огонь благочестія и любви къ церкви Божіей. И какъ благодаренъ Вамъ, Владыко, этотъ народъ за Ваше къ нему вниманіе! Благодарна и обитель эта за Вашу любовь и расположеніе къ ней. Благодарны Вамъ и мы, прибывшіе съ Вами, за то, что удостоили провести эти дни въ близкомъ общеніи съ Вами. Въ выраженіи этихъ чувствъ позвольте, Владыко, провозгласить за Васъ здравницу: за здоровье бодрого и добраго Архипастыря и Владыки нашего Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія! Многая лѣта! Присутствовавшіе съ воодушевленіемъ проиѣли трижды „многая лѣта“.

Въ 2 час. 30 м. пополудни Владыка, собравшись къ отъѣзду изъ монастыря, прошелъ въ Покровскій храмъ, чтобы проститься съ монастырской братіей. Здѣсь его уже ожидали не только монашествующіе, но и міряне. Осмотрѣвъ церковь и въ особенности алтарь, Владыка вышелъ на солею и обратился къ братіи со слѣдующими словами:

„Благодарю васъ, братіе, за то душевное утѣшеніе, которое вы доставили мнѣ въ дни моего пребыванія у васъ. Особенно благодарю за иѣніе при служеніи въ вашемъ соборѣ вчера всенощной и сегодня литургіи. Я всегда дорожилъ монастырскимъ богослуженіемъ, совершаемымъ строго по уставу и съ благолѣ-

пѣемъ,—всегда любилъ прекрасное монастырское пѣніе съ его особенными напѣвами, и хорошее чтеніе. Особенности вашихъ роспѣвовъ производятъ умилительное впечатлѣніе. Но относительно пѣнія считаю нужнымъ замѣтить, что для пѣнія необходимо подобрать болѣе сильные голоса. Когда пѣніе исполняется сильными голосами, тогда оно, естественно, производитъ болѣе сильное впечатлѣніе и дѣйствіе на душу молящагося. Кромѣ этого нужно заботиться, чтобы при пѣніи слова произносились ясно и разборчиво, потому что въ пѣніи важенъ не только голосъ поющаго, но и слова, которыя онъ поетъ. Словомъ, въ пѣніи нужно достигать, чтобы не только голосъ поющаго, но и слова были пріятны, чтобы слушающій умилялся не только звуками пѣнія, но и содержаніемъ пѣснопѣній, а это возможно только тогда, когда поющіе произносятъ слова отчетливо и разборчиво. Не думайте, что молитва заключается только въ чтеніи, пѣніе же, будто, служитъ только для услажденія слуха. Нѣтъ,—пѣніе есть также молитва, и притомъ молитва, исторгающая слезы и у поющаго и у слушающаго. Старайтесь также и въ чтеніи церковномъ наблюдать, чтобы оно было громкое, разборчивое, внятное и пріятное, потому что только при этихъ качествахъ оно можетъ привлекать вниманіе слушающихъ и быть назидательнымъ. Вообще, братія, старайтесь, чтобы и ваше служеніе и ваша жизнь были образцовыя. Теперь приходится слышать много нападокъ на монастыри: отвергаютъ значеніе монастырей, монашествующихъ считаютъ людьми бесполезными, ничего не дѣлающими.

По своему церковному уставу и строгому житію такихъ монастырей какъ Св. Горы не много. Старайтесь выполнять то и другое и отнюдь не измѣнять установленнаго порядка, и ваша обитель всегда будетъ пользоваться любовью и уваженіемъ. Еще благодарю васъ, братія, за духовное утѣшеніе, которое вы доставили мнѣ. Благословеніе Божіе да пребудетъ на васъ и обители вашей“.

Братія слушала Владыку съ большимъ интересомъ и глубокимъ вниманіемъ. За симъ Владыка преподалъ всѣмъ бывшимъ въ церкви благословеніе и, окружаемый братіей, провожавшей его съ пѣніемъ, вышелъ изъ церкви и въ 3 часа пополудни отбылъ изъ монастыря въ г. Славянскъ.

Прот. І. Гончаревскій.

(Окончаніе будетъ).

Иноепархіальный отдѣлъ.

Рѣшеніе Калужской епархіальной власти о томъ, имѣетъ ли право съѣздъ духовенства вмѣшиваться во внутреннюю жизнь духовно-учебныхъ заведеній?

Когда Калужскій съѣздъ духовенства постановлялъ по поводу женскаго епархіальнаго училища: „Въ воспитательномъ отношеніи найдено излишнимъ присутствіе воспитательницъ на урокахъ въ старшихъ классахъ, а чтеніе ими писемъ, получаемыхъ воспитанницами, признано педагогическимъ приѣмомъ сомнительнаго достоинства“, то на этомъ постановленіи положена такая резолюція мѣстнаго преосвященнаго:... „депутаты не имѣютъ никакого законнаго права вмѣшиваться во внутреннюю жизнь д. уч. заведеній, а тѣмъ болѣе дѣлать въ этомъ отношеніи постановленія. О о. депутаты, нужно предполагать, возмнили, что манифестомъ 17-го октября дарована имъ свобода вмѣшиваться во внутр. строй епарх. женск. училища, но они въ данномъ случаѣ очень ошиблись. А посему они не имѣли никакого права постановлять то, чтобы воспитательницы не присутствовали на урокахъ въ послѣднихъ четырехъ классахъ. Они также не имѣли права такъ смѣло и храбро постановлять, чтобы письма, присылаемыя воспитанницамъ, не читались ни начальницей, ни воспитательницами... Существующій обычай вскрытія писемъ пока остается въ дѣйствиіи (Кал. Еп. Вѣд. № 6—7).

Съѣздъ духовенства Воронежской епархіи.

Вотъ какими чертами описываетъ безпристрастный наблюдатель пастырскій съѣздъ въ Воронежѣ:

Занятія съѣзда имѣли публичный характеръ, и присутствовавшая публика покрывала аплодисментами рѣчи „симпатичныхъ“ ораторовъ. Много смѣшалъ собраніе одинъ батюшка, который вскакивалъ говорить послѣ каждаго оратора протоіерея и начиналъ свои рѣчи одной фразой: „мое несчастіе: мнѣ всегда приходится говорить послѣ протоіерея“. Какой-то священникъ, прослужившій лѣтъ сорокъ на мѣстѣ, торжественно выступилъ впередъ, указавъ на свою, лишенную уже растительности, голову и заявилъ,

что онъ не имѣетъ, чѣмъ прикрыть лысину, живетъ въ плохомъ, глухомъ приходѣ, а вотъ наши протоіерей сами украсили себя орденами, поназдѣвали камылавки и занимаютъ лучшія мѣста. Благочинные тоже самовольно поставили себя благочинными, тѣснятъ духовенство и тянутъ въ одну дудку съ консисторіей, которая—мерзость заустѣнія и полна злоупотребленій. Тотъ же священникъ забылъ фамилію бывшаго оберъ-прокурора Побѣд-носцева и только послѣ долгихъ усилій памяти и усерднаго тренія лба, вспомнилъ ее, а имя своего архіепископа, какъ ни старался, могъ вспомнить только на другой день. Выходи и этого пастыря вызвали рукоплесканія и дружный смѣхъ.

Бывшій преподаватель Воронежской духовной семинаріи г. П. Никольскій, въ „Воронежскомъ Телеграфѣ“, даетъ такой отзывъ объ этомъ съѣздѣ. „На съѣздѣ очень холодно слушались рѣчи чисто церковнаго характера. И позволительно назвать этотъ съѣздъ сословно-политическимъ, но не церковнымъ. Пастыри, утверждающіе, что ихъ работа будетъ плодотворною лишь при политическомъ обповленіи жизни, являются общественными дѣятелями, но перестаютъ быть пастырями, забывая, что пастырство дѣлало чудеса въ самыя мрачныя политическія эпохи. И если минувшій съѣздъ былъ выразителемъ подлинныхъ настроеній всего епархіальнаго духовенства, то мы, церковные люди, должны сказать прямо, не страшась укоризнъ въ отсталости: „Нѣтъ! вы, пастыри, ошибаетесь, мы не поидемъ за вами. Вы съ одобреніемъ слушали оратора, говорившаго, что собственность есть воровство, и доказывавшаго это святыми отцами. Но отчего никому изъ васъ не пришло въ голову послѣ этого, хотя бы по ассоціаціи, что въ деревняхъ теперь голодь и что вамъ, въ общемъ весьма состоятельнымъ собесѣдникамъ, не грѣшно было бы открыть здѣсь же подписку на голодающихъ? Или это старо, не либерально? Или это не такъ дешево, какъ говорить рѣчи о собственности, какъ о воровствѣ. Вы жаловались, что прихожане вамъ не вѣрятъ только потому, что во всякихъ нашихъ рѣчахъ, хотя бы самыхъ прогрессивныхъ, видятъ одни слова. Вотъ если бы ораторъ, говорившій, что собственность есть воровство, послѣ этого пошелъ и роздалъ свое имѣніе, а другіе, одобрительно слушавшіе его, послѣдовали его примѣру, тогда прихожане повѣрили бы своимъ пастырямъ. Вы говорите, что пастыри должны уравнивать чашку вѣсовъ, не только призывая угнетенныхъ къ терпѣнію, но и прямо говоря о неправдахъ сильныхъ міра. Это забытая теперь истина. Но

чтобы и наше равновѣсіе не было показнымъ, обличите сначала себя, скажите простые слова: „мы, пастыри, живемъ не по-пастырски“. Этого вы не хотите сказать, и когда одинъ изъ васъ предложилъ такую резолюцію, вы единодушно отвергли ее, говоря, что не уполномочены на это своими округами. Вотъ гдѣ проба нашей искренности, и вотъ почему мы—церковники—не пойдѣмъ за вами, сколько бы красивыхъ словъ вы ни говорили. Не поидетъ за вами и либеральное общество, потому что оно поищетъ болѣе искреннихъ вождей“.

(Сам. Еп. Вѣд.).



Хроника церковно-общественной жизни.

Агитаторы въ прошломъ и настоящемъ.

Въ „Колоколѣ“ находимъ сравненіе между агитаторами прежняго времени и настоящаго, говорящее далеко не въ пользу послѣднихъ. Вотъ что читаемъ здѣсь объ агитаторѣ прежнихъ временъ.

„Онъ былъ увѣренъ, что работаетъ на общую пользу, что онъ въ самомъ дѣлѣ выступаетъ борцомъ за правду и справедливость. И за эту правду, за эту справедливость, какъ онъ ихъ понималъ въ своемъ невѣжествѣ, онъ шелъ на борьбу, нерѣдко жертвуя своей свободой в даже жизнью.. Это былъ скорѣе несчастный фанатикъ-исхопать, одержимый маніей величія, чѣмъ преступникъ въ обычномъ смыслѣ“.

Другое дѣло—агитаторъ новѣйшей формациі:

Унаслѣдовавъ всѣ отрицательныя качества и свойства агитатора прежнихъ временъ, онъ прибрѣлъ много новыхъ, еще болѣе отрицательныхъ качествъ: непомирную злость, зависть къ имущимъ классамъ общества, стремленіе къ сладкой жизни, отвращеніе къ труду, пренебрежительное отношеніе къ религіи, желаніе задавать тонъ въ обществѣ, властвовать в тому подобное. Главное же отличіе прежняго агитатора отъ нынѣшняго заключается въ томъ, что прежній, хоть и по своему, любилъ свой народъ, любилъ Россію и всѣ свои силы, всю свою жизнь онъ нерѣдко отдавалъ своему народу, своей родинѣ, будучи увѣренъ, что приноситъ пользу именно своему народу и своей родинѣ. Въ

этомъ, именно, онъ видѣлъ свое призваніе и въ этому стремился. Это былъ фанатикъ-патріотъ, дѣятельность котораго, въ прискорбію, была направлена не въ надлежащую сторону. Отсюда,— тотъ ореоль, тѣ невольныя симпатіи, которыми общество надѣляло прежняго агитатора, человѣка хоть и преступнаго съ точки зрѣнія закона, но преступность котораго вытекала изъ чистаго источника любви и самопожертвованія. Не то агитаторъ новѣйшаго времени. Онъ совсѣмъ не признаетъ родины. Патріотизмъ для него не только звукъ пустой, но отсутствіе такового онъ ставитъ себѣ въ заслугу и нагло хвастаетъ тѣмъ, что онъ свободенъ отъ привязанности къ вскормившей и вспоившей его родинѣ.

Кто долженъ пользоваться участками земли, находящимися при церковно-приходскихъ школахъ?

При многихъ церковно-приходскихъ школахъ имѣются участки земли, изъ-за пользованія которыми нерѣдко возникаютъ недоразумѣнія между о.о. завѣдующими и учителями. Вслѣдствіе возникшихъ по этому вопросу недоразумѣній между о. завѣдующимъ и учителемъ школы с. Н., Винницкаго уѣзда, о. завѣдующій обратился въ отдѣленіе училищнаго совѣта съ просьбою разъяснить ему, за кѣмъ считается школьный огородъ—за школой, или учителемъ? На журнальномъ постановленіи Винницкаго отдѣленія Под. еп. уч. совѣта отъ 12 мая 1906 года за № 2/381 по сему предмету послѣдовало слѣдующее опредѣленіе епарх. уч. совѣта, утвержденное резолюціей Его Преосвященства Преосвященнаго Царевенія: „Такъ какъ принадлежащія школамъ усадебныя участки повсемѣстно состоятъ въ пользованіи наличныхъ учителей и представляютъ одинъ изъ видовъ добавочнаго содержанія ихъ, подобно церковнымъ усадьбамъ для мѣстныхъ причтовъ, то и по школѣ с. Н. не имѣется основаній дѣлать какое либо исключеніе“.

— *На сгъздѣ* духовныхъ педагоговъ, на которомъ обсуждались учебная и воспитательная сторона жизни духовной школы, были вызваны въ Учебный Комитетъ изъ числа начальниковъ и наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній слѣдующіе лица:

Ректора семинарій: Вифанской—прот. о. Андрей Бѣляевъ, Новгородской—архим. Сергій, архим. Веніаминъ, Черниговской—прот. Іаковъ Галаховъ.

Инспекторы духовныхъ семинарій: Вятской—ст. сов. А. Лепорскій, Литовской—с. с. С. Лавровъ, Московской—с. с. Ястребцовъ, Орловской—н. с. И. Евсѣевъ.

Смотрителя училищъ: Вологодскаго—с. с. В. Лебедевъ, Кнѣшескаго—прот. П. Крутиковъ, Петербургскаго—прот. Д. Цѣлковъ

Преподаватели духовныхъ семинарій: Вифанской—с. с. И. Пякинъ, Казанской—н. с. В. Юрасовъ, Кіевской—с. с. в. Гнѣвушевъ, Могилевской—с. с. А. Скворцовъ, Новгородскій—с. с. Андрей Гедевскій, Одесской—с. с. Н. Райскій, Полтавской—с. с. А. Стадницінъ, Псковской—с. с. И. Лавровъ, С. Петербургской—с. с. А. Маскѣевъ, Тульской—свящ. Д. Селвинъ.

Занятія съѣзда, какъ сообщаютъ газеты, уже закончились. Выработанныя программы, сосредоточивъ богословскіе предметы въ послѣднихъ двухъ классахъ, имѣютъ цѣлью создать изъ первыхъ четырехъ классовъ средня общепобразовательныя учебныя заведенія, въ которыхъ былъ бы возможенъ переходъ въ высшія учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПО СЛУЧАЮ РАСПРОДАЕТСЯ ПАСѢКА

Прот. П. И. Буткевича

въ количествѣ 140 ульевъ пчель.

Можно прибрѣтать частями по нѣсколько ульевъ разныхъ классическихкихъ системъ.

Пасѣка находится на дачѣ близъ ст. Мереха.

Тамъ же продается до ста пустыхъ ульевъ,—центробѣжка, рамки и другія пчеловодныя принадлежности.



ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ
СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

И. Г. АЙВАЗОВА:



1. Орловскій миссіонер. съѣздъ въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти. Цѣна 75 коп.
2. Новое Вселенское Христіанство—Религія Конца. Древне-іудейская и христіанская культуры. Цѣна 35 коп.
3. Всемирная задача христіанства. Христіанское Самодержавіе. Ц. 25 к.
4. Религіозная правда Русскаго Самодержавія. Цѣна 10 коп.
5. Къ вопросу о смертной казни. Цѣна 25 коп.
6. Внутренняя миссія въ Тамбовской епархіи за 25 лѣтъ. Цѣна 40 к.
7. Бесѣда съ сектантами о субботѣ и воскресномъ днѣ. Цѣна 20 к.
8. Миссіонерская полемика. Цѣна 20 коп.

Готовится къ изданію: „Русское сектантство“. Ц. 25 к.

Съ требованіями обращаться въ большіе книжные магазины и къ автору.

Харьковъ, Екатеринославская улица, 31.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ еднновѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣллева.—„Книга Руувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія молниама“ Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика в религіи въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Константинъ ИСТОМИНЪ.